4
Л43

РУССКИЙ ЯЗЫК
И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

*

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

РУССКИЙ ЯЗЫК
И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Социолого-лингвистическое исследование

Под редакцией
М. В. ПАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

ЛЕКСИКА
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

Коллективная монография «Русский язык и советское общество», подготовленная сектором современного русского литературного языка Института русского языка АН СССР (под руководством М. В. Панова), состоит из четырех книг:

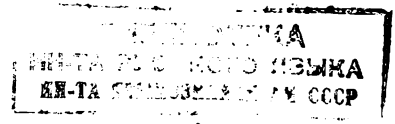
— Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи. Лексика современного русского литературного языка.

— Словообразование современного русского литературного языка.

— Морфология и синтаксис современного русского литературного языка.

— Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры.

В данной книге публикуются первые два раздела: «Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи» и «Лексика современного русского литературного языка». В ней рассматриваются общие принципы исследования русского языка в связи с социальными изменениями в советском обществе за 50 лет; описываются пути пополнения лексики, типы семантических изменений и их характер; показана возрастающая роль терминологической лексики.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
63100

7-1-2
189-68(I)

ОТ АВТОРОВ

Тема «Русский язык и советское общество» была выдвинута академиком В. В. Виноградовым и профессором С. И. Ожеговым в 1958 г. Проф. С. И. Ожегов в докладе на Ученом совете Института русского языка АН СССР о предполагаемой работе над этой темой сказал: «Развитие литературного языка, вызванное особенностями социальной структуры советского общества, и своеобразный социально-языковой механизм эволюции являются характерными признаками нового этапа в развитии русского литературного языка. Сейчас мы можем говорить о реализации многих народных тенденций, которые были заложены в прошлом, и о разрешении ряда противоречий в развитии системы языка в новых социальных условиях»[1].

Изучение этих проблем и должно было определить содержание будущей монографии.

С 1959 г. началась предварительная работа по собиранию материала для монографии, намечались пути теоретического осмысления отдельных аспектов этой большой темы. Эту работу возглавил С. И. Ожегов. Его увлеченность новой темой, его энтузиазм помогли сплочению постепенно складывавшегося авторского коллектива.

В 1962 г. была закончена работа по составлению проспекта будущей монографии [2] (раздел лексики написан С. И. Ожеговым, разделы словообразования, морфологии, синтаксиса, фонетики и стилистики — М. В. Пановым, раздел о развитии диалектов — И. А. Оссовецким). Проспект обсуждался на расширенном заседании сектора современного русского языка ИРЯЗ АН СССР, на Всесоюзной конференции, посвященной проблемам развития национальных языков в советскую эпоху (Алма-Ата, 1962), на заседании Ученого совета ИРЯЗ АН СССР.

В дальнейшем проспект с учетом изменений и добавлений, рекомендованных во время обсуждений, лег в основу работы над мо-

---

[1] Протокол заседания Ученого совета ИРЯЗ АН СССР 13 ноября 1958 г.
[2] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962.

нографией. Однако в некоторых случаях задачи, поставленные в проспекте, оказались шире, чем возможности современного этапа в изучении этой темы; с другой стороны, в ходе работы над монографией открылись перспективы изучения, не учтенные в проспекте. Поэтому проспект по отношению к монографии сохраняет самостоятельность как свидетельство определенного этапа в изучении темы и как определенное теоретическое осмысление ее задач.

С. И. Ожегов намеревался принять участие в дальнейшей разработке темы, в частности работать над некоторыми главами лексического раздела. Смерть помешала осуществиться этим планам ученого.

В 1963 г. сложился основной авторский коллектив монографии. Началась работа над уточнением теоретических основ изучаемой темы. Напряженными были поиски новых методов собирания материала, новых приемов (вытекающих из социолого-лингвистического существа темы) обобщения накопляемых фактов. К написанию некоторых разделов были привлечены русисты, не являющиеся сотрудниками ИРЯЗ АН СССР. В течение 1963—1966 гг. результаты изучения отдельных разделов монографии неоднократно обсуждались в Институте русского языка и на Отделении литературы и языка АН СССР.

Монография написана следующим авторским коллективом: Д. И. Алексеев, Г. А. Баринова, Р. В. Бахтурина, В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, Л. К. Граудина, В. П. Даниленко, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Г. А. Золотова, Е. А. Иванчикова, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, О. А. Лаптева, И. П. Мучник, В. Г. Орлова, И. А. Оссовецкий, М. В. Панов (руководитель работы), Е. Ф. Петрищева, А. С. Попов, Е. Н. Прокопович, Р. П. Рогожникова, Т. Г. Строганова, А. И. Сумкина, Д. Н. Шмелев, Н. А. Янко-Триницкая.

В собирании материала принимали участие все авторы монографии, но особенно значительной была работа Г. А. Бариновой, Н. Е. Ильиной, Е. В. Красильниковой, С. М. Кузьминой и Л. В. Степанченко.

В трудоемкой работе по кодированию вопросников участвовали Т. А. Александрова, Г. А. Баринова, Р. В. Бахтурина, Н. М. Волкова, В. Л. Воронцова, А. Ф. Газелериди, Л. К. Граудина, Н. Е. Ильина, И. П. Казакова, Е. В. Красильникова, С. М. Кузьмина, Н. М. Лисина, Д. З. Нерославская, Е. Н. Прокопович, М. В. Серебренникова, Л. В. Степанченко, А. И. Сумкина, Л. И. Шитова.

Запись живой речи производили Г. А. Баринова, Р. В. Бахтурина, В. Л. Воронцова, В. С. Ворожейкина, Е. И. Голанова, В. П. Даниленко, И. Н. Егорова, Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, Л. П. Крысин, С. М. Кузьмина, Е. Ф. Петрищева. Руководили этой работой Л. А. Капанадзе и Л. П. Крысин.

Материал для монографии собирался с помощью вопросников — по лексике, морфологии, словообразованию, русскому литературному произношению. Некоторые полученные нами вопросники свидетельствуют о глубоком интересе отвечавших к развитию русского языка, о живом внимании к многообразным фактам современной речи.

Особенно нам помогли: Н. Н. Абрикосова (Москва), П. В. Александров (Ленинград), П. А. Амосов (Пермь), В. П. Андреева (Ленинград), И. К. Андроников (Ленинград), В. Ф. Анисов (Москва), Л. К. Аралова (Москва), В. Д. Арзамасцева (Горьковская обл.), Л. Г. Аскерова (Казань), П. П. Астафьев (Москва), В. П. Афанасьева (Торжок), Л. Я. Афанасьева (Ростов-на-Дону), М. Н. Афанасьева (Ульяновск), В. В. Бажанов (Ленинград), Е. Н. Баркова (Орел), А. О. Барченко (Москва), С. Я. Бейлин (Ленинград), Е. С. Березина (Свердловск), А. Н. Бертов (Москва), А. А. Бескаравайная (Новгородская обл.), С. П. Бобров (Москва), А. А. Боголюбский (Воткинск), Е. Б. Борисова (Москва), Д. Г. Боровлева (Волгоград), Н. В. Боровский (Полоцк), З. Н. Бочарникова (Рыбинск), И. И. Бугорков (Москва), О. Н. Бурмистрова (Московская обл.), А. А. Бурнашев (Московская обл.), И. В. Бурова (Калининградская обл.), Е. Ф. Васильева (Московская обл.), Ю. П. Ваулин (Свердловск), С. М. Вдовин (Челябинская обл.), И. В. Веремьев (Московская обл.), Б. С. Виноградов (Казань), Л. А. Власова (Златоуст), В. А. Волженков (Москва), Г. В. Волкова (Армавир), Л. В. Вологдина (Ленинград), В. А. Галеев (Москва), И. Г. Гашичев (Москва), З. В. Гераценко (Москва), В. Г. Глазунов (Московская обл.), Р. Ф. Глухова (Нижний Тагил), Б. Т. Голдобин (Куйбышев), В. А. Голицына (Московская обл.), Г. Я. Головачева (Москва), К. В. Голубев (Рыбинск), П. А. Голубков (Москва), Ю. В. Горбунов (Москва), И. В. Горобинская (Вязьма), Н. А. Горяева (Пермская обл.), И. С. Гречкин (Армавир), А. В. Григорьев (Архангельская обл.), Т. П. Григорьева (Свердловск), Б. Л. Гудков (Ленинград), Р. А. Гулярчина (Ленинград), Ю. А. Гуркин (Ленинград), С. З. Гуров (Московская обл.), А. С. Гущин (Москва), А. С. Давыдова (Куйбышев), С. И. Девятов (Ленинград), В. С. Дедов (Ленинград), В. А. Долганова (Ярославская обл.), В. Н. Дрожкин (Горький), Г. Ф. Дубинская (Московская обл.), Е. И. Дубко (Братск), Т. П. Дурнова (Череповец), Л. А. Дьякова (Московская обл.), О. Г. Егорова (Таганрог), З. Н. Елисеева (Рязанская обл.), Е. П. Еремеева (Ленинград), Б. Н. Ефремов (Владимирская обл.), Г. А. Жолобова (Калининград), А. З. Завадский (Москва), Д. Г. Зайдин (Москва), Н. В. Зайцева (Пермь), П. П. Зверев (Московская обл.), Ю. И. Золотарева (Казань), А. К. Золотухин (Москва), А. И. Зубков (Ростов-на-Дону), Н. Н. Зуев (Калуга), М. Н. Зыбин (Москва), Д. К. Иванов (Елабуга), Л. В. Иванов (Горький), Е. М. Иванова (Ленинград), М. Д. Иванова (Куйбышевская обл.), Г. Д. Ивашкин (Ленин

град), Е. Ф. Игнатьева (Москва), Н. М. Илларионов (Тула), Ф. М. Ищенко (Бердянск), Л. Н. Кабуковская (Москва), М. А. Казакова (Москва), Р. К. Казанцева (Ленинград), Л. К. Калинина (Куйбышев), Л. Р. Калюта (Московская обл.), А. Н. Каменский (Москва), А. Д. Капустин (Москва), О. М. Киселев (Казань), Л. С. Киселева (Брянск), О. С. Киселева (Рига), Н. Г. Клебанова (Брянская обл.), А. А. Климов (Свердловск), И. М. Климов (Тула), Е. А. Княжецкая (Ленинград), А. В. Коваленский (Москва), С. А. Ковин-Гранатов (Ленинград), Г. Г. Козка (Армавир), Л. И. Козловская (Уральск), В. Д. Коковина (Новгород), М. М. Комаровская (Горький), Ф. Б. Кондратович (Минская обл.), В. В. Кононов (Пермь), Н. М. Коровкин (Свердловск), Т. Г. Короленко (Липецк), Н. Т. Корольков (Куйбышев), В. С. Коротаев (Московская обл.), Г. А. Коршунова (Куйбышев), О. М. Косолапова (Мурманск), Г. В. Кудряшова (Московская обл.), З. М. Кузнецова (Череповец), М. В. Кузнецова (Московская обл.), В. В. Куторга (Вильнюс), Л. Н. Кутузова (Армавир), Ю. И. Кутузова (Калининград), А. В. Лабутин (Костромская обл.), А. Ф. Лаврухина (Феодосия), А. Г. Лазарев (Казань), Б. М. Лазарев (Ленинград), Т. М. Лазаренков (Москва), А. П. Лазученкова (Москва), В. Л. Лебедев (Москва), М. М. Лебедев (Москва), Е. В. Лельчук (Москва), А. А. Леонтьев (Москва), Л. И. Литвиненко (Московская обл.), Е. И. Ломакина (Ленинград), Г. А. Лучинина (Череповец), Ф. Д. Ляхов (Одесса), Н. А. Ляховская (Москва), Н. В. Максимова (Москва), В. А. Макушкин (Тамбовская обл.), Н. Д. Мамаева (Москва), Н. П. Манцилова (Ленинград), Л. С. Меликова (Москва), Г. В. Меркульев (Москва), Д. Г. Мещерская (Москва), Г. В. Митрофанов (Саратов), В. М. Михайлов (Казань), Г. А. Михеев (Семипалатинск), Г. Н. Михеев (Москва), Д. Д. Москвин (Москва), М. В. Мошкевич (Минск), С. И. Мякутин (Ленинград), К. А. Назаретская (Казань), М. Ф. Некрасов (Московская обл.), Л. В. Нестеров (Казань), М.В. Никитина (Москва), Д. И. Николаев (Уфа), О. Н. Никольская (Елец), С. А. Новикова (Саратовская обл.), А. В. Оболенская (Москва), В. Н. Овчаренко (Душанбе), Р. Е. Одушева (Калининградская обл.), Л. А. Ордина (Горький), Г. В. Орлов (Тамбов), А. Е. Орлова (Москва), М. Д. Осипова (Алатырь), Л. А. Павлова (Ярославль), Э. С. Павлова (Смоленская обл.), Н. Н. Паслов (Москва), Г. Н. Петрова (Московская обл.), Л. П. Петрова (Вологда), А. Н. Пильщиков (Архангельская обл.), А. Н. Плетнева (Тамбов), З. П. Плотникова (Свердловская обл.), Л. К. Побежимова (Тула), Г. А. Поваренков (Владивосток), В. А. Подвинцева (Свердловская обл.), Э. В. Показанога (Кустанайская обл.), П. И. Полухин (Куйбышев), А. Р. Поляков (Владимир), И. С. Поминов (Казань), С. И. Пономарева (Москва), В. И. Попов (Ростов-на-Дону), И. П. Попов (Ленинград), И. М. Посконный (Брянская обл.), С. А. Правоторов (Ярославль), А. Г. Просвиркина (Кировская обл.), С. П. Проскуров

(Пенза), Р. С. Протопопова (Ленинград), В. В. Пруткова (Куйбышевская обл.), Е. А. Прянишников (Москва), Л. Ю. Пухлякова (Москва), И. С. Райц (Ленинград), М. А. Реформатская (Москва), Г. И. Рогова (Тульская обл.), С. Н. Рожков (Москва), В. Т. Романцова (Белгородская обл.), В. Ф. Романцова (Москва), З. А. Рослякова (Москва), Л. А. Россов (Арзамас), Л. Я. Руженцева (Ленинград), А. А. Румянцева (Ленинград), З. Л. Рызаева (Горьковская обл.), В. Г. Савватеев (Удмуртская АССР), И. А. Савченко (Москва), М. И. Садогурский (Москва), А. И. Самарин (Донецк), И. В. Самуйлов (Чувашская АССР), В. С. Сачук (Алма-Ата), А. М. Сашунский (Москва), В. Р. Свидло (Псков), Б. И. Семенов (Горький), С. В. Семенова (Саратов), А. А. Семеновский (Москва), В. Н. Серебряный (Москва), А. П. Сизов (Москва), М. Ф. Силаев (Елец), И. В. Силин (Воронежская обл.), Г. В. Синякова (Ленинград), И. П. Скупченко (Волгоград), Б. В. Сливков (Арзамас), Я. В. Смеляков (Москва), В. И. Смирнова (Рига), Н. Н. Смоляк (Борисоглебск), В. А. Соболев (Южно-Сахалинск), В. А. Соколов (Москва), А. С. Соколова (Сахалин), В. А. Солодкий (Саратов), А. П. Соминская (Москва), Т. С. Сорокина (Курган), А. М. Сошинский (Москва), Н. С. Спирова (Ленинград), Г. В. Стародумов (Владивосток), Л. К. Степанов (Ленинград), П. П. Степанов (Курган), В. А. Степанова (Московская обл.), З. А. Страусова (Новгородская обл.), Е. П. Сударева (Свердловск), З. З. Сурьянинова (Йошкар-Ола), П. Е. Терехин (Майкоп), Н. Г. Толмачева (Вологда), В. И. Толстикова (Липецкая обл.), В. Н. Трунова (Мичуринск), М. Г. Тульцев (Тарту), Г. П. Туманова (Саратов), В. П. Тупицына (Вологодская обл.), В. Л. Туркевич (Волгоград), О. А. Тюренкова (Курган), И. С. Тюрин (Ярославль), О. Н. Тютина (Свердловск), А. Н. Узденников (Москва), Л. С. Ульянова (Московская обл.), И. М. Урушева (Москва), В. А. Успенская (Рязань), Н. П. Фалалеев (Свердловская обл.), О. Е. Федорова (Казань), Л. М. Филатова (Ростов-на-Дону), И. А. Филимонов (Петрозаводск), С. А. Филимонов (Ленинград), В. П. Харлашин (Москва), Л. П. Хохлова (Вологда), Ю. А. Хрусталев (Москва), В. А. Цуранов (Ленинградская обл.), С. Ю. Цым (Баку), А. А. Черник (Куйбышев), М. Г. Чернова (Свердловск), Р. Г. Чернышко (Ростовская обл.), Л. В. Чижикова (Ленинград), А. П. Чиканцев (Свердловск), Н. В. Чиколадков (Москва), Б. И. Чирков (Москва), Г. Б. Чирков (Москва), П. А. Чистиков (Великий Устюг), В. Н. Чистякова (Костромская обл.), Е. А. Чуйкина (Москва), О. В. Чулкова (Москва), М. В. Шабельникова (Москва), В. Д. Шальнов (Челябинск), В. В. Шаповалов (Ленинградская обл.), Л. Ю. Шастина (Казань), А. М. Шахмаева (Махачкала), А. Т. Шевченко (Белая Калитва), Т. Н. Шкарина (Московская обл.), Т. И. Шлаговская (Москва), Л. П. Шулькин (Углич), Р. И. Шур (Москва), С. С. Шустров (Москва), Л. И. Щеглова (Тула), П. Т. Щербаков (Воркута), Л. С. Экслер (Москва), Т. М. Юрская (Уфа), В. Н. Ястребов (Казань).

Среди отвечавших на вопросники были учителя, врачи, строители, шоферы, метеорологи, химики, агрономы, гидрологи, радисты, физики, горные инженеры, конструкторы, электромеханики, биохимики, математики, бухгалтеры, шахтеры, преподаватели вузов и техникумов, домашние хозяйки, научные работники, студенты, военнослужащие, экономисты, железнодорожники, географы, связисты, портные, фельдшеры, машинистки, актеры, писатели, художники и люди многих других профессий. Приносим им всем благодарность.

Многие организации и лица помогали нам в распространении лингвистических вопросников. Мы с благодарностью должны упомянуть здесь наиболее деятельных наших помощников:

редакцию журнала «Семья и школа», кафедру русского языка Казанского университета, редактора литературно-драматического вещания Государственного комитета по радиовещанию и телевидению З. Н. Люстрову, Л. И. Баранникову (Саратовский университет), Б. Н. Головина (Горьковский университет), В. И. Кодухова (Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена), Е. Н. Муравина (Запорожье), Р. Д. Оганесову (Армавирский педагогический институт), Р. Н. Попова (Череповецкий педагогический институт), Л. Н. Саркисову (Донецкий университет), Г. М. Сидорова (Мелекесский педагогический институт), А. Н. Тихонова (Самаркандский университет), Н. А. Шехтмана (Оренбургский педагогический институт), Ю. В. Шанина (Киев), И. В. Воскресенскую (Московский областной педагогический институт).

Механизированная обработка вопросников проводилась силами сотрудников Центральной машинно-счетной станции ЦСУ СССР и Института русского языка. Успешному завершению этой работы способствовали главный инженер Я. Л. Ципис, инженеры-проектировщики С. Н. Полякова, Р. А. Соколова, И. А. Шиканьян. Мы благодарны им, а также чл.-корр. АН СССР В. Н. Старовскому, под общим наблюдением которого велась работа.

В обработке данных вопросников и экспериментов большую помощь оказали сотрудники кафедры теории вероятности МГУ Н. Г. Рычкова, М. Е. Ратнер, Н. Д. Светлова. Их участие выразилось в проведении семинарских занятий по теории вероятности и математической статистике (Н. Г. Рычкова, М. Е. Ратнер), в индивидуальных консультациях по ряду статистических задач, в предложениях наиболее рациональных решений отдельных задач (М. Е. Ратнер, Н. Д. Светлова).

За помощь в организации записей устной речи мы благодарим руководство, общественные организации и коллектив рабочих и служащих комбината «Трехгорная мануфактура»; московских заводов «Серп и Молот», «Красный пролетарий», «Каучук», фабрики «Буревестник», дирекцию Московского энергетического института, дирекцию Института точной механики и вычислительной техники, дирекцию Математического института им. В. А. Стек-

лова АН СССР, дирекцию Института истории АН СССР, Института археологии АН СССР и Института этнографии АН СССР; народных судей Киевского р-на г. Москвы В. В. Богданова, М. П. Лазынко, М. Г. Трусову, народного судью Фрунзенского р-на г. Москвы Ю. Т. Чигринова.

Мы выражаем нашу благодарность за содействие в проведении лингвистических экспериментов заведующему кафедрой общего языкознания Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина И. А. Василенко, заведующему кафедрой русского языка Череповецкого педагогического института Р. Н. Попову, заведующему кафедрой русского языка Саратовского университета Л. И. Баранниковой, преподавателю Казанского университета кандидату наук З. М. Альмухаммедовой, членам языковедческих кафедр Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина кандидатам наук И. А. Кудрявцевой, Н. А. Крылову, М. С. Буниной, С. Г. Капраловой, К. И. Мишиной. За активное участие в проведении лингвистического эксперимента мы благодарим Н. С. Голубничую — управделами Дорогомиловского химического завода.

Мы благодарим сотрудников иностранного отдела редакции газеты «Вечерняя Москва» за разрешение ознакомиться с письмами читателей, поступившими на конкурс, проведенный газетой после первого выхода из корабля в космическое пространство советского космонавта А. Леонова;

Совет по сценической речи Всероссийского театрального общества— за помощь в организации наблюдений над сценической речью в Московских театрах;

преподавателя Куйбышевского университета кандидата филологических наук В. Д. Бондалетова за любезно предоставленную нам коллекцию частных писем XX в.;

сотрудника Кафедры русского языка Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы Ю. Г. Овсиенко, сотрудника МГПИИЯ им. Мориса Тореза Ю. А. Маркова за возможность ознакомления с собранными ими записями устной речи;

сотрудников редакции газеты «Сельская жизнь» за любезно предоставленную возможность ознакомиться с письмами в редакцию.

В течение работы над монографией мы не раз обращались за советом ко многим языковедам-русистам. Многое дали для нашей работы выступления специалистов при общественных обсуждениях монографии. Нам помогли член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов, член-корреспондент АН СССР В. И. Борковский, С. С. Высотский, И. С. Ильинская, С. И. Котков, Н. С. Поспелов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров, А. Б. Шапиро. Постоянно помогал нашей работе и направлял ее акад. В. В. Виноградов.

Мы благодарим всех, кто оказал нам помощь в работе над монографией.

* * *

Авторы раздела «Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи»: §1—3, 5—6 — И. П. Мучник и М. В. Панов, §4 — И. П. Мучник и Д. Н. Шмелев, §7—10 — Е. А. Земская, И. П. Мучник и Д. Н. Шмелев, §11—16 — Л. П. Крысин и М. В. Панов, §17—22 — Р. В. Бахтурина и М. Я. Гловинская.

Раздел «Лексика современного русского литературного языка» написан: Д. Н. Шмелевым (§ 1—7, 40—67, 73—74), Л. П. Крысиным (§ 8—39), Е. Ф. Петрищевой (§ 68—72, 75—86), Л. А. Капанадзе (§ 87—113), под общим руководством Д. Н. Шмелева.

Авторы благодарят доктора филологических наук Ю. С. Степанова и кандидата филологических наук А. А. Уфимцеву за ценные замечания, сделанные ими при рецензировании книги.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

англ.— английское
буд. вр.— будущее время
вин. п.— винительный падеж
возвр. глаг.— возвратный глагол
возр. гр.— возрастная группа
г.— город
греч.— греческое
д.— деревня
дат. п.— дательный падеж
действ. залог — действительный залог
ед. ч.— единственное число
жен. р.— женский род
из ред. почты — из редакционной почты
изъяв. накл.— изъявительное наклонение
изъясн. п.— изъяснительный падеж
им. п.— именительный падеж
инояз.— иноязычное
исп.— испанское
ит.— итальянское
лат.— латинское
лингв.— лингвистическое
местн. п.— местный падеж
мн. ч.— множественное число
муж. р.— мужской род
наст. вр.— настоящее время
нем.— немецкое
несов. в.— несовершенный вид
норвеж.— норвежское
парт. п.— партитивный падеж
пер.— перевод
пов. накл.— повелительное наклонение
полож. степ.— положительная степень
польск.— польское
пр. п.— предложный падеж
превосх. степ.— превосходная степень
прост.— просторечное
прош. вр.— прошедшее время
разг.— разговорное
род. п.— родительный падеж
русск.— русское
сов. в.— совершенный вид
сослаг. накл.— сослагательное наклонение
спец.— специальное
сравн. степ. — сравнительная степень
сред. р.— средний род
страд. залог — страдательный залог
суфф.— суффикс
тв. п.— творительный падеж
фр.— французское

БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1950—1965.
МАС — Словарь русского языка в четырех томах. М., Изд.-во АН СССР. М., 1957—1961.
СБ — Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart

unter Leitung und Redaktion von H. H. Bielfeldt. Akademie — Verlag. Berlin, 1958 (словарь Бильфельдта).

СО — Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. Изд. 6. М., 1964.

СУ — Толковый словарь русского языка. Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. I—IV. М., 1935—1940.

В тексте приняты следующие условные обозначения разделов, необходимые для взаимных отсылок:

I— «Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи»

II— «Лексика современного русского литературного языка»

III— «Словообразование современного русского литературного языка»

IV— «Морфология современного русского литературного языка»

V— «Синтаксис современного русского литературного языка»

VI— «Фонетика современного русского литературного языка»

VII—«Народные говоры»

Список сокращений, принятых для периодических изданий

«Авиация и косм.»— «Авиация и космонавтика»

«Вестн. Екатерининской ж. дороги» — «Вестник Екатерининской железной дороги»

«Вестн. иск.» — «Вестник искусств»

«Вестн. ЛГУ» — «Вестник Ленинградского университета»

«Вестн. МГУ» — «Вестник Московского университета»

«Веч. кр. газ.» — «Вечерняя красная газета»

«Веч. Москва» — «Вечерняя Москва»

«Водн. тр-т» — «Водный транспорт»

«Вопр. л-ры» — «Вопросы литературы»

«Вопр. ракетн. техн.» — «Вопросы ракетной техники»

«Воскр. веч. нов.» — «Воскресные вечерние новости»

ВЯ — «Вопросы языкознания»

«Др. нар.» — «Дружба народов»

«Женск. вестн.» — «Женский вестник»

«Женск. журн.» — «Женский журнал»

«Зн. ком.» — «Знамя коммунизма»

«Зн.— сила» — «Знание — сила»

«Изв.» — «Известия»

«Изв. АН СССР, ОЛЯ» — «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка»

«Ин. лит.» — «Иностранная литература»

«Иск. кино» — «Искусство кино»

«Колх. произв.» — «Колхозное производство»

«Комс. пр.» — «Комсомольская правда»

«Кр. зв.» — «Красная звезда»

«Кр. зн.» — «Красное знамя»

«Красн. слово» — «Красноармейское слово»

«Крок.» — «Крокодил»

«Лен. зн.» — «Ленинское знамя»

«Ленингр. пр.» — «Ленинградская правда»

«Лесн. пр.» — «Лесная промышленность»

«Лит. и жизнь» — «Литература и жизнь»

«Лит. газ.» — «Литературная газета»

«Лит. Рос.» — «Литературная Россия»

«Люберецкая пр.» — «Люберецкая правда»
«Львовск. пр.» — «Львовская правда»
«Мед. газ.» — «Медицинская газета»
«Мет. и гидр.» — «Метеорология и гидрология»
«Мол. гвардия» — «Молодая гвардия»
«Моск. комс.» — «Московский комсомолец»
«Моск. пр.» — «Московская правда»
«Моск. стр.» — «Московский строитель»
«Наш совр.» — «Наш современник»
«Нов. мир» — «Новый мир»
«Пионер. пр.» — «Пионерская правда»
«Пр.» — «Правда»
«Пр. Вост.» — «Правда Востока»
«Пр. Укр.» — «Правда Украины»
«Пром.- экон. газ.» — «Промышленно-экономическая газета»
«Раб. газ.» — «Рабочая газета»
«Раб. Москва» — «Рабочая Москва
«Роман-газ.» — «Роман-газета»
«Русск. вед.» — «Русские ведомости»
«Русск. лит.» — «Русская литература»
РЯНШ — «Русский язык в национальной школе»
«Сельск. жизнь» — «Сельская жизнь»
«Сельск. мол.» — «Сельская молодежь»
«Сельск. хоз.» — «Сельское хозяйство»
«Сельхоз. жизнь» — «Сельскохозяйственная жизнь»
«Сиб. огни» — «Сибирские огни»
«Сов. Бел.» — «Советская Белоруссия»
«Сов. воин» — «Советский воин»
«Сов. жен.» — «Советская женщина»
«Сов. иск.» — «Советское искусство»
«Сов. культ.»—«Советская культура»
«Сов. лит.» — «Советская литература»
«Сов. патр.» — «Советский патриот»
«Сов. Рос.» — «Советская Россия»
«Сов. Сахалин» — «Советский Сахалин»
«Сов. слав.» — «Советское славяноведение»
«Сов. Союз» — «Советский Союз»
«Сов. спорт» — «Советский спорт»
«Сов. торг.» — «Советская торговля»
«Солд. пр.» — «Солдатская правда»
«Соц. реконстр. с/х».— «Социалистическая реконструкция сельского хозяйства»
«Строит. газ.» — «Строительная газета»
«Техн. — мол.» — «Техника — молодежи»
«Торг.-пром. газ.» — «Торгово-промышленная газета»
«Утро Рос.» — «Утро России»
«Учит. газ.» — «Учительская газета»
ФН — «Филологические науки»
«Экон. жизнь» — «Экономическая жизнь»
«Эконом. газ.» — «Экономическая газета»

ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Теоретическое значение темы «Русский язык и советское общество». Степень ее научной разработанности. Взаимодействие внутренних и внешних закономерностей развития языка — основная проблема при изучении этой темы. Языковые антиномии как причины внутреннего, спонтанного развития языка. Их социальная сущность. «Внешние», собственно социальные стимулы развития языка. Влияние внешних воздействий на внутренние законы развития языка. История литературного языка и понятие нормы. Методы собирания материала для социального изучения языка.

1. Связь истории языка с историей общества — одна из важнейших проблем современного языкознания. Для марксистской лингвистической науки огромное значение этой проблемы очевидно. Как в языке отражено общественное развитие, как история общества порождает определенные черты в речи и затем в строении самого языка, какие существуют закономерности в изменении языка под влиянием общества — все эти вопросы имеют большую теоретическую ценность.

Для исследования этой проблемы история дала языковедам замечательный материал: развитие русского языка в новом, социалистическом обществе. Большая тема — развитие и преобразование русской языковой традиции после Великой Октябрьской социалистической революции под влиянием новых общественных стимулов — еще в 20—40-е годы привлекла внимание крупнейших советских языковедов. Этой проблематике посвящены глубокие работы А. М. Селищева, А. П. Баранникова, Г. О. Винокура, А. М. Пешковского, Л. П. Якубинского, В. В. Виноградова. Особенно важны и имеют принципиальное значение труды Е. Д. Поливанова.

И все же, в сравнении с огромностью задачи, сделано еще немного. Более того: работы 20—40-х годов, посвященные развитию русского языка в условиях советского общества, в большинстве своем должны оцениваться с современной точки зрения как неполные, недостаточные и часто — теоретически неубедительные.

Особенно существенны такие их недостатки:

1) Многие наблюдения над развитием русского языка под воздействием новых социальных условий остаются в этих работах

на эмпирическом, фактографическом уровне. Очевидно, предполагалось, что факты новой жизни русского языка сами по себе ценны и заслуживают коллекционирования. Это отчасти верно, но еще вернее, что, ограничиваясь эмпирическим наблюдением, нельзя найти и выделить факты, особенно значительные для судьбы русского языка советской эпохи. Именно эмпиризмом объясняется перегруженность первых работ на указанную тему случайным материалом. В поле зрения исследователей наряду с важным попадало и малозначительное, случайное и становилось в ряд со значительным.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ В. ВИНОГРАДОВА

2) Изменения в русском языке революционной эпохи не рассматривались как результат взаимодействия внутренних и внешних, собственно социальных закономерностей. Относительно всякого более или менее заметного изменения предполагалось, что оно вызвано социальными причинами. Это порождало вульгарно-социологический уклон в лингвистических исследованиях, очень заметный у многих языковедов в 20—40-е годы.

Невнимание к внутриязыковым закономерностям развития языка приводило, следовательно, к искаженному изображению и внешних, социальных факторов языковых изменений.

3) Исследователи, описывая те или другие «воочию» заметные изменения, недостаточно учитывали системный характер языка. Между тем не учитывать, что язык — система, где любая единица определяется другими и определяет массу других единиц, значит обеднить изучение истории русского языка в современном обществе.

63219

У исследователей русского языка 40—50-х годов нашего века, когда была уже позади «языковая смута» первых послереволюционных лет и литературная речь стабилизировалась, часто возникала иллюзия, будто под влиянием новой социальной действительности в языке изменились лишь отдельные частности, но во всем существенном языковая система осталась прежней. Это мнение не так неоспоримо, как может показаться. Действительно, социальные воздействия обычно преобразуют отдельные языковые звенья, но далее следует цепная реакция: одно изменение влечет за собой ряд других, иногда совсем в иных ярусах языка. Эти изменения могут быть микроскопичны и мало заметны, но все же они образуют определенное «поле» взаимосвязанных фактов, а не изолированную точку. Притом следствия могут быть внешне незаметны: они связаны с возрастанием регулярности языковых единиц, или с их новыми синтагматическими связями, или с изменениями в продуктивности некоторых грамматических типов, или с иной частотностью отдельных элементов, которая в свою очередь может иметь свои качественные последствия для языка, или с превращением единиц, ранее принадлежавших разным парадигмам, в члены одной парадигмы и т. д.

При изучении языка советского общества, как показывает опыт, особенно острым является вопрос, насколько значительны,

www.ruslang.ru

ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

насколько глубоки перемены в языковой системе, вызванные новыми социальными условиями бытования языка. Не учитывая системности языка, не замечая «цепной реакции» между разными участками системы, верно ответить на этот вопрос нельзя.

4) Изучение русского языка в новых социальных условиях — это в значительной степени изучение становления новых языковых норм (традиционно связанных со старыми нормами, но все же новых). Между тем исследователи 20—40-х годов часто исходили из крайних пуристических взглядов: все новое рассматривается как извращение великого языкового наследия XIX в. Естественно, что освещение фактов современной истории языка в этом случае неизбежно оказывается необъективным.

5) История языка за несколько десятилетий — это «микроистория». Обнаружить изменения в системе языка, складывающиеся за этот небольшой срок, можно большей частью только на основании массового речевого материала, отражающего языковую систему. Систематического и массового собирания такого материала ранее не производилось, поэтому ряд значительных изменений в языке нашей эпохи не нашел отражения в ранее произведенных исследованиях.

Поскольку развитие науки о языке выявило эти недостатки и сделало их очевидными, встала задача осветить тему «Русский язык и советское общество» с тех теоретических позиций, которые завоеваны в наше время советской лингвистикой.

2. Какая же научная проблематика является важнейшей при изучении развития русского языка в советскую эпоху, по крайней мере на современном этапе этого изучения? На наш взгляд, в центре внимания исследователей, берущихся за эту тему, должна быть проблема взаимодействия внутренних и социальных, «внешних» закономерностей развития языка.

Далеко не все языковеды подходили и подходят с этих позиций к изучению роли сциальных факторов в развитии языка.

Н. Я. Марр выдвинул теорию о полном параллелизме процессов развития языка и общества: смена общественной формации неизбежно влечет за собой коренное изменение структуры языка. Эта вульгарно-материалистическая концепция полностью игнорировала внутренние факторы языкового развития. Более того, Н. Я. Марр резко критиковал лингвистов, придававших значение внутренним факторам: как это ни звучит парадоксально, он предлагал «ослабить (!) значение внутренних законов развития языка как такового, перенося центр тяжести не только в семантике, но и в морфологии на обусловленность языковых изменений социально-экономическими факторами» [1].

После лингвистической дискуссии 1950 г. подобная ненаучная трактовка социальной обусловленности языковых явлений была отвергнута советскими языковедами.

Отрицали внутренние стимулы развития в языке, исходя из совершенно других предпосылок, чем Марр, последовательные сторонники Ф. де Соссюра. «... Всякий принятый в данном обществе способ выражения в основном покоится на коллективной привычке или, что то же, на условности», — писал

[1] Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II. М., 1934, стр. 17.

Ф. де Соссюр [2]. «... Сама произвольность знака защищает язык от всякой попытки, направленной к его изменению ... Именно потому, что язык произволен, он не знает другого закона, кроме закона традиции» [3], т. е. закона неизменяемости. Поэтому «... никакая система не изменяется непосредственно, в самой себе она неизменчива» [4].

Развивая эту точку зрения, М. Мальмберг считает, что понятие изменчивости неприложимо к языку, «если понимать под языком систему в строгом смысле этого слова» [5]. Французские лингвисты А. Одрикур и А. Жиллан заявляют со всей категоричностью: «Без воздействия факторов внешнего порядка языковая система... была бы обречена на вечную устойчивость, на неподвижность» [6].

В большой мере популяризации теоретического тезиса о том, что изменения социальной среды являются основным или даже единственным фактором развития языка, способствовал ряд высказываний на эту тему А. Мейе. Вот одно из наиболее характерных в этом отношении: «... с точки зрения того, что речевая деятельность — социальная институция, следует, что лингвистика — социальная наука и единственным изменчивым элементом, к которому можно прибегнуть, для того чтобы дать себе отчет в языковом изменении, является социальное изменение, по отношению к которому изменения речевой деятельности являются следствиями, иногда непосредственными и прямыми, а чаще всего опосредствованными и косвенными» [7].

Из утверждения, что язык представляет собой знаковую систему, вовсе не следует, будто он не имеет внутренних стимулов для изменений. Действительно, языковые знаки (морфемы, слова, словосочетания) условны в том смысле, что связь между означаемым и означающим «покоится на коллективной привычке». Каждый знак в отдельности не имеет внутри себя стимулов для изменения: означаемое не требует иного означающего и означающее мирится с любым означаемым. Ввиду условности знака всякое означающее хорошо для всякого означаемого — если, повторяем, знак брать в изоляции от других знаков, как отдельность.

Но именно такой подход и незаконен, и это вытекает именно из взглядов Ф. де Соссюра. Знак существует только в системе, вместе с другими знаками. И если учитывать это важнейшее свойство знака (открытое именно Соссюром), то окажется, что в системе небезразлично, как соотносятся означаемое и означающее у каждого данного знака. Вот простейший пример: в русском языке существует слово *путь*, у него родительный, дательный и предложный падежи выражены формой *пути*, а творительный — формой *путем* (т. е. значение творительного падежа передается морфемой *-ом*). Если рассматривать этот знак изолированно, то нет основания для того, чтобы такое соотношение означающего и означаемого оценивать положительно или отрицательно: всякое означаю-

---

[2] Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. Пер. с фр. М., 1933, стр. 79.

[3] Там же, стр. 82 и 83.

[4] Там же, стр. 91.

[5] M. Malmberg. Système et mèthode. Lund, 1945, стр. 25—26.

[6] A. G. Haudricourt et A. G. Juilland. Essai pour une histoire structurale du phonètisme français. Paris, 1949, стр. 5—6.

[7] A. Meillet. Linguistique historique et linguistique générale, 1. Paris, 1936, стр. 17.

ещё хорошо для всякого означаемого. Однако в русском же языке существует большое количество слов, у которых формы родительного, дательного и предложного падежей имеют флексию -⟨и⟩, а форма творительного падежа — флексию -⟨йу⟩ (*жизнь, жизни, жизнью*). Слово же *путь*, с иным отношением между означаемым и означающим, единично. Именно поэтому форма *путем* в территориальных диалектах, в просторечии, в профессиональных арго вытесняется формой *путью*. В системе знаков оказывается возможным и даже неизбежным влияние одного знака на другой, взаимодействие «слабой» и «сильной» части системы, борьба между несколькими означающими при одном и том же означаемом (*путем* и *путью*). Иначе говоря, системы знаков имеют свою внутреннюю историю, свои имманентные законы развития.

Знак в отдельности не имеет меры для своей оценки. Он не может оцениваться как удобный или неудобный, выразительный или невыразительный и т. д. В системе, т. е. в соотношении с другими знаками, он эту меру обретает. Названия африканских государств: *Конго со столицей в Браззавиле*, *Конго со столицей в Киншасе* — явно неудобны, громоздки. Но они так оцениваются только потому, что остальные означаемые такого же типа имеют «свернутое», более фразеологическое, более немотивированное обозначение: *Египет*, *Италия*, *Великобритания* и т. д. Во многих других случаях столь же развернутые названия нас не смущают (например: *остановка троллейбуса около метро «Сокольники»*; *сто двадцатый книжный магазин*; *крючок у оконной рамы, чтобы она не закрывалась от ветра* и т. д.) В этих случаях в системе знаков нет стимулов, чтобы оценивать обозначения как неудобные: большинство означающих того же типа (той же лексической парадигмы) имеет сложные наименования.

Итак, из признания, что язык представляет собой знаковую систему, еще не следует вывод, что язык не имеет своих спонтанных, внутренне обусловленных знаков развития.

3. Внутренние законы языкового развития, несомненно, существуют. Изучение многовекового развития языков отчетливо показывает, что отдельные тенденции — наиболее общие — действуют в течение очень длительных отрезков времени. Э. Сепир указывает на действие в английском языке трех такого рода тенденций, или, как он их называет, «существенно важных линий движения». «Каждое из этих движений,— говорит Э. Сепир,— действовало в течение столетий ... каждое почти наверняка будет продолжаться еще сотни, возможно, тысячи лет»[8]. Этими тенденциями развития английского языка автор считает: 1) движение к упразднению падежных различий, 2) движение к использованию позиции слова в качестве важного «грамматического метода» и 3) движение к неизменяемости слова, характеризуемое стремле-

[8] Э. Сепир. Язык. Пер. с англ. М.—Л., 1934, стр. 128.

нием «к простому, безоттеночному соответствию между идеей и словом, до последней возможности неизменному» [9].

Иллюстрацией действия внутренних языковых тенденций может служить утрата падежных флексий существительных в индоевропейских языках. Касаясь утраты падежных флексий в романских языках, А. Мейе замечает: «Чтобы понять инновацию, надо знать, что она представляет собой один из моментов универсальной тенденции, присущей индоевропейским языкам, к замене падежной флексии разными способами. Имеются языки — большинство славянских, латышский, литовский, армянский,— где эта тенденция в настоящее время еще далека от завершения, но и здесь наблюдается ее действие» [10].

По мнению А. Мейе, причиной, обусловливающей действие этой универсальной тенденции развития индоевропейских языков, является прежде всего различие между именем и глаголом. Глагол, вследствие своей процессуальной семантики, нуждается в разветвленной совокупности форм; имя, обозначая неизменный предмет, нуждается в устойчивом единообразии выражения, чему, как полагает автор, противоречит многообразие и разнородность падежных форм имени.

Не входя в детали интерпретации автором причин возникновения этой тенденции, нельзя отрицать ее реальности именно как внутренней тенденции[11], а также выдающейся длительности и обширности сферы ее действия. Предположение, что тенденции развития языка, подобные только что указанной, обусловлены воздействием социально-историческим, неубедительно именно ввиду долговременности их существования: указанная тенденция пережила не один социально-исторический уклад.

4. Вопросам социологии языка в зарубежной лингвистике уделялось и уделяется в настоящее время довольно много внимания. Во многих работах исследуются (в разных аспектах) вопросы о

---

[9] Там же, стр. 133.

[10] A. Meillet. Указ. соч., 2, стр. 117.

[11] Термину «тенденция языкового развития» (в данном языке) здесь и дальше придается следующее значение. Если в течение нескольких эпох историческое преобразование единиц данного типа имеет качественное сходство (или, другими словами, единонаправленность), то налицо определенная тенденция развития. Например, информация, которую несет гласный звук, в русском языке уменьшалась на протяжении XVIII—XIX вв.; в XX в. появились новые изменения в системе гласных, еще уменьшающие «гласную» информацию. Следовательно, утрата информационной содержательности у гласных — не просто случайность, а тенденция в развитии фонетической системы.

Или если в течение одной эпохи историческое преобразование единиц нескольких качественно различных типов имеет сходство, то тоже налицо определенная тенденция развития. Например, в русском литературном языке XX в. изменения заударной гласной ⟨у⟩ между мягкими согласными, безударных гласных во флексиях, гласной ⟨а⟩ после твердых шипящих в предударных слогах, предударных гласных после мягких согласных имели одну общую черту: уменьшалась информация, которую несут русские гласные. Это, следовательно, не случайная черта, а тенденция, характерная для русской фонетической системы.

внешних, культурно-исторических факторах развития языка, разбираются социальные основы «речевого поведения» говорящих, «языкового существования», обсуждается проблема влияния языковых форм на особенности «видения мира» и т. д. [12]

Нужно отметить, что внимание авторов значительной части социолингвистических работ направлено в прошлое, на выяснение происхождения тех или иных (фонетических, морфологических и т. д.) особенностей отдельных языков под воздействием внеязыковых факторов (такими факторами иногда считаются климат, религия, темперамент носителей языка и т. п.). Те работы, в которых исследуется современное состояние языков, за немногими исключениями [13], посвящены или социологическому описанию малоизученных языков [14], или выявлению жаргонных, арготических, специальных элементов в языке, или же установлению общих принципов подхода к теме «Язык и общество», иллюстрируемых отдельными фактами [15].

Приходится констатировать, что и собственно социологическая основа подавляющей части зарубежных социолингвистических работ оказывается неприемлемой для нас. Это относится и ко многим объяснениям собственно социальных фактов, к социальной характеристике различных групп и к выделению самих социальных групп. Так, например, в работе Хестеркампа (W. Hesterkamp. Einflüsse sozialer Verhältnisse auf die Namenwahl. Muttersprache, 75 Jahrgang, Heft 2, Febr., 1965, стр. 33—40) говорящие разбиты на три социальные группы («слоя») «в зависимости от степени ответственности в своей работе». К «верхнему слою» отнесены люди с высшим образованием, крупные промышленники; к «среднему слою»— чиновники, служащие, ремесленники и крестьяне; к «нижнему» — рабочие.

Задач всестороннего изучения тех изменений, которые происходят в современных высокоразвитых языках в результате тех или иных сдвигов в общественной жизни, детального изучения того, как социальные факторы влияют на внутренние тенденции разви-

---

[12] См., например: B. Whorf. The relation of habitual thought and behavior to language, 1939; M. M. Lewis. Language in society. London, 1947; L. Weisgerber. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1950; «Language in culture». Ed. by H. Hoijer. The university of Chicago Press, 1954; M. Cohen. Pour une sociologie du langage. Paris, 1956; «Котоба-но кэнкю» (Исследование речи). Токио, 1961; K. Korn. Sprache in der verwalteten Welt. München, 1962; «Nouveaux regards sur la langue française». Paris, 1963; «Language in culture and society». New York — London, 1964; Joyce O. Hertzler. A sociology of language. University of Nebraska, New York, 1965.

[13] См., например, K. Korn. Указ. соч., а также работы японских языковедов.

[14] См.: M. K. Mayers. The Pocomchi. A sociolinguistic study. Chicago, 1960.

[15] Иногда это — попытки установить «самое общее соответствие» между «языковыми структурами» и «социальными структурами», как, например, в работе Алфа Соммерфелта «Structures linguistiques et structures des groupes sociaux» («Diogene», № 51, 1965, стр. 191—196).

тия языков, на эволюцию отдельных «ярусов» их структуры, до настоящего времени в лингвистической литературе не ставилось.

Некоторые принципы подобной разработки проблемы взаимоотношений эволюции языка и общественных форм жизни освещены чехословацкими лингвистами и философами в сборнике статей, вышедшем в 1962 г. [16]

Определенным вкладом в разработку данной проблемы является также книга немецких лингвистов Е. Зейделя и И. Зейдель-Слотти [17], освещающая многочисленные факты влияния фашистского режима на функционирование немецкого языка в период господства фашизма.

Книга содержит множество важных наблюдений над изменениями немецкого языка (главным образом, стилистики и лексики) под пагубным воздействием фашистской действительности, однако в ней нет последовательного описания эволюции системы немецкого языка в определенный период под влиянием действовавших в то время социальных факторов. Подобной задачи авторы и не могли ставить перед собой, прежде всего вследствие чрезвычайной непродолжительности, к счастью человечества, периода господства нацистского строя в Германии.

Методология и методика всестороннего исследования взаимодействия внутренних тенденций и социальных факторов в эволюции структуры отдельных языков находится еще в начальной стадии своего развития как в зарубежном, так и в советском языкознании. Расширение круга исследования в данном направлении эволюции стуктуры разных языков является необходимым условием совершенствования методологических и методических основ этой новой отрасли социолингвистики.

5. Динамическая, исторически изменчивая система языка подчинена основному закону диалектики — закону единства противоположностей. При изучении сложного механизма исторической изменчивости языка необходимо руководствоваться известными положениями В. И. Ленина о диалектике развития, которые сформулированы им в известном фрагменте «К вопросу о диалектике». «Условие познания всех процессов мира в их *«самодвижении»*, в их спонтанейном развитии, в их живой жизни,— пишет В. И. Ленин,— есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей»[18]. В. И. Ленин указы-

---

[16] См.: «Problemy marxistické jazykovědy». Praha, 1962. См. также опубликованные в советской печати рецензии на этот сборник Т. В. Булыгиной (ВЯ, 1963, № 4, стр. 140—144) и И. П. Мучника («Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1963, т. XXII, вып. 6, стр. 546—552).

[17] См.: Eugen Seidel und Ingeborg Seidel-Slotty. Sprachwandel im Dritten Reich. Eine kritische Untersuchung faschistischer Einflüsse. Halle. 1961.

[18] В. И. Ленин. Философские тетради.— Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

вает, что только такая концепция развития «дает ключ к «самодвижению» всего сущего»[19].

В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой из этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке (в принципе — того же порядка) и, следовательно, их окончательное разрешение невозможно: они — постоянный стимул внутреннего развития языка. Таким образом, антиномии рассматриваются как противоречия, присущие самому объекту. Но ввиду отмеченной их особенности — разрешение данной конкретно выраженной антиномии в языке данной эпохи не означает ее коренного преодоления — целесообразно эти противоречия выделить среди других диалектических противоречий. Это и достигается обозначением их с помощью слова антиномия.

Какие же это антиномии?

1) Антиномия говорящего и слушающего. В интересах говорящего упростить высказывание мысли, в интересах слушателя упростить процесс восприятия высказанного. Эти два устремления часто оказываются конфликтными. Например, аллегровое произношение удобно для говорящего, но для слушателя оно приемлемо лишь в некоторых условиях речевого общения: при возможности переспросить, в обстановке, когда нет сильных звуковых помех, например шума многолюдного собрания. В интересах говорящего пользоваться всем привычным для него словарем, независимо от его общеупотребительности; слушатель «не принимает» некоторых слишком индивидуальных словоупотреблений. Следовательно, интересы слушателя ограничивают интересы говорящего; развитие языка противоречиво, так как идет то в пользу слушателя, то в пользу говорящего; победа одной из конфликтных сторон впоследствии вызывает компенсацию для другой стороны (например, если достигнута большая степень редукции флексий и тем самым удовлетворены интересы говорящего, то грамматикализуется место слова в предложении, чтобы возместить убытки слушателя).

Разумеется, и в интересах слушателя, и в интересах говорящего добиться взаимопонимания; поэтому упрощение высказывания возможно лишь постольку, поскольку оно не нарушает возможности взаимопонимания. Однако и при выполнении этого важнейшего требования, при полной обеспеченности взаимопонимания остается много разных возможностей высказать мысль с помощью языка. Одни из этих высказываний потребуют большого внимания слушателя, но меньше усилий говорящего — усилий, конечно, не только артикуляционных, но и по выбору слов, грамматических конструкций и т. д. Другие высказывания той же мысли, напротив, будут легки для слушателя, но более обременительны для говорящего. Речь идет, таким образом, о том,

[19] В. И. Ленин. Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

насколько можно уменьшить «избыточную информацию» при языковом общении. Для слушателя важно не уменьшать ее ниже определенного порога, для говорящего это ограничение не актуально.

2) Антиномия узуса и возможностей языковой системы. Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе. Например, узус запрещает сказать *победю*, или *побежу*, или *побежду*. Можно использовать оборот *я буду победителем*, *я одержу победу*, *победа за мной*; но они слишком книжны, не годятся для непринужденной бытовой речи (и могут в ней употребляться только шутливо). Потребности языкового общения и запрещают и одновременно заставляют использовать эти формы (ведь строгое исполнение языковых запретов отвечает определенной потребности общения).

Указанная антиномия может рассматриваться как частный случай антиномии «говорящий — слушающий». Если говорящему надо сказать *победю* и он уверен, что слушатель принимает эту форму как нормативную, то ничто не может помешать ему употреблять именно ее (разве только «языковая совесть», т. е. представление о другом, отсутствующем слушателе, который осудил бы такое употребление).

Развитие языка постоянно определяется стремлением сохранить установившееся употребление языковых единиц и невозможностью ее сохранить.

3) Антиномия кода и текста. Если говорящий и слушатель понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков) и они по общим для них законам сочетают их, создавая текст. Между текстом и кодом существует определенная связь: стоит нам укоротить код (выбросить из него некоторые знаки), как, при прочих равных данных, необходимо будет удлинить текст [20] (ср. двоичную систему исчисления: код состоит всего из двух знаков, но тексты, т.е. обозначения чисел, в этой системе длиннее, чем в десятичной).

---

[20] Исключения из этого правила могут быть только в одном случае: если исключаемый кодовый знак избыточен, если он полный синоним другого знака. Например, исключение ѣ из русского алфавита не повлекло за собой удлинения текстов: буква ѣ — полный синоним буквы *е*. Если бы исключили, например, букву *б*, то передачу фонемы ⟨б⟩ пришлось бы осуществлять каким-либо сочетанием букв, т. е. тексты бы удлинились; это потому, что буква *б* не является избыточной в коде. Следует добавить, что сокращение текстов при удлинении кода (и их удлинение при сокращении кода) происходит лишь в том случае, если не увеличивается и не сокращается число объектов называния, которые передаются единицами данного типа. В последнее время появились слова: *скрепер*, *бульдозер*, *транзистор*, *телевизор* — код из слов увеличился; но так как эти слова появились не вместо каких-либо старых наименований для уже известных объектов называния, а, напротив, нужны были для обозначения новых объектов, то на строении текстов их появление никак не отозвалось.

Стремление упростить, т. е. укоротить, код и стремление укоротить, т. е. упростить, текст — антагонистичны. В истории языков может осуществляться одно из этих устремлений — пока не будет чрезмерно нарушено противоположное стремление; вслед за этим процесс идет обычно в противоположном направлении [21].

Иногда считают, что эта антиномия просто одно из выявлений антиномии «говорящий — слушающий», но вряд ли это так. Антиномия кода и текста часто проявляется так, что несходство интересов говорящего и слушателя не обнаруживается.

Один из опекунов русского языка горько сожалеет, что из современного русского языка уходят слова *шурин*, *деверь*, *золовка*, *сноха*; эти слова стали заменять описательными сочетаниями: *брат жены*, *брат мужа*, *сестра мужа*, *жена сына* и т. п. «Насколько глубоко это вошло в наш современный язык, видно из того, что даже писатели, которые, естественно, должны быть хранителями русского языка, стали избегать упоминания этих старинных русских слов или употреблять их неверно». «Даже такой знаток русского народного языка, как Демьян Бедный, допустил подобную ошибку. В стихотворении «Светлая исповедь» он говорит о «бабушке Нениле, которая обращается то к свату Федору, то к шурину Вавиле»... Однако *шурин* — это брат жены!» [22].

Возможно одно из двух: следует запомнить особые знаки — слова *шурин*, *деверь*, *сноха* и т. д., т. е. увеличить языковой код, хранящийся в сознании, тогда возможно экономное (однословное) обозначение понятий ‘брат жены’ и проч.; куски текста, отвечающие этим понятиям, окажутся краткими. Можно, напротив, не пользоваться этими словами, код сократится, но при этом тексты придется удлинять. Пока употребительность этих слов была высокой (в условиях патриархального семейного уклада), было предпочтительно первое решение; сейчас, очевидно, имеет преимущества второе, и бесполезны требования восстановить эти слова ради богатства русского языка. При этом существенно, что первое решение при частом использовании понятий ‘брат жены’ и проч. было выгодно и для говорящего, для слушающего (экономило время того и другого), а сейчас и для того и другого выгоднее второй путь (и тому и другому не нужно хранить в памяти редко употребляющиеся слова) [23].

4) Важным стимулом развития языка является антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака [24]. Асиммет-

[21] Противоречие между кодом и текстом иногда проявляется как антиномия структуры (строения единиц) и употребления. Структурно расчлененные единицы могут быть хороши во многих отношениях: они создаются из нескольких составляющих (слов или морфем), набор которых может быть невелик, т. е. код составляющих очень краток; комбинации этих составляющих, построенные по общим законам, могут полностью расчленять какое-либо лексическое поле (полностью заполнять матрицу): для каждого участка этого поля легко находится своя расчлененная единица. Такие расчлененные единицы легки для запоминания (они минимально идиоматичны), просты и удобны для формирования прямо в потоке речи. Но выигрыш в коде тяжко отзывается на длине текстов: чем меньше код составляющих, чем логичнее и последовательнее построены расчлененные единицы, тем они длиннее, тем труднее оперировать ими в речи, тем сильнее желание заменить их хотя бы и капризно-идиоматическими, нелогичными, но более краткими единицами.

[22] Б. Тимофеев. Правильно ли мы говорим? Л., 1963, стр. 90.

[23] Победа названий типа *брат жены* (вместо *шурин*) в современном русском языке была стимулирована и внутриязыковой тенденцией к усилению лексического аналитизма (см. II, § 64).

[24] См.: S. Karcevsky. Dualisme asymétrique du signe linguistique. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 14. Génève, 1956, стр. 18—24.

ричность заключается в том, что в структуре языкового знака означающее и означаемое находятся в состоянии перманентного конфликта: означающее стремится к приобретению новых значений, означаемое — к приобретению новых средств своего выражения. Данная антиномия, стимулирующая развитие любого яруса языковой системы, имеет особенно большое значение для развития грамматики. Грамматический строй наиболее последовательным образом складывается из бинарных (двучленных) корреляций, в значительной части которых соотношение отдельных членов отличается асимметричностью, которая выступает в двух основных разновидностях.

а) Два означающих относятся к одному и тому же означаемому, причем одно из них указывает на какой-либо признак означаемого, а другое не содержит подобного указания. Так, и *учительница* и *учитель* могут служить названиями женщины, занимающейся преподаванием, но первое название указывает на пол (женский), а второе этого не указывает.

б) Одно означающее может относиться к двум означаемым, причем в одном случае оно не характеризует означаемого по определенному признаку, в другом случае оно отрицает наличие этого признака. Так, форма *теленок* в отличие от формы *телка* может обозначать детеныша коровы без указания на пол и может обозначать только самца [25]. Подобные взаимоотношения членов корреляций вызывают много изменений в грамматическом строе языка.

5) Антиномия двух функций языка: чисто информационной и экспрессивной. Эту же антиномию можно характеризовать как противоречие между устремлением к регулярности единиц и, с другой стороны, к их экспрессивной выделенности. Информационная функция языка протежирует регулярности, однотипности единиц, экспрессивная, напротив, поощряет их нестандартность, выделимость в ряду других и идиоматичность в широком смысле слова.

В каждом ярусе языка есть единицы, подчиняющиеся какому-то общему правилу, и единицы, которые регулируются другим, менее сильным правилом. Постоянно действует тенденция уподобить слабую часть системы более сильной, подчиняющейся более общему правилу. Это — тенденция, стимулированная языком в его чисто информационной функции. Если в языке есть агглютинативные и фузионные единицы, то неизбежно возникает стремление обобщить их или в сторону последовательной, полной агглютинативности, или в сторону полной фузионности.

Но такие устремления сталкиваются с противоположными — с постоянной тенденцией сохранить для экспрессивных целей выделенность, «отчужденность» некоторых единиц. Каждая единица

---

[25] R. O. Jakobson. Zur Struktur des russischen Verbums. «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenarioblata». Pragae, 1932, стр. 83—84.

языка имеет и чисто информационное, и (в той или иной степени) экспрессивное назначение; следовательно, эта антиномия определяет жизнь каждой единицы языка.

6. Все эти антиномии — внутренние стимулы развития языка и в качестве таковых отличаются от воздействия на язык непосредственно социальных факторов (т. е. от воздействий конкретных социальных условий бытования данного языка в данную эпоху). Сами эти стимулы саморазвития языка не асоциальны: они все определены сущностью языка как важнейшего средства общения. Однако они действуют во всех языках, в любую социальную эпоху, так как определяются или общими условиями речевого общения, речевого акта, или системным характером языка, поэтому их надо считать двигателями спонтанного развития языка.

Будучи двигателями языка в любую эпоху, в любых социальных условиях, внутренние антиномии не абсолютно безразличны к этим условиям. Например, выбор развития языковых средств в пользу слушающего или в пользу говорящего как правило определяется самой системой языка: если она уже закрепила слишком много уступок говорящему, то неизбежен поворот в сторону интересов слушающего.

Но в этом выборе «установки на говорящего» или «установки на слушающего» могут иметь право голоса и социальные условия существования языка. В обществе, где играют ведущую роль публичные формы языкового общения (митинг, собрание, радиоречь, театр и т. д.), установка на слушателя будет, несомненно, более ощутимой, чем в обществе, где языковое общение замкнуто в круг только более или менее «приватных», уединенных, узкоадресованных речевых жанров. Огромное значение публичных речевых жанров в русском языке советской эпохи определило особую значимость «установки на слушателя» для многих языковых преобразований нашего времени.

Также и антиномия нормы и употребления, ускользающего от велений нормы, оказывается социально отзывчивой. В одних общественных условиях как правило побеждает норма, регламентация, а новшества узакониваются с огромным трудом; в других норма легко уступает речевому буйству (и иногда расшатывается под влиянием слишком нерегламентированного употребления). Русский язык советской эпохи показывает эти колебания особенно ярко.

Антиномию кода и текста в свою очередь нельзя считать безразличной к социальным воздействиям. В эпохи резкой демократизации языка эта антиномия в огромном большинстве случаев разрешается в пользу текста: носители данной языковой системы (в своем новом, более широком, более демократическом составе) охотнее идут на сокращение кода, даже если это ведет к удлинению текстов, чем к изменениям противоположного характера. Причины этого не вполне ясны; делались попытки определить, почему эпохи демократизации языка связаны именно с таким ре-

шением антиномии «код — текст», но эти попытки не очень убедительны. Очевидно, данный вопрос решат будущие исследования. Важно отметить, что в русском языке послеоктябрьской эпохи решение антиномии «код — текст» тоже идет как правило в пользу текста. Усиление агглютинации в словообразовании, усиление аналитизма в морфологии можно понять именно как стремление к сокращению числа кодовых единиц (вариантов морфем, словоформ) при увеличении отрезков текста, которые полностью определяют эти единицы.

Не безразлична к социальным условиям и последняя внутренняя антиномия — между стремлением к результатам и к экспрессивной выделенности единиц. В разные эпохи различна потребность в экспрессивных формах речи.

7. Перечисленные антиномии своеобразно реализуются в развитии современной русской лексики. Назовем некоторые наиболее очевидные проявления этих антиномий.

А) Для говорящего удобна эллиптическая форма речи; для слушателя она приемлема лишь тогда, когда пропуск отдельных членов предложений и словосочетаний не препятствует полному пониманию высказывания, т. е. когда опущенные члены высказывания недвусмысленно восстанавливаются из словесного контекста. Существует и другая возможность. Если один из членов какого-либо словосочетания всегда в данной речевой ситуации однозначно предполагает другой член (например, тот или иной глагол в данной ситуации всегда связывается с определенным дополнением и т. п.), то этот последний легко может быть опущен без всякого ущерба для взаимопонимания: присутствующий член словосочетания в данных условиях общения всегда сигнализирует и об отсутствующем члене, т. е. становится равным по смыслу всему словосочетанию. Естественно, это может отразиться и на собственном значении соответствующего слова, обусловливая тем самым его семантическое развитие. Однако для того, чтобы этот процесс действительно осуществился, необходимо такое условие: указанная ситуация должна быть общественно значимой, т. е. представление о ней должно быть общим для значительной части носителей языка. Если это условие не соблюдено, привычная для говорящего ситуация и связанное с ней словоупотребление могут оказаться непривычными для слушающего. Говорящему в таком случае придется отказаться от более краткой и удобной для него формы высказывания, как ему приходится отказываться в определенных условиях речевого общения от употребления удобных специальных терминов и заменять их (иногда крайне обременительными для него) описаниями.

Б) В процессе речевого общения нередко бывает нужно обозначить такие предметы и явления, для которых в лексике литературно-нормированного языка нет однословных обозначений. Говорящие вынуждены прибегать либо к словам, которые не признаны литературной нормой (узусом), либо к созданию новых слов и к

описательным оборотам, составным наименованиям, некоторые из которых в свою очередь осуждаются отдельными носителями языка как не соответствующие норме (например, составные наименования вроде *торговые точки*, *транспортные средства* и т. п.). Развитие лексики литературного языка во многом определяется этим конфликтом между потребностью назвать ту или иную реалию и отсутствием в рамках традиционной нормы подходящего наименования. В каждом конкретном случае этот конфликт разрешается либо заменой противоречащего норме наименования другим (который в свою очередь может вызвать новые возражения), либо его постепенным включением в норму. Однако названное противоречие этим не снимается, так как постоянно остается потребность называть вновь появляющиеся реалии, создавать для уже известных явлений экспрессивные, оценочные обозначения.

В) Взаимодействие и столкновение двух указанных тенденций весьма существенно для развития лексики в целом. Усиление регулярности в лексике, стремление к терминологизации определенных ее участков постоянно сталкивается с противоположной тенденцией — тенденцией к созданию экспрессивных, нарушающих регулярность обозначений. Нужно отметить, что часто обе эти тенденции поддерживаются одними и теми же внеязыковыми факторами. Так, например, возрастающий интерес к спорту приводит, с одной стороны, к упорядочению спортивной номенклатуры, ее терминологизации, с другой — к «переносному» употреблению спортивных обозначений применительно к иным областям жизни, т. е. к появлению новых серий экспрессивных синонимов.

Формальное проявление обеих этих тенденций в ряде случаев является также однородным. Так, и стремление к семантической регулярности, и стремление к экспрессивности может быть причиной возникновения «расчлененных» наименований, т. е. нарушения формальной регулярности (ср. многозначный глагол *помочь*, отчасти устраняющее эту многозначность сочетание *оказать помощь* и метафорическое выражение *протянуть руку помощи* и т. п.); и с тем и с другим может быть связано увеличение многозначности отдельных слов (ср. использование некоторых из общеупотребительных слов в терминологических значениях и их переносно-метафорическое употребление в экспрессивных целях) и т. п.

Все эти воздействия антиномий на русскую лексику характерны для русского языка советской эпохи.

8. Перечисленные антиномии своеобразно реализуются в современном словообразовании.

А) Антиномия «говорящий — слушающий» в первые послереволюционные годы, когда стихия раскованной разговорной речи ворвалась в литературный язык, разрешалась преимущественно в пользу говорящего, давая ему возможность свободно творить новые слова различных словообразовательных типов не только для обозначения реалий новой действительности, но и для обозначения тех понятий, которые ранее могли быть выражены как-либо

иначе: описательно (не одним словом) или другим словом того же корня (вспомните известный пример Л. В. Щербы «Надоело мне стереженье твоих вещей»)[26]. Однако очевидно, что сама природа литературного языка с его высокой устойчивостью и строгой нормированностью сдерживает и ограничивает свободу словотворчества говорящего, находя разумное соотношение между потоком новообразований и необходимостью сохранить чистоту и традиционность литературного языка. Поэтому действие антиномии «говорящий — слушающий» в современном словообразовании решается то в пользу одного, то в пользу другого. Ориентировочно можно наметить такую периодизацию: первые десятилетия после революции — побеждает говорящий, 40—50-е годы — побеждает слушатель.

Б) Усиление агглютинативности в современном словообразовании можно понять как разрешение антиномии между нормой и употреблением в пользу употребления: традиционная литературная норма (узус) требует чередования на стыке морфем, запрещает соединение морфем в слове без взаимоприспособлений; употребление, понимаемое как свободная реализация потенций языка, противодействует этому. Так рождаются противоречия между нормами лексическими и нормами словообразования (см. III, § 11).

В тех случаях, когда новая, складывающаяся словообразовательная норма наступает на лексические единицы, устойчивые и широко употребительные, ей обычно не удается их потеснить. В других случаях, когда лексические единицы не имеют названных свойств, словообразвательные нормы берут верх.

В) Антиномия между кодом и текстом, как было отмечено, в периоды демократизации языка обычно разрешается в пользу текста. Однако такой исход этой борьбы мы встречаем не всегда. В частности, в словообразовании, при формировании аббревиатурного способа словопроизводства, в этой борьбе победу одержал не текст, а код (см. подробнее III, § 60). Резко возросло число новых аббревиатурных слов и морфем, что значительно увеличило число единиц кода и сократило длину текста.

Г) Антиномия чисто информационной и экспрессивной функций языка особенно наглядно обнаруживается в борьбе синонимических типов (см. III, главу девятую).

Ярким примером активности тенденции к экспрессивной выделенности, нагруженности языковых единиц служат изменения в словообразовании качественных наречий (см. III, § 168—178). Несомненны социальные стимулы этих изменений — проникновение в нормированный литературный язык (через разговорную

[26] Употребление новых слов для называния явлений новой действительности не связано с антиномией «говорящий — слушающий». В таких случаях речевая деятельность говорящего и слушающего зависит не от регулирующей силы рассматриваемой антиномии, а от внеязыковых факторов (профессия, образование, возраст, общая культура и т. п.).

речь новых носителей литературного языка и через язык художественной литературы, отражающей эту речь) новых форм выразительности, обновляющих традиционный арсенал языковых средств. Эти же обстоятельства активизировали отсубстантивные имена лиц с суфф. *-щик* (типа *алиментщик*, *портфельщик*, *анонимщик*, *сигнальщик* и под.), развивающиеся в современном языке (см. III, § 164), и целый ряд других словообразовательных типов.

9. В морфологии, очень устойчивом языковом ярусе, также заметно (даже на протяжении пятидесятилетнего отрезка времени) динамическое действие языковых антиномий.

А) Наиболее значительным стимулом развития морфологической системы является антиномия кода и текста. Уже в течение длительного времени в сложном противоборстве этих двух начал перевес оказывается на стороне текста в ряде участков морфологической системы русского литературного языка. Это и составляет основу процесса усиления тенденции к аналитизму, проявляющейся в значительном увеличении удельного веса тех случаев, когда грамматическое значение слова выражается не в его структуре, а за ее пределами. Этой тенденцией в ее взаимодействии с различными социальными факторами обусловлены многочисленные морфологические новации советской эпохи: последовательное сокращение числа падежных флексий существительных, наряду с расширением группы полностью не изменяемых существительных, возникновение нового морфологического класса имен — аналитических прилагательных, расширение функций аналитических форм сравнительной степени, рост группы двувидовых глаголов и некоторые другие немаловажные сдвиги в современной морфологии.

Б) Значительное число морфологических изменений вызвала также антиномия, основанная на асимметричности морфем как лингвистических знаков. Вследствие того, что в морфологических корреляциях наряду с маркированными членами участвуют и немаркированные, т. е. такие, которые не содержат указания на тот или иной различительный признак, смогла образоваться в советский период значительная по своему лексическому охвату группа имен существительных общего рода типа *врач*, *педагог*, *психолог*, *экскурсовод* и под., при которых определяющие их слова могут выступать как в форме муж. р., так и в форме жен. р. Этой антиномией обусловлено также значительное число фактов переинтеграции значений форм ед. и мн. ч. существительных. В результате этих процессов формы мн. ч. существительных могут в ряде случаев выступать в качестве немаркированных, т. е. могут обозначать как множество, так и один только предмет.

Действием антиномии асимметричных отношений членов морфологической корреляции объясняются также многочисленные случаи, когда формы мн. ч. сочетают в своей семантической структуре элементы словообразовательных и словоизменительных значений.

Специфика проявления в морфологии антиномии нормы и употребления обусловлена тем, что вследствие выдающейся стабильности морфологической системы ее нормы с большей строгостью, чем в других ярусах, не допускают тех или иных отступлений и, следовательно, в большей мере ограничивают свободу употребления.

В) Наиболее остро антагонизм между узусом и возможностями морфологической системы выступает в условиях, когда под влиянием тех или иных социальных факторов круг отступлений от действующих норм расширяется настолько, что отчетливо вырисовывается процесс формирования новой нормы. Именно такой процесс представляет настойчиво расширяющийся в новых социальных условиях круг употреблений конструкций типа *директор распорядилась*, который ведет, по всем данным, к необходимости признания этих фактов как проявлений закономерно формирующейся новой нормы в структуре рода.

Во многих случаях, однако, когда потребности коммуникации не создавали насущной необходимости ломки установившихся норм, многочисленные попытки нарушения тех или иных правил, распространявшихся даже на довольно узкие лексические группы, преодолевались господствующей в морфологической системе направленностью к стабильности. Так, часто встречавшиеся в 20-х годах факты склонения существительных, оканчивающихся на *-мя*, по образцу существительных сред. р. типа *поле*, например, род. п. *время* (вместо *времени*), дат. п. *времю* и т. д. или же спряжения глаголов некоторых непродуктивных групп по образцу глаголов продуктивных классов, например, *махают* вместо *машут*, уже в 30-х годах стали встречаться значительно реже под воздействием все более и более укреплявшихся морфологических норм.

Г) Экспрессивные формы речи только в редких случаях выражаются морфологическими средствами, поэтому действие антиномии чисто информационной и экспрессивной функций в морфологии обычно ощущается значительно слабее, чем в других ярусах языковой системы, особенно в лексике и фразеологии. Однако в изучаемый период влияние этой антиномии на развитие морфологии было значительно более сильным, чем в предыдущие периоды истории русского литературного языка. Причиной послужило чрезвычайно сложное взаимодействие различных процессов, интенсивно протекавших в языке в послереволюционное время.

Многие процессы, первоначально не испытывавшие влияния антиномии различных функций, в дальнейшем включились в сферу ее действия. Так, падежные флексии, оказавшиеся в результате развития системы склонения — процесса, не имевшего прямого отношения к экспрессивной сфере языка,— ненужными для выражения падежных значений у неизменяемых существительных, стали источником разнообразных экспрессивно-стилистических средств, ср. у В. Маяковского: За покупками |по Москве по всей| разъезжусь |весь день,| не вылезая из *таксей* (Мечта поэта).

Формы род. п. ед. ч. существительных муж. р. на *-а — -у*, первоначально выступавшие в качестве носителей грамматических и стилистических различий, в советский период последовательно эволюционируют в направлении чисто стилистических различителей. Сходные черты развития обнаруживают и параллельные формы мн. ч. существительных *-и* (*-ы*) — *-á*.

Эти и многие другие факты, подробно описываемые в морфологических главах, свидетельствуют о немаловажной роли антиномии информационной и экспрессивной функций в стимулировании развития морфологической системы языка.

10. В русском синтаксисе нашей эпохи один из наиболее существенных процессов — воздействие разговорных конструкций, ранее присущих только устной речи, на современную письменную речь. Это воздействие обусловлено социально, но оно реализует и ряд внутриязыковых антиномий.

В разговорной, устной речи говорящий пользуется большими «льготами», чем в письменной; распространение в письменных речевых жанрах разговорного синтаксиса устной речи означает разрешение антиномии «говорящий — слушающий» в пользу говорящего. Однако и социальные, и собственно языковые причины мешают этому перевесу интересов говорящего зайти слишком далеко. Проникая в письменный синтаксис, разговорно-устные конструкции обретают (на фоне обычных синтаксических конструкций) особую экспрессивную функцию. Они используются в большинстве случаев не ради их лаконичности, «свернутости», эллиптичности (а в этих чертах и проявляются «льготы» в пользу говорящего), а только из-за их экспрессивности. Сами черты «свернутости» при этом могут устраняться или во всяком случае восприниматься как экспрессивная аномалия по сравнению с соотносительными неэкспрессивными, несвернутыми конструкциями.

Указанные антиномии отражаются также и в развитии фонетики современного литературного языка.

Очень своеобразно их проявление в развитии современных русских диалектов.

Действие антиномий в современном русском языке подробно описано в данной монографии. Надо, однако, помнить, что описание этих антиномий— не основное назначение книги; они изучаются для того, чтобы, зная их роль в развитии современного русского языка, определить социальные факторы его изменения.

11. Даже внутренние двигатели развития языка социально отнюдь не инертны. Что же надо считать внешними, собственно социальными факторами развития языка?[27] Изменение круга носителей языка, распространение просвещения, территориальные

[27] Выражения «социальные факторы», «внеязыковые факторы», «внешние факторы» (развития языка) в дальнейшем употребляются как синонимические. Когда описывается воздействие этих факторов на язык, говорится о внешнем воздействии, о внешних закономерностях развития языка.

перемещения народных масс, создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка, развитие науки и т. д., и т. п.— все это прямо или косвенно меняет условия бытования языка. Число этих социальных факторов, влияющих на язык, огромно. Вряд ли они сейчас могут быть исчерпывающим образом учтены. В настоящей монографии исследованы только важнейшие из них.

12. Как происходит взаимодействие внутренних и внешних закономерностей в историческом развитии языка? Воздействие социальной действительности на язык не может разрушать языковую систему [28]. Это определяется в принципе тем, что, как было сказано, и внутренние закономерности развития языка в конечном счете социальны, поэтому они не враждебны собственно социальным воздействиям.

Взаимодействие внутренних и внешних закономерностей развития языка может быть очень многообразным. Возможны такие случаи. Определенная тенденция в развитии языка могла бы разрешить какое-то напряжение в языке, какую-то конкретно выраженную антиномию, она отвечает внутренним потенциям системы, но эти потенции в данный период развития языка еще слишком слабы, чтобы обусловить сколько-нибудь заметные языковые изменения. Новые социальные условия создают возможность для их резкого выявления в языке. Внезапное революционное изменение социальной действительности обеспечивает условия для внезапного же усиления действия этих тенденций, ранее проявлявшихся робко и незаметно, формируя скорее исключения из системы, чем ее торжествующие закономерности. Поверхностному наблюдателю может в этом случае показаться, что новые языковые явления были не подготовлены предшествующим развитием языка и возникли вопреки его внутренним тенденциям. При более внимательном изучении выясняется, что тенденция существовала и раньше, но не могла сколько-нибудь явно проявиться из-за неблагоприятных для подобных тенденций социальных условий бытования языка (см. III, § 128—147).

Случай этот относительно редок. Более характерна для современного русского языка другая форма взаимодействия внутренних и внешних тенденций. Новые общественные условия могут выступать как ускорители языковых процессов, внутренне обусловленных, открыто и явно протекавших в данной системе, но менее интенсивно и напряженно. Большинство фактов, характеризованных в монографии, представляет именно этот тип взаимодействия внутренних и внешних закономерностей языкового развития.

---

[28] Лишь в редких случаях социальное воздействие приводит к скрещиванию разных языков, создающему новое целое, причем одна из образующих систем формирует субстрат, а другая — суперстрат в этом новом целом. Исходные языковые системы при этом, естественно, перестают существовать для данного языкового коллектива — и в этом смысле они разрушаются.

Наконец, есть случаи, когда, наоборот, воздействие социальных факторов задерживает, тормозит развитие определенных тенденций языкового развития.

Такое стимулирующее и задерживающее воздействие социальных факторов наиболее типично для развития языка; оно было главенствующим и в истории русского литературного языка советской эпохи.

Значит ли это, что социальные факторы вносят только количественные изменения в развитие языка, существенно влияют только на интенсивность этих процессов, но не в силах качественно их изменить? Нет, не значит: в результате усиления одних процессов и ослабления других в языке может сложиться такое соотношение определенных участков системы, которое не возникло бы без воздействия внешних факторов; это соотношение особым образом, качественно своеобразно направляет дальнейшее развитие языка.

Итак, внутренние стимулы саморазвития языка, уже сами по себе не асоциальные, взаимодействуют с внешними, чисто социальными стимулами языкового развития, претерпевая в этом взаимодействии и количественные, и качественные изменения. Так сливается воедино действие внутренних и внешних факторов. «Не следует думать,— пишет В. В. Виноградов,— что законы развития языка, вытекающие из его общественной сущности, из его общественных функций, и законы, вытекающие из структуры языка,— это разные, взаимно не связанные закономерности как бы разных планов функционирования языка. На самом деле они взаимообусловленны и неразрывны»[29].

Исследование русского языка советской эпохи в его развитии показывает, насколько действительно взаимосвязаны внутренние и внешние стимулы развития языка.

13. Можно ли в языке социалистической эпохи найти такие конкретные изменения в лексике, грамматике, фонетике, которые были бы свойственны только эпохе социализма? Другими словами: можно ли найти социалистические формы ассимиляции, редукции звуков языка, социалистические формы изменения грамматических значений, способов их выражения, социалистические формы лексических изменений? Иначе: можно ли говорить о языке эпохи социализма как о социалистическом языке? На этот вопрос неизбежен отрицательный ответ. Любой конкретный языковой процесс, отмеченный в языке социалистического общества, возможен и в языке несоциалистического общества. Но определенное целостное единство всех процессов, протекающих в языке социалистического общества, характерно именно для этого общества. Эти черты можно полностью установить после того, как будут написаны истории многих национальных языков, развивающихся в условиях социализма; сопоставление этих историй и покажет, в чем

---

[29] В. В. Виноградов. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания.— ВЯ, 1952, № 2, стр. 33.

специфика языкового процесса именно на данной ступени общественного развития. Пока можно сделать лишь предварительные обобщения; они представлены в настоящей монографии.

Важно подчеркнуть, что незаконны возражения, которые часто приходится слышать: усиление таких-то языковых процессов в русском языке советской эпохи будто бы неверно считать социально обусловленным, так как такое же усиление установлено для языков несоциалистических стран. При сходных (или мнимо сходных) результатах развития мотивирующие их причины как внутренние, так и внешние могут быть очень различны. Поэтому при всякой констатации социальной обусловленности определенного процесса в языке надо учитывать действие внутренних спонтанных тенденций, при оценке действия внутренних тенденций учитывать давление на них социальных факторов. Лишь в этом случае раскроется различие между тем, что, взятое в качестве абстрагированного результата, кажется тождественным в языках, служащих разным социальным формациям.

14. История языка в обществе, переживающем острые социальные изменения,— это в значительной степени история литературной нормы, история ее устойчивости, категоричности, ее притягательной силы. В революционную эпоху история языковой нормы особенно драматична. При отмирании старых норм и становлении новых сталкиваются, очень остро и напряженно, мнения различных групп населения: социальных, возрастных, территориальных.

Изменчивая и часто противоречивая норма литературного говорения причудливо отражается в сознании говорящих. Изучение истории русского литературного языка советской эпохи очень осложняется именно этим субъективным искажением в оценке нормы.

Языковые новшества входят в речевую практику далеко не всегда гладко и незаметно. Часто они вызывают «оборонительную» реакцию у говорящих. Одни защищают нововведения, приводя аргументы логического, лингвистического, вкусового характера; другие резко выступают против новых элементов, решительно отвергают многие из них как засоряющие и искажающие речь. Вторых — больше. Это и понятно: устойчивость языковых средств, консервативность речевых навыков обеспечивают говорящим достаточно автоматическое пользование языком для обмена информацией. Непривычные же, новые единицы могут нарушать этот автоматический процесс и поэтому оцениваться как неудобные, нежелательные.

Между тем подавляющее большинство языковых новаций не возникает «просто так», по прихоти отдельных носителей языка; закономерность их появления может быть понята при тщательном изучении процесса языковой эволюции, ее тенденций, при учете многих факторов, определяющих эволюцию как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Только таким путем можно выработать систему надежных, научно обоснованных регламентаций, свободных от субъективистских крайностей пуризма, но в то же время препятствующих недифференцированному подходу к новшествам, независимо от их функциональной значимости в языке.

В спорах, возникающих по поводу тех или иных вопросов «языковой политики» или по поводу отдельных слов и оборотов, эмоциональные лозунги и поспешно резкие оценки нередко заглушают попытки объективно квалифи-

цировать языковой факт, определить его положение в системе языка. Конечно, дать такую обоснованную оценку новшеств труднее, чем просто наклеить на него ярлык «сорняка» или же, напротив, восторженно-бездумно приветствовать его появление.

Начиная с 30-х годов и до сравнительно недавнего времени голоса лингвистов порой звучали слишком одиноко, чтобы влиять на исход подобных споров. И виноваты в этом были отчасти и сами лингвисты.

Если в 20-е годы такие видные языковеды, как Д. Н. Ушаков, Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, Г. О. Винокур, не только внимательно исследовали современные им языковые изменения, но и активно вмешивались в речевую практику, высказывая свое мнение на страницах газет, общественно-политических журналов и т. п., — то в последующие годы картина меняется: связи теоретической науки с языковой повседневностью ослабевают, большие ученые реже выступают «с широкой трибуны».

Постепенно создается такое положение, при котором мнение языковедов, если оно и высказывается (к сожалению, как правило, в малотиражных и узкоспециальных журналах), не вызывает к себе пристального внимания носителей языка; иногда им попросту пренебрегают. А это открывает дорогу таким выступлениям и оценкам, которые основываются главным образом на личном (и часто очень узком) вкусе дилетантов, на более или менее субъективном восприятии новых фактов языка. При этом личное и субъективное обычно подается как истина в конечной инстанции. Достаточно вспомнить некоторые статьи писателя А. Югова, уже не раз комментировавшиеся в лингвистической литературе [30].

Достаточно прочитать статьи писателя А. Морозова, напечатанные в журнале «Нева» [31], в которых вполне здравые рассуждения о необходимости беречь язык, подкрепляемые цитатами из сочинений М. В. Ломоносова, сочетаются с пуристической косностью, с ярко выраженным стремлением дискредитировать объективно-научный подход к оценке языковых изменений. При этом А. Морозов назидательно внушает лингвистам, что и как они должны делать. «... нельзя считать «новыми качественными изменениями» в языке то, что сплошь и рядом возникает в результате небрежности, плохого знания языка, невнимания к своей и чужой речи», — пишет А. Морозов [32]. Но, вероятно, никто не станет возражать против этой мысли, высказанной довольно абстрактно. Вся трудность заключается в том, что же в каждом конкретном случае надо считать ошибкой, а что — фактом развития. И когда лингвисты пытаются выяснить это, автор «Заметок о языке» опять поучает их, а заодно и сообщает некоторые сведения, по его мнению, не известные исследователям языка:

«Вся беда в том и состоит, что «новые» нормы произношения, которые якобы возникли и получили распространение совсем недавно, вовсе не новы. Они не отражают какие-то глубокие внутренние процессы изменения и развития всего русского языка, а вторгаются в него из давних источников... Подавляющее большинство «изменений», регистрируемых нашими языковедами, было отмечено не менее ста лет назад...» (дальше следует перечень хорошо известных в науке книг и словарей К. Зеленецкого, В. Долопчева, И. И. Огиенко, В. И. Чернышева и «многих других»). «... Только тогда это называлось ошибками, неправильностями, погрешностями в русской литературной речи, а не объяснялось, как это делают последователи Н. Я. Марра (?!), «сдвигами», происшедшими в языке после революции» [33].

В выступлениях, подобных выступлениям А. Югова и А. Морозова, плохо не то, что люди, не занимающиеся исследованием языка специально, выс-

---

[30] См.: В. П. Григорьев. О нормализаторской деятельности и языковом «пятачке».— «Вопросы культуры речи», вып. 3. М., 1961; Р. А. Будагов. Три книги о культуре речи.—«Вопросы литературы», 1963, № 2.

[31] А. Морозов. Заметки о языке. «Нева», 1964, № 1, 6, 8, 9, 10.

[32] «Нева», 1964, № 1, стр. 183.

[33] Там же.

казывают свое мнение о языке. Плохо то, что это мнение, в котором больше эмоций (и зачастую плохого языкового вкуса), чем мысли, выдается за объективную истину.

В рецензии на книгу Б. Н. Тимофеева «Правильно ли мы говорим?» проф. А. А. Реформатский, высказываясь против стремления свой личный вкус делать критерием в объективной оценке языковых фактов, писал: «... не все, что не отвечает нормам литературного языка,— результат небрежности или неряшливости, в большинстве случаев—это влияние другого языка, диалекта, просторечия, — вообще иного типа речи, где ненормальное в русском литературном языке может быть вполне нормальным... и разные случаи этого «чужеязычия» стилистически отражаются на русском тексте по-разному; не все, что произошло в языке как бы «вопреки закону», остается навсегда «беззаконным», — оно может узуально стать закономерным» [34].

Для пуристических высказываний типично то, что косность сочетается в них с прожектерством: например, А. Морозов предлагает склонять слова типа *пальто* и т. д. Те самые «внутренние процессы изменения» в языке, о которых пишет А. Морозов, определяют бесперспективность подобных предложений (см. IV, § 31—33). Конечно, было бы нелепо в лингвистическом исследовании оценивать все новое, что появилось в языке советской эпохи, с точки зрения «лингвистического обывателя». Более того: в работе, посвященной исследованию тенденций развития современного языка, приходится касаться и таких фактов, которые еще не узаконены, не стали нормой и могут казаться искажением, нарушением существующих норм. Многие из таких новшеств и не станут нормой; но изучать их необходимо: они — показатель процессов, происходящих в языке, которые в целом никак не могут оцениваться отрицательно.

Было бы неверно, изучая язык нашего времени, совершенно не принимать во внимание и мнений, подобных тем, которые высказывают А. Югов, А. Морозов и др. Их высказывания надо учитывать вместе с тысячами других мнений, которые получены при массовом лингвистическом опросе (см. дальше, I, § 19). Например, известно, что на вопрос: «Считаете ли вы целесообразным склонять слово *пальто*?» 1455 человек ответило отрицательно, 45— положительно. С учетом мнения А. Морозова таких положительных ответов оказывается не 45, а 46 (обоснования рекомендации у всех отвечающих примерно одни и те же).

Таким образом, исследователи новейшей истории русского языка не должны и не могут стать на точку зрения дилетантского отвержения языковых новшеств (и на точку зрения их бездумного приятия); критерием для их научной оценки может служить не то или иное субъективное мнение, а сама история современного языка, т. е. действие определенных тенденций языкового развития.

15. Однако история языка в эпоху социалистической революции — это не только история его изменения в новых социальных условиях, но вместе с тем история общественной борьбы за его стабильность и устойчивость.

В полной мере это относится, конечно, к литературному языку. Чем больше накапливается памятников культуры на данном жи-

---

[34] А. А. Реформатский. Так как же надо говорить? (вместо рецензии на книгу Б. Тимофеева «Правильно ли мы говорим?»). — РЯНШ, 1962, № 1, стр. 80.

вом языке, с одной стороны, и чем выше становится общий культурный ценз общества, с другой, тем более замедленным становится развитие литературного языка. Иными словами: развитие литературного языка отчасти заключается и в том, что он развивается все медленнее. Эту черту развития надо признать глубоко прогрессивной: замедление в развитии литературного языка означает, что он более полно осуществляет свою важную функцию — обеспечивать связь между поколениями, соединять говорящих с культурой предшествующих эпох. Язык является средством создания и существования культурных памятников и средством повседневного текущего общения; можно считать, что эти две функции образуют антиномию, особенно острую для литературного языка. Предельно напряженной эта антиномия является для литературного языка революционной эпохи.

В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, в 20-х — начале 30-х годов в связи с усиленным влиянием говоров и просторечия на литературный язык стране могла угрожать языковая разруха.

Напряженные усилия советской общественности преодолеть эту опасность, стабилизовать литературную норму, не допустить разрыва с русским языком XIX в. дали очень значительные результаты.

Изучение борьбы за стабилизацию литературного языка, несомненно, очень важный аспект социально-лингвистического изучения. Эта борьба освещается и в настоящем исследовании — в тех случаях, когда она отражала объективные языковые тенденции.

16. Изучение темы «Русский язык и советское общество» дает важные материалы для решения крупнейших философско-лингвистических проблем,— таких, как проблема прогресса в языке, проблема соотношения языка и мышления и ряда других.

Проблема прогресса в языке, т. е. усовершенствования языков в процессе их развития, уже не первый век волнует лингвистов. Предлагалось немало решений этой проблемы, к сожалению, в большинстве своем неубедительных. Например, при сопоставлении разных грамматических систем — фузионной и агглютинативной, синтетической и аналитической — провозглашалось, что одна из них «прогрессивнее» другой. Выбор наиболее прогрессивной системы определяется субъективным пристрастием исследователя. Теории, построенные на этой зыбкой субъективистской основе, часто носили крайне реакционный характер.

Более основательны мнения, которые прогресс в языке связывают с усложнением функций языка. Однако и при такой постановке вопроса остается много неясных аспектов этой проблемы.

Монография «Русский язык и советское общество» не посвящена специально проблеме прогресса в языке; решение этой проблемы на материале одного языка явно невозможно. Но исследователю, стремящемуся решить эту проблему действительно по-марксистски, действительно глубоко, материалы монографии

могут дать важный материал для философских обобщений и заключений.

17. Социально-лингвистическое исследование требует особых методов собирания материала. Даже к обычному в языковедческих работах методу — выборке материала из письменных источников — предъявляются требования, обусловленные именно социологической спецификой исследования. Лингвисты, изучая современный язык, обычно выбирают материал (слова, словосочетания, предложения) в первую очередь из художественной литературы. Большей частью только один этот источник и используется.

Социально-лингвистическое исследование не может ограничиваться изучением языка по художественным текстам. Исследуя то или иное изменение в языке, какой-либо лексический, грамматический, стилистический процесс, надо определить, в каких речевых стихиях он используется и наиболее напряженно протекает: в профессиональной, разговорно-литературной, официально-деловой, технической, научной, иначе говоря, надо определить, какими социальными слоями говорящих этот процесс наиболее активно поддерживается. Поэтому при социологическом изучении языка должны изучаться не только художественные тексты, но также и научные, публицистические, информационные тексты (из газет и журналов), учебники, инструкции, справочники, всякого рода официальные документы.

В настоящей монографии такие тексты представлены в значительном количестве. Сама выборка определялась социологической значительностью данного языкового жанра (т. е. данного специфического применения языка к потребности общества). Такие жанры, как газетное информационное сообщение, научная статья, публицистическое выступление, техническая инструкция, научно-популярный очерк, представлены в монографии большим числом языковых фактов [35].

Использование письменных источников дает богатый материал для социологического изучения языка. Но этот материал недостаточен. Социологическое изучение языка, замкнувшееся в обследовании только его письменной разновидности, не может не быть ущербным. Необходимо изучение живой, устной речи, речи быта и повседневной жизни; притом факты этой речи всегда должны иметь свою социологическую характеристику, свой «паспорт»: надо знать,

---

[35] Примеры из письменных текстов, приводимые в монографии, сопровождаются двумя типами указаний на источник. В том случае, если пример касается редкого явления, рядом в скобках приводятся более подробные выходные данные. Например: («Молодой целинник», 28 марта 1959) или (В. Маяковский, Хорошо! 1927, слова рабочего). Такие же указания делаются в том случае, если важно подчеркнуть жанровую принадлежность текста.

В остальных случаях выходные данные приводились в сокращенном виде. Например: (Из газет, 1926) или (В. Маяковский, Про это) и т. д.

В картотеке Института русского языка АН СССР сохраняются все примеры с полными выходными данными.

кому принадлежат такие-то и такие-то социальные навыки говорения.

18. С другой стороны, задачи социологической лингвистики требуют получения массового материала, достаточно характеризующего каждую социально-возрастную группу населения. Любое языковое явление должно быть представлено таким количеством фактов, которые допускали бы статистическую обработку и оценку этих явлений. Это требование (массовость социально квалифицированного материала) тоже не позволяет ограничиться собиранием фактов из письменных источников.

В самых различных общественных науках (в социологии, психологии, педагогике и др.) уже в 20-х годах XX в. встал вопрос о разработке таких методов получения данных, которые позволили бы собирать материал, пригодный для количественного исчисления и статистической обработки [36]. Поиски в этом направлении закономерно завершали предыдущий период внутреннего развития этих наук и предвещали начало нового.

Большинство социальных наук испытало в значительной мере одинаковую смену методов — они развивались от эпизодического наблюдения, подчиненного умозрительным обобщениям, к систематическому обследованию с помощью опроса и эксперимента [37].

Такое сходство объясняется тем, что социальные науки имеют единый объект изучения — общество в его разнообразных проявлениях. Поэтому появление новых методов собирания и использования материала в одной из наук сказывается и на других общественных науках [38].

«В общем количественные методы теперь приняты в качестве нормального и необходимого аспекта социологического исследования. Споры вокруг них... теперь превратились в технические споры, относящиеся к применению данных приемов при определенных условиях в отношении определенного вида явлений...» [39]. Общепризнано, что квантификация материала усиливает его доказательность и позволяет проверить достоверность выдвинутых теоретических положений. И если теперь социологи не могут обойти вопрос о превра-

---

[36] См.: Lundberg. Social Research. New York, 1928; Брайдан Саймон. Английская школа и интеллектуальные тесты. Пер. с англ. М., 1958, стр. 36—37; Ср. также: М. С. Бернштейн. Методика и техника обследования среды в Америке. М., 1930.

[37] Ведущими методами социальной психологии во второй половине XIX в. были методы наблюдения и самонаблюдения, методы анализа различных документов и источников (художественная литература, публицистика, письма, биографии, политические документы, описание исторических событий и т. д.), методы изучения этнографического материала. В конце XIX в. впервые применяется метод опроса (беседа, анкета) и проводятся социально-психологические эксперименты. Однако наибольшее развитие в социальной психологии эти методы получают в первой половине XX в. (См.: Б. Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л., 1965, стр. 105. См. аналогичный обзор в статье Джона Ч. Маккинни «Методология, процедуры и техника социологии». — В кн.: «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении». М., 1961).

[38] В современных социологических трудах находим разнообразные исследования, проведенные с помощью группового интервьюирования и анкетирования с последующей статистической обработкой материала (см., например: В. Б. Ольшанский. Личность и социальные ценности.— В кн.: «Социология в СССР», т. I. М., 1965; К. Дэвис. Социология демографического поведения.— В кн.: «Социология сегодня». Пер. с англ. М., 1965).

[39] Джон Ч. Маккинни. Указ. соч., стр. 237.

щении скрытой квантификации [40] в полноправную, аргументированную и методологически разработанную, то и для социологической лингвистики это является актуальной задачей.

Поэтому собирание материала для темы «Русский язык и советское общество» на современном научном уровне потребовало наряду с традиционными и новых форм.

19. Получить социально паспортизованный материал можно лишь двумя путями: во-впервых, записывая непринужденную живую речь от лиц заранее известной социальной принадлежности и, во-вторых, опрашивая их по определенной программе. Опрос может быть индивидуальным или групповым. В общественных науках известен и тот и другой [41]. В лингвистике предпочтителен индивидуальный опрос, который позволяет сопоставить факты речи одного объекта и сравнивать речь разных объектов. Это необходимо в связи с тем, что факты языка многообразны и в большой степени индивидуальны.

Основной массив материала, нужного для выполнения темы, был получен путем опроса, он производился с помощью особых анкет (вопросников). Параллельно велись наблюдения над живой речью; это дало возможность оценить достоверность материала, собранного с помощью вопросников.

Были составлены вопросники по фонетике, морфологии, словообразованию и лексике. Помимо лингвистических, они содержат и социальные вопросы, важные для изучения языка: о возрасте, профессии, образовании, месте рождения и жительства, родителях, их профессии и родине и т. д.

С помощью каждого из вопросников опрошено до 4000—5000 лиц разного возраста и различной социальной принадлежности. Всего получено 13 000 вопросников, в каждом из них от 180 до 768 заданий (в монографии использовалась только часть этих данных).

Этот способ сбора материала обладает такими достоинствами, которые сделали его незаменимым при выполнении социолого-лингвистического исследования.

1. С его помощью можно получить социологически паспортизированные материалы: о каждом информанте даны все сведения, существенные для исследования.

---

[40] Использование таких терминов, как «растущий», «увеличивающийся», «поднимающийся», «больше», «меньше», указывает на латентную классификацию. В широком смысле этих терминов общественные явления постоянно «измеряются» и «исчисляются» и теоретиками, и практическими социологами (см.: Джон Ч. Маккинни. Указ. соч.). Сказанное полностью относится и к лингвистике.

[41] О групповом интервьюировании в современной социологии см.: К. Дэвис. Указ. соч. — Методика индивидуального социологического опроса в виде так называемого «социологического теста» использовалась и советскими социологами (см. указание В. Б. Ольшанского). Обзор работ по интервью дается в работах: H. Cantril. Gauging Public Opinion. London, 1951; А. К. Уледов. Общественное мнение советского общества. М., 1963.

2. Ответы разных информантов касаются одних и тех же слов, одних и тех же форм; это делает все ответы сопоставимыми друг с другом.

3. Только этим способом можно получить массовый материал, допускающий количественную оценку. Многие формы, подлежащие социологическому изучению, не относятся к наиболее употребительным, и если ограничиваться наблюдениями над живой речью, то не удалось бы собрать по ним достаточный материал.

20. Способ собирания лингвистических фактов с помощью вопросников не раз подвергался резкой (но далеко не всегда компетентной) критике.

Критика лингвистических вопросников во многом совпадает с возражениями, вызванными социологическими анкетами. В основном она сводится к сомнению в объективности полученных ответов, так как отвечающий может приписать себе такие речевые навыки, которые, по его мнению, являются образцовыми, хотя бы сам он ими в повседневной обычной речи и не пользовался.

Более всего эти опасения относятся к вопросникам по фонетике и морфологии. Но собранный материал показывает, что ответы содержат достаточно много вариантов и отклонений от нормы в сторону разговорной речи. Их количество часто достигает предела, который был найден из наблюдений над живой речью.

Вопросник по словообразованию может вызвать возражение другого рода. Для изучения современных словообразовательных процессов предпочтительнее было произвести опрос, используя малоупотребительные в повседневной речи производящие основы. Это должно было поставить отвечающего перед необходимостью самому образовать название, а не вспоминать существующее в языке слово. Действительно, если бы было предложено задание: «Образуйте название детеныша от слова *лось*», то часть ответила бы: *лосенок*, а часть (вероятно, меньшая) *лошонок*. Эти ответы ничего не говорили бы о том, какая словообразовательная модель является сейчас живой, наиболее продуктивной: с чередованием перед суффиксом *-онок* или без чередования. Ответы говорили бы только о распространенности слов *лосенок* и *лошонок*, т. е. отмечали бы лексический, а не словообразовательный факт. Поэтому для изучения словообразовательных фактов надо предлагать такие задания, чтобы требовалось создание нового слова от малораспространенных или даже искусственных основ. Например: «Образуйте название детеныша от слова *кускус*». В этом случае соотношение двух вариатов — *кускусенок* и *кускушонок* — действительно покажет, какая словообразовательная модель продуктивнее.

Что же касается необычности ситуаций, предлагаемых вопросником, то следует учитывать, что прежде всего необычным выглядит сам факт одновременного образования множества слов (требуется образовать около 300 слов), не встречающихся в обычной речевой практике.

В этих условиях наиболее приемлемыми для отвечающего являются как раз исключительные ситуации, например ссылка на воображаемый фантастический роман, детскую книгу, разного рода инструкции, где появление множества новых названий вполне естественно. Все эти приемы использовались в вопросниках.

21. Составители вопросников столкнулись с чисто лингвистическими затруднениями. В первую очередь это относится к фонетическому вопроснику.

Трудность состояла в том, что необходимо было нарушить автоматизм говорения у отвечающих на вопросы и заставить их анализировать то, что они обычно не подвергают анализу — собственное произношение. При этом можно ожидать, что отвечающий отождествит написание слова с его произношением. Чтобы помочь ему избежать гипноза орфографических представлений, в фонетическом «Вопроснике» применялись следующие приемы.

1. В инструкции «Как заполнить вопросник» напоминалось и подчеркивалось, что орфография не передает точно нашего произношения.

2. В самом вопроснике везде, где было возможно, использовались неорфографические написания слов (орфографические иногда приводились рядом в кавычках, чтобы человек легко мог опознать слово). Например: «Как Вы произносите *С* в следующих словах:
сьлева или сълева? сьлива или сълива?»

3. Сама формулировка вопроса, где возможно, давалась так, чтобы у отвечающего не могло возникнуть отождествление орфограммы с произношением, например: «Сравните: *спи — спать*. В каком слове Вы *С* произносите мягче?» Или: «Сравните произношение слов: А) (Говорят) *про петли*. Б) (тебе не) *пропеть ли*? В) (Гимн) *пропет ли*? Какие два из этих трех слов (А, Б, В) более похожи друг на друга и образуют более точную рифму: А и Б или А и В?».

Задача, которая ставится перед отвечающим,— правильно услышать свое произношение, безусловно, нелегка для него. Здесь возможны ошибки; некоторые отвечающие вообще могут оказаться неспособными к подобному анализу. Чтобы отличить неправильные ответы от правильных, введен ряд контрольных вопросов для каждого раздела вопросника (для безударных гласных, сочетаний согласных и проч.).

Для человека, говорящего на русском литературном языке, возможен единственный правильный ответ на такой контрольный вопрос. Неправильный ответ на контрольный вопрос означает: или отвечающий явно не владеет литературным произношением, или не слышит себя и не может верно оценить свою речь. При неправильном ответе на контрольный вопрос не учитывались все остальные ответы информанта в том же разделе.

22. Сбор материала с помощью вопросников, основывающийся на субъективной оценке говорящими своих языковых навыков, контролировался объективным методом — непосредственным наблюдением над речью.

Устная речь изучалась в двух разновидностях: естественная, живая речь и чтение вслух.

Было сделано большое количество магнитофонных записей живой речи на заводах, фабриках, в научно-исследовательских институтах, вузах, народных судах и т. д. [42] Эти записи, так же как и обычные повседневные наблюдения за речью говорящих, использовались для всех разделов монографии.

Для раздела «Фонетика», кроме этого, материал был получен также в результате наблюдений над чтением вслух.

Экспериментальные тексты, включающие слова, произношение которых проверялось, давались для прочтения вслух специально отобранным информантам; их чтение записывалось на магнитную ленту. Полученные таким образом и тщательно прослушанные записи составили материал для сопоставления.

Применение этого метода позволило, во-первых, собрать массовый материал и выяснить количественное соотношение вариантов (в то время как многие из изучаемых слов и словоформ относятся к малочастотным и поэтому редко встречаются в живой речи). При фонетическом исследовании желательно, чтобы собранный материал оказался однородным, т. е. был бы записан в речевых условиях, одинаковых для всех информантов. Примененный метод обеспечивал такую однородность; в этом его второе достоинство.

[42] Подробное описание созданной фонотеки см.: Л. А. Капанадзе и Л. П. Крысин. Фонотека современной разговорной речи. — В кн.: «Лингвистические источники. Фонды Института русского языка АН СССР». М., 1967.

Собирание массового материала должно производиться с учетом положения слова во фразе: все информанты должны произносить определенное слово, например перед паузой определенного типа. И это тоже (в-третьих) обеспечивалось описанным методом.

Дикторы-информанты отбирались по двум признакам:

1. Они должны были владеть литературным произношением. Учитывались следующие признаки: это были москвичи (1. Люди, родившиеся и живущие в Москве; 2. Люди, живущие в Москве с раннего детства) — представители интеллигенции, служащие, студенты.

Из этих предварительно намеченных информантов отбирались те, чье произношение соответствовало требованиям нормы (не в тех ее чертах, которые проверялись, а в других — полностью бесспорных показателях литературного произношения).

2. Они должны были хорошо владеть навыком беглого, естественного чтения вслух.

Недостаток этого метода состоит в том, что информант при чтении может подвергнуться влиянию письменной формы слова. Но недостаток этот не следует преувеличивать. Если бы произношение читающих вслух находилось во время опыта под сильным влиянием орфографии, мы получили бы явно завышенные цифры для некоторых проверяемых фактов (произношение [ь] вместо [ъ] в заударном слоге в словах типа *поле*, произношение долгих согласных и нередуцированных гласных в безударных слогах в заимствованных словах).

Однако из анализа цифр, полученных в результате таких опытов, можно сделать вывод, что влияние орфографии в этом случае было очень незначительным, а иногда и совершенно отсутствовало.

Таковы основные методы собирания материала, использованного в монографии «Русский язык и советское общество». Некоторые другие методы, менее часто применявшиеся, описаны в тексте монографии.

23. Общее направление изучения проблемы «Русский язык и советское общество», охарактеризованное выше, определило и композицию монографии.

Первая ее часть посвящена развитию литературного языка. Анализируются, естественно, только такие изменения в языковой системе, которые обусловлены не одними только внутренними тенденциями развития языка, но и внешними, социальными воздействиями.

В работах, посвященных изменениям русского языка в советскую эпоху, самой большой всегда является глава, посвященная лексике. Очень часто только лексика и освещается сколько-нибудь подробно. В этой монографии глава, посвященная лексике современного литературного языка, напротив, невелика по объему. В ней нет списков слов, которые появились или получили новые оттенки значений в советскую эпоху. Именно за счет такого перечня фактов и были объемисты сделанные лексикологами наблюдения над словарными изменениями. Задача настоящей монографии — не дать перечень фактов, а осветить закономерности развития русского языка в новых социальных условиях. А по отношению к лексике такая работа еще совершенно не проделана; ее приходится только начинать. Если учесть недостаточную разработку общей лексиче-

ской теории в современном языкознании, то будет ясна трудность задачи. В монографии дается по существу первая попытка осветить взаимодействие внутренних закономерностей развития лексики и взаимодействующих с ними закономерностей внешних, собственно социальных.

Разделы словообразования, морфологии и фонетики оказались в несколько более выигрышном положении по сравнению с разделом лексики, но не потому, что авторы могли опереться на теоретически значительные работы о словообразовательных, морфологических и фонетических закономерностях развития русского языка в XX в. Таких работ по существу нет. Но общая грамматическая и фонетическая теория в современном языкознании значительно лучше разработана, чем общая теория лексики. Это облегчило работу над указанными разделами и позволило детально описать и проанализировать многие изменения в современном литературном языке.

Социально-лингвистическое изучение современного русского синтаксиса приходится начинать с самых первых, предварительных обобщений и наблюдений. В отличие от лексики здесь и фактический материал языковедами еще не накоплен. В синтаксическом разделе монографии дается первое социолого-лингвистическое описание материала и его анализ; дальнейшее изучение, несомненно, позволит углубить этот анализ. Неразработанность общей синтаксической теории очень затрудняет характеристику синтаксических изменений в русском языке нашей эпохи.

Стилистика не представляет особого яруса [43] в языке: стилистические противопоставления даны и в лексике, и в грамматике, и в фонетике. Поэтому стилистические главы есть и в лексическом, и в словообразовательном, и в морфологическом, и в фонетическом разделах монографии. В них освещаются в первую очередь вопросы стилистической парадигматики [44] (под тем общим углом

[43] В работе принято следующее понимание яруса языка: разные ярусы языка характеризуются наличием специфических единиц, причем единицы высшего яруса могут состоять из единиц низшего яруса, но не наоборот. С этой точки зрения особыми ярусами являются фонемный, морфемный (состоит из словообразования и морфологии), лексемный и синтаксический. См.: А. А. Реформатский. Принципы синхронного описания языка.— В кн.: «О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков». М., 1960, стр. 32—33.

[44] Парадигматика изучает типы парадигмы (в лексике, грамматике, фонетике). Парадигма — набор единиц, возможных в одной и той же позиции. Например, флексии *-а, -ы, -е, -у, -ой-, -е* составляют парадигму: все они возможны после одних и тех же основ (*вода, воды, воде, воду, водой, воде*).

Термин «парадигма» иногда используется языковедами и в другом значении: набор единиц, невозможных в одной позиции (примером могут служить уже не флексии, а сами словоформы с этими флексиями: *вода, воды* и т. д.). Это использование термина даже предпочтительно по некоторым теоретическим соображениям, но в книге принято более распространенное употребление термина. Вместо слова «парадигма» во втором значении используется описательная формула: позиционно взаимоисключенные единицы, или позиционно варьирующиеся единицы.

зрения, который принят в этом социально-лингвистическом и историческом исследовании)[45].

Во время постройки Ангарской плотины археологи и этнографы сосредоточили свои усилия на обследовании затопляемого района, даже в ущерб другим важным исследовательским темам. Они поступили правильно: надо было спасти для науки то, что уходило навсегда. В таком же и даже более напряженном положении находятся диалектологи: диалекты в их архаических слоях стремительно затопляются литературным языком. Стоит сейчас упустить важные диалектные черты, идущие из глубокой языковой древности, как через несколько десятилетий они уже будут невосстановимы. Понятно, что усилия диалектологов направлены на изучение в говорах того, что стремительно и безвозвратно уходит.

Именно потому процессы взаимодействия говоров и литературного языка, диалектная новизна советской эпохи остается по существу совершенно не изученной. В этой монографии сделана первая разведочная попытка описать изменения говоров в советскую эпоху под воздействием своих внутренних, имманентных тенденций и внешних, социальных факторов [46] (для говоров это в первую очередь — воздействие языка города, литературного языка). Из сказанного следует, что часть, посвященная диалектам, построена на тех же теоретических основаниях, что и часть, описывающая литературный язык. Описаны только процессы, происходящие в двух контрастных ярусах — в лексике и в фонетике. Дать описание других ярусов пока не представляется возможным даже в предварительном, «разведочном» плане.

---

[45] В каждом разделе первая глава — вступительная. В ней дается общая характеристика процессов, характерных для определенного яруса русского языка советской эпохи (лексики, словообразования и т. д.). Социологические стимулы языкового развития еще не анализируются подробно — это сделано в следующих главах. Каждая из этих глав посвящена какой-либо тенденции развития языка; последовательно указывается, какие социальные факторы воздействовали на эту тенденцию. При этом первые главы дают описание тенденций, определяющих главным образом развитие обозначающих, затем следуют главы, посвященные развитию значений в составе языковых единиц данного яруса. Последняя глава каждого раздела посвящена влиянию на данный ярус других ярусов языка (например, влиянию лексики на словообразование — в словообразовательном разделе) или специализированных подсистем того же языка на другие его подсистемы (например, терминологической лексики на нетерминологическую).

В каждом разделе предпоследняя глава посвящена стилистическим изменениям в данном ярусе.

Иное строение имеют диалектологические главы ввиду специфичности материала исследования,— например, невозможности сейчас, при данном состоянии объекта исследования, описать стилистические изменения в диалектной лексике и фонетике и т. д.

[46] И внутренние тенденции, и социальные воздействия являются факторами развития языка. Следовательно, словосочетания «внутренние тенденции» и «внутренние факторы» синонимичны (так они и употребляются в книге).

Монография посвящена не лингвистической социологии [47], а социологической лингвистике. Во всех главах книги изучается система языка в ее социально обусловленных изменениях. Путь изучения таков: от фактов языка к социальным причинам, вызвавшим эти факты. Это — вполне закономерный путь, так как социальные воздействия «наслаиваются» на имманентное развитие языка, преобразуют его, но не отменяют. Именно к такому изучению и сводилась до сих пор (и в советском языковедении, и за рубежом) социологическая лингвистика [48].

24. Монография «Русский язык и советское общество» — лишь начало большой работы по социально-лингвистическому изучению русского языка советской эпохи. За этой монографией должны последовать многие другие работы.

В частности, была бы теоретически интересна и практически нужна работа «Русская речь и советское общество». В ней должны анализироваться различные речевые жанры (разговор в семье, производственное совещание, выступление на митинге, газетный фельетон, дружеский разговор по телефону, воинский приказ и т. д.). Обобщение закономерностей, характеризующих эти жанры в разные периоды развития советского общества, позволит понять, как менялись принципы построения речи под влиянием новых социальных условий. Безусловно, необходима книга «Развитие языка русской советской художественной литературы». Нужны и многие другие исследования по социально-лингвистическим проблемам современного русского языка. Данная монография только начинает ряд этих исследований.

---

[47] Лингвистическая социология, очевидно, должна изучать группировку населения по языковым признакам, а также роль языка для других классификаций, т. е. в какой мере разделение на языковые группы совпадает (и не совпадает) с группами, выделенными по другим признакам: по образованию, социальному положению, занятиям и т. д. Пока такой науки — лингвистической социологии — не существует.

[48] Однако возможен и другой путь изучения: от социальных причин — к фактам языка, которые вызваны этими причинами. Иначе говоря, возможна лингвистическая классификация социальных факторов — классификация по тому, как они влияют на язык. Это — еще нерешенная задача советского языкознания.

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Глава первая

Вступление. *Системный характер лексики. Значение слова как диалектическое единство языкового (определяемого системой) и неязыкового содержания. Две важные тенденции, действующие в лексике: устремление к однотипности (регулярности) и устремление к экспрессивности единиц. Проявление этих тенденций в советскую эпоху. Стилистические сдвиги в современной лексике. Новшества в лексике и языковая норма.*

1. Лексика справедливо считается той областью языка, в которой наиболее наглядно и непосредственно отражаются разнообразные изменения, происходящие в общественной жизни. «Проницаемость» лексики для внеязыковых, социальных воздействий обусловлена самим характером составляющих ее единиц, их основной функцией — служить обозначениями предметов и явлений действительности. Появление чего-то нового в жизни общества, точно так же, как и познание новых предметов и явлений, вызывает необходимость номинации, что влечет за собой образование в языке новых слов и выражений или образование новых значений у ранее существовавших единиц лексики.

Лексико-семантические новообразования, вызванные потребностями номинации новых предметов и явлений действительности, достаточно ярко характеризуют изменения, которые происходят в жизни общества. Обычно именно такие новообразования прежде всего останавливают на себе внимание как исследователей, так и самих говорящих. Между тем воздействие социальных факторов на лексику не ограничивается внешним пополнением словаря.

Естественно предположить, что и самые способы создания новых наименований, действующие на том или ином этапе развития языка, также зависят от социальных условий, а любое, хотя бы и внешнее, пополнение словаря новыми единицами неизбежно должно как-то сказаться на соотношениях и связях, существующих между другими единицами лексики. Если бы это предположение оказалось необоснованным, следовало бы пересмотреть ставшее традиционным к настоящему времени понимание языка как системы.

Однако, как показывают наблюдения многих исследователей над процессами, происходящими в лексике различных языков в разные периоды их развития, между единицами лексики существует сложное взаимодействие, не являющееся прямым отражением отношений между соответствующими реалиями. Поэтому тот факт, что развитие лексики предопределено во многом внеязыковыми факторами, не делает это развитие независимым от собственно языковых моментов. «Смысловые контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловой объем определяются грамматическим строем языка... Различия в синтаксических свойствах слова, в особенностях его фразового употребления находятся в живой связи с различиями значений слов»[1].

Значение слова представляет собой диалектическое единство языкового и внеязыкового содержания. Каждое слово является отражением какого-то отрезка действительности — реальной или мнимой,— но вместе с тем и единицей языка, связанной фонетически, грамматически и семантически с другими единицами. Способы выражения лексического значения в слове создаются длительной речевой практикой людей и становятся элементами языковой системы. Они определяют и характер отражения в языке вновь познаваемых отрезков действительности.

Однако именно тот факт, что развитие лексики в значительной мере определяется внутриязыковыми факторами, связанными с системным характером языка, обусловливает, как это ни парадоксально с первого взгляда, и более глубинное, чем обычно представляется, воздействие на лексику внеязыковых факторов. Для того, чтобы отдельные части языкового механизма пришли в движение, нужен внешний толчок, но самый характер этого движения в значительной степени обусловлен особенностями самого механизма. Внешние факторы, затрагивая те или иные языковые звенья, благодаря системным отношениям внутри лексики оказывают косвенное влияние и на другие звенья.

2. Основные способы создания новых наименований (способы номинации) остались в русском литературном языке послереволюционной эпохи теми же, какими они были и прежде: аффиксальное словообразование, словосложение (основосложение), образование составных наименований, заимствование (из других языков, а также территориальных и профессиональных диалектов) и семантические переносы. Все эти способы активно использовались при назывании новых реалий. Однако на различных этапах развития русского языка за это время соотношение и роль данных способов номинации заметно менялись (см. II, § 9—10). Существенным фактором, влияющим на образование лексических неологизмов, становятся, в частности, все более расширяющиеся международные связи нашего государства, способствующие увели-

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 16.

чению фонда интернациональной лексики как в словаре русского языка, так и в словарях других языков Советского Союза.

3. К числу внешних факторов, воздействовавших на лексику русского языка после Октябрьской революции, относится, конечно, не только появление многочисленных новых реалий, требовавших непосредственного отражения в словаре (в чем и состоит отличие лексики от других «уровней» языка), но и другие более общие внеязыковые, социальные факторы, так или иначе воздействовавшие на язык в целом.

Изменение функций русского литературного языка в послеоктябрьскую эпоху, так же как и резкие сдвиги в составе его носителей, безусловно, оказывало влияние на конкретное проявление в лексике тех общих тенденций, которыми определялось ее развитие и в предшествующие периоды. Это, с одной стороны, тенденция к однотипности (регулярности)[2], с другой — тенденция к экспрессивности единиц.

Процессы, связанные с каждой из этих тенденций, идут по нескольким линиям. Во-первых, они касаются формы наименования, во-вторых, семантической структуры наименования. И в том, и в другом случае эти тенденции затрагивают парадигматические [3] отношения данного наименования с другими наименованиями.

Относительно формы наименования — тенденция к регулярности проявляется в том, что составные наименования постоянно заменяются нерасчлененными, однословными наименованиями. В этом отношении характерны случаи лексико-семантического стяжения. Однако та же тенденция к однотипности или регулярности может обусловливать в лексике и обратный процесс (расчленение наименования) в тех случаях, когда этого требует парадигматическая соотносительность лексических единиц, то есть когда расчлененное наименование оказывается более «регулярным» в парадигматическом плане. Ср. *ботинки*, *туфли*, *сандалии*, *валенки* — и *обувь*; *шляпа*, *кепка*, *шапка* — и *головной убор*. Именно таким стремлением к регулярности обусловлено известное уси-

---

[2] О регулярности в лексике можно говорить в тех случаях, когда: 1) между означаемым и означающим существуют одно-однозначные соответствия, т. е. отдельному значению соответствует отдельное наименование; 2) при однотипности означаемых наблюдается однотипность означающих; 3) лексико-семантическое поле организовано симметрично, и все входящие в него единицы равнозначно противопоставлены друг другу (ср. так называемые «термины родства»).

[3] В лексике парадигму составляют слова, которые встречаются в однотипном лексическом окружении. Например, слова *ботинки*, *сапоги*, *туфли*, *калоши*, *босоножки*, *валенки*, *шлепанцы*, *обувь*, *обувка* составляют лексическую парадигму (или «лексическое поле»): все они лексически сочетаются со словами: *надеть*, *обуть*, *снять*, (*быть*) *впору*, (*быть*) *по ноге*, *стоптанные*, *на* (*такой-то*) *подошве* и проч. Конечно, чисто синтаксическая сочетаемость (например, возможность всех этих слов в им. падеже сочетаться со спрягаемыми глаголами) не имеет значения для установления лексической парадигмы.

ление аналитизма в лексике современного русского языка, тяготение к расчлененным неоднословным наименованиям — процесс, затрагивающий различные речевые стили.

Другая тенденция — тенденция к экспрессивности — приводит также к постоянному расчленению наименований, выражающемуся в создании устойчивых перифраз, фразеологических наименований, существующих наряду с нерасчлененными.

Относительно семантической структуры лексических единиц — тенденция к экспрессивности выражается в появлении новых переносных значений у различных групп слов. Естественно, что этот процесс, как и ряд других, может вызывать нарушения парадигматической регулярности внутри лексико-семантических групп лексики.

4. Все эти тенденции могут быть свойственны самым различным языкам, развивающимся в разных социальных условиях. Эти же явления обнаруживаются и при изучении развития русской лексики в прошлом. Однако в наше время можно отметить определенное усиление тенденции к регулярности в области парадигматических отношений внутри лексики. Этому соответствует и возрастающая роль терминов в современной речи, и появление новых однозначных обозначений (часто полутерминологического характера) для разного рода общественных, бытовых и т. п. явлений. Создание планового хозяйства, единой системы государственных институтов, централизованной торговли и т. д., так же как распространение новых идеологических понятий, охватывающих все сферы общественной жизни, неизбежно приводит к выработке более или менее единой системы соответствующих обозначений. Таким образом, в данном случае можно отметить «однонаправленность» одной из тенденций языкового развития и социальных потребностей. Следовательно, именно данная языковая линия развития получает наиболее устойчивую внеязыковую поддержку.

Существует лексическая область, где тенденция к парадигматической регулярности принципиально является главной, конституирующей тенденцией: это терминология. Влияние терминологической лексики на лексику общеупотребительную в русском языке послеоктябрьской эпохи исключительно сильно; это обусловлено внеязыковыми причинами: бурным развитием науки и техники в Советском Союзе, быстрым распространением знаний в самых широких кругах населения. Вместе с тем усиление воздействия терминологии на общеупотребительную лексику идет, как это ясно из сказанного выше, и в общем русле внутриязыковых тенденций.

Поэтому при изучении развития современной русской лексики проблема влияния на нее терминологических систем неизбежно оказывается одной из важнейших проблем (см. II, § 100—113).

5. Воздействие внешних факторов на послереволюционное развитие русской лексики сказывается и на направлении самих семантических изменений. Характерно в этом отношении появление

новых значений у различных групп слов, связанное с их вовлечением в сферу общественно-политической лексики. Типичен и обратный процесс — экспансия слов определенной тематической группы, обозначающих актуальные в данный момент для значительной части общества явления. Ср. такую экспансию в различные периоды, например, военной лексики, спортивной номенклатуры, «полярной» и «космической» лексики и т. п.

Появление у слов новых значений вызвано не только потребностью наименовать новые предметы и явления, но и социально значимой переоценкой уже известных предметов и явлений.

Механизм переноса наименований, или семантической деривации, т. е. появление у слов новых значений, может быть описан на основании тех семантических признаков слова, которые делают возможным его применение к новым явлениям и предметам. При этом выясняется, что переносы типа метонимических осуществляются в современном русском языке главным образом в соответствии с уже существующими «моделями», формулами, поэтому говорить в данном случае о новых значениях тех или иных слов не совсем целесообразно. Правильнее говорить о вовлечении новых единиц лексики в данную лексико-семантическую формулу.

Область метафорических и функциональных перенесений наименований не дает возможности наметить какие-либо общие «формулы» таких переносов. Здесь представляется существенным обнаружить основные социальные мотивы таких переносов и их главную направленность. Например, переосмысление ряда слов, связанных со старым социальным строем, заключалось в приобретении ими оценочных значений. Семантическое развитие многих слов определялось потребностью уточнения родо-видовых, т. е. парадигматических, отношений (ср. применение таких слов, как *точка*, *мощность*, *единица* и т. п.) и шло параллельно с созданием составных наименований (см. II, § 10).

6. Лексико-семантические изменения неразрывно связаны со стилистическими сдвигами в словаре. Резкое расширение состава носителей литературного языка, эмоциональная напряженность социальной жизни явились причиной изменения экспрессивно-стилистической окраски целого ряда слов.

Стихийное расшатывание литературных норм словоупотребления в 20-е годы в общем не поколебало их основ, но, несомненно, способствовало заметным семантическим и стилистическим сдвигам в лексике русского языка.

Акад. С. Ф. Ольденбург писал в конце 20-х годов: «Язык наш кипит в котле нашей жизни, и трудно предсказать, каким он выйдет из этого кипения. Одно только можно уже сказать и теперь: он выйдет богаче и тверже»[4]. Если иметь в виду увеличение стилистических возможностей литературного словоупотребления, их

[4] С. Ф. Ольденбург. Современный наш язык в литературе и науке. — «Читатель и писатель», 1928, № 20.

варьирование в разных жанрах современной речи, то можно считать, что это предсказание оправдалось.

Более или менее сознательное противодействие расшатыванию литературных норм, наметившееся к середине 30-х годов и особенно активно поддержанное «редакторским» пуризмом в 40-е годы, по существу не могло затормозить начавшегося ранее процесса стилистического перераспределения внутри различных групп лексики (см. II, глава четвертая).

Всякое изменение нормы словоупотребления всегда воспринимается некоторой частью носителей литературного языка, особенно теми из них, кто принадлежит к старому поколению, как искажение, как «неправильность». Становление новой нормы в языке с богатой литературной традицией подчас идет сложным и извилистым путем. Естественно, что далеко не все речевые, в том числе лексические, новшества закрепляются в нормированном литературном языке в качестве его стилистически нейтральных элементов. Однако в целом язык всегда отвечает потребностям пользующегося им коллектива, и в этом смысле обогащение языка идет параллельно с общественным прогрессом.

Колоссальные изменения, происшедшие в общественно-политической жизни нашей страны после Октябрьской революции, не только многообразно отразились в языке, в его лексике, но и повлияли на его дальнейшую эволюцию, в частности на эволюцию его лексической системы.

7. Следующие главы лексического раздела, вторая и третья, посвящены истории лексического обогащения русского языка в советскую эпоху.

Глава четвертая характеризует стилистические изменения, типичные для русской послереволюционной лексики.

Влиянию терминологии на общеупотребительную лексику посвящена глава пятая.

Глава вторая

Пополнение лексики словообразовательными неологизмами. *Простые и составные наименования, их типы; продуктивность их в разные периоды развития русского языка советской эпохи.*

Пополнение литературного языка заимствованиями. ***Проникновение просторечно-диалектной и жаргонной лексики в литературный словарь.*** *Сильное воздействие их на литературную речь в первые послереволюционные годы. Борьба с засорением речи арготическими и диалектными словами и оборотами. Переход ряда просторечно-диалектных слов в разряд литературных.*

Использование профессиональной лексики в литературной речи. *Типы профессионализмов. Способы их использования в неспециальных текстах; соотношение этих способов в разные периоды развития русского языка послеоктябрьской эпохи. Употребление в литературной речи слов и оборотов из производственно-технических, военного, летного и спортивного профессиональных арго. Изменение стилистической окраски и значения профессионализма в связи с частым использованием его в неспециальной речи.*

Заимствование иноязычной лексики. *Разная степень интенсивности процесса заимствования в разные периоды. Освоение широкими слоями говорящих в первое десятилетие после революции традиционных заимствованных слов, до тех пор локализованных в некоторых социальных и профессиональных сферах. Слабый приток в этот период новых заимствований; борьба с засорением речи стилистически ненужными и неправильно используемыми иноязычными словами. Интенсификация процесса заимствования в 30-е годы; приток иноязычной терминологической лексики. 40-е — начало 50-х годов: резко отрицательное отношение в печати к иностранным словам; локализация и замена иноязычных терминов русскими в некоторых терминологиях. Активизация процесса заимствования в 50—60-е годы; расширение тематического круга иноязычных слов, используемых в различных жанрах литературной речи и постепенно осваиваемых языком. Роль газетно-публицистических и научных жанров речи в распространении заимствований.*

Пополнение лексики словообразовательными неологизмами. 8. Крупные социальные сдвиги, происшедшие в России в результате революции, вызвали к жизни массу новых явлений, понятий, предметов, родили новые формы общественных и производственных отношений людей. Все новое, естественно, требовало номинации.

Словарь литературного языка после революции пополнялся тремя путями: а) путем образования неологизмов (на базе уже имевшихся лексических и словообразовательных средств) [1]; б) путем заимствования иноязычных слов, элементов нелитературного просторечия, профессиональных и социальных жаргонов, территориальных диалектов и в) путем семантических изменений уже существующих слов.

Все новые наименования в структурном отношении можно подразделить на две группы: 1) простые и 2) составные.

9. Первая группа включает слова, образованные аффиксальным путем, словосложением, смешанным способом «словосложение + +суффиксация», а также аббревиацией: *ленинец*, *выдвиженец*, *соглашатель*, *ударничество*, *избач*, *предоктябрьский*, *внешкольник*, *грузовик*, *тысячник*, *буденовка*, *обезличка*; *самоотвод*, *домоуправление*, *вездеход*, *бронепоезд*, *книгоноша*, *бракодел*; *красноармеец*, *громкоговоритель*, *пятилетка*, *очковтирательство*, *многотиражка*, *всесоюзный*, *стопроцентный* и др.; *СССР*, *нэп*, *комбед* и т. д.

Продуктивны (особенно в 20-е годы) именные образования, обозначающие лиц по их общественному положению, взглядам, партийности, по отношению к новому строю: *беспартиец*, *назначенец*, *обновленец*, *пораженец*, *кружковец*, *напостовец*, *массовик*, *низовик*, *передовик*, *беспризорник*, *клубник*, *общественник*, *подшефник*, *частник*, *аппаратчик*, *губотдельщик*, *трибунальщик*, а также названия различных форм административного, государственного и социального устройства советского общества, учреждений, видов той или иной деятельности, поведения и т. п.: *нормалка*, *чрезвычайка*, *агитка*, *обобществление*, *орабочение*, *администрирование*, *раскулачивание*, *укрупнение*, *товарность*, *плановость*, *попоедство*, *примиренчество*, *оборончество*, *паникерство* и др.[2]

С конца 20-х годов в лексику литературного языка начинают вливаться многочисленные наименования различных профессий, а также технических и производственных операций, образованные суффиксальным путем от именных и глагольных основ, причем в числе последних есть как русские, так и иноязычные: *нефтяник*, *мостовик*, *отопленец*, *подземщик*, *прокатчик*, *доменщик*, *арматурщик*, *кессонщик*, *тоннельщик*, *бетонщик*, *конверторщик*, *шлифовальщик*; *прокатка*, *сбойка*, *фрезерование*, *шлюзование*, *ар-*

---

[1] В настоящем разделе дается лишь сводка некоторых материалов, подробная разработка и интерпретация которых содержится в разделе «Словообразование».

[2] См.: А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926. М., 1928, стр. 171—185.

мирование и т. п. В 40—60-е годы эти группы существительных пополняются новыми словами: *сварщик*, *буровик*, *движенец*, *снабженец*, *холодильщик*, *взрывник*, *высотник*, *коксовик*, *газовик*, *атомник*, *электронщик*, *вакуумщик*, *ракетчик*, *крановщик*, *реактивщик*, *бульдозерист*, *дизелист*, *турбинист*, *программист* и т. п.

На протяжении всего исследуемого периода (с наименьшей интенсивностью — в 30-е годы) литературная лексика пополняется образованиями сниженно-разговорного характера, которые, однако, нередко начинают употребляться в самых различных жанрах литературной речи, вытесняя при этом нейтральные варианты. Ср. в этом отношении слова, образуемые путем «включения»[3] — как с помощью суффиксов, так и безаффиксным способом. Это главным образом конкретная лексика; к ней относятся слова с самыми разнообразными значениями (помещения, орудия действия, мероприятия и т. п.): *столовка*, *зенитка*, *оперативка*, *планерка*, *читалка*, *электричка*, *термичка*, *бытовка*, *времянка*, *самоходка*, *дальнобойка*, *зажигалка*, *высотка* и мн. др.; усечения типа *спец*, *зам*, *криминал*, *опер*, *кибер* и т. п.

10. Составные наименования образуются более чем из одного слова. При этом некоторые слова могут быть представлены не только полностью, но и в усеченном виде: *уполномоченный по хлебозаготовкам*, *радиопередача*, *партвзнос*, *предревкома*[4] и т. п. В 20-е годы очень распространен второй тип составных наименований (с «усеченными» словами); к нему стремятся свести наименования первого типа; ср. *председатель Совнаркома — предсовнаркома*, *агитационно-массовый — агитмассовый*.

В последующие периоды типы наименований остаются теми же, однако меняются соотношения между ними по продуктивности.

Приблизительно с середины 30-х годов усиливается процесс создания составных наименований с полностью представленными лексическими элементами (в 20-е годы был широко распространен один тип составных наименований с полностью представленными частями — двойные наименования: *изба-читальня*, *комсомолец-активист*, *крестьянин-массовик*, *портной-квартирник*, *школа-передвижка*, *концерт-митинг*).

В 50—60-е годы появляется масса «неусеченных» наименований, различных как по своей структуре, так и по функциям в речи. Эти наименования представляют собой семантико-синтаксическое целое с эксплицитно — в отличие от аббревиатур и сложно-сокращенных слов — выраженными грамматическими связями (ср., например: *заместитель директора по кадрам*, *инженер по технике безопасности*, *сектор охраны труда*, *общество индийско-советской*

---

[3] О «включении» см.: Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексике и словообразовании. — В кн.: «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964.

[4] О том, что *радиопередача*, *партвзнос* и под. — словосочетания, см. подробнее дальше, IV, § 82—83.

дружбы и т. п.). Среди них выделяются атрибутивно-именные словосочетания, дающие обобщенные наименования «родственных» предметов, каждый из которых имеет свое собственное название: *головные уборы*, *строче-вышитые изделия*, *хлебо-булочные изделия*, *зеленый массив* и др. [5]

Пополнение литературного языка заимствованиями. ***Проникновение просторечно-диалектной и жаргонной лексики в литературный словарь.*** 11. Как известно, в первые послереволюционные годы литературная речь испытала особенно сильное воздействие просторечной и жаргонной стихии. Е. Д. Поливанов отмечал в 20-х годах «столкновение стандартного языка с классовыми (и профессиональными) диалектами...,вследствие чего в общерусский язык проникают... заимствования: 1) из классового диалекта фабрично-заводского пролетариата; 2) из матросского языка; 3) из деревенского (крестьянского) словаря; 4) из «блатного» словаря людей темных профессий» [6].

Не все эти источники оставили заметный след в словаре литературного языка: влияние таких, например, языковых областей, как «матросский язык», «язык беспризорников», блатной жаргон, было временным и не имело сколько-нибудь серьезных последствий. Однако многие арготические элементы в 20-е годы употребляются довольно часто и в разных речевых жанрах. «Кто у нас не знает, а подчас и сам не употребляет,— писал В. Стратен,— таких слов, как *барахло*, *блатной*, *буза*, *бузотер*, *бузить*, *засыпался*, *крыть нечем*, *липа*, *липовый* (фальшивый), *малина* (воровской притон), *шпана*, *халтура*... и проч. Из них *халтура* и *бузотер* стали вполне литературными, а другие недалеки от этого» [7]. Ср.:

Ежедневно ячейка и женотдел устраивают у них читку газет; в клубе иногда слушают радио... Но стоит заиграть где-либо гармошке, как все *побоку*. Гармонист у торфушек — выше всего (Очерк из «Раб. Москвы», 1925, № 3—4); Пьяного «летчика» *заштопал* милиционер (Очерк из «Забоя», 1925, № 12); Съезд как съезд, с текущим моментом, с прениями, песнями и *бузой*. Но в промежутке между *бузой* и песней было что-то такое, что заставило задрожать сердца всех делегатов («Комс. пр.», 3 апр. 1926); Как ни молоды и ни неопытны были зачастую революционеры во время царизма, приписывать им такие записки, которые всаживали бы бессмысленно всех, кто имел с ними дело, значит *клепать* на них (Из письма в «Пр.», 12 окт. 1927); Он составил список ждущих работы, себя записал первым и дразнит:— Не робей, *братва*, работа обязательно будет... И смотрит «*братва*» в заводские ворота, переглядывается между собой (И. Жига, Новые рабочие, 1928).

---

[5] Подробнее об этих словосочетаниях, а также об оценке их говорящими см. II, § 64—65.

[6] Е. Д. Поливанов. О литературном (стандартном) языке современности. — «Родной язык в школе», 1927, № 1, стр. 228—229.

[7] В. В. Стратен. Арго и арготизмы. «Труды Комиссии по русскому языку», т. 1, 1931, стр. 111.

12. Насыщение речи арготическими элементами, в значительной части черпавшимися из воровского арго, а также словами из просторечия и диалектов, вызывало протесты у писателей и лингвистов. В 20-е годы появляется много книг, статей, заметок, авторы которых берут под защиту русский литературный язык. Для большинства высказываний по этому поводу характерна не только констатация фактов засорения речи нелитературными элементами, но и понимание неизбежности «смешения языков» в условиях революционной ломки и социального переустройства. Особенно отчетливо это наблюдается в высказываниях языковедов — Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова, Г. О. Винокура, Л. П. Якубинского. Понимая неизбежность сложного взаимодействия литературного языка с «низовыми» средствами языкового общения — взаимодействия, обусловленного социально-историческими причинами, они в то же время были далеки от созерцательного отношения к этому процессу. Именно в эти годы закладываются основы «языковой политики». «Едва ли в этот переходный период,— писал в 1925 г. Л. П. Якубинский,— следует сидеть сложа руки и ждать у моря погоды, полагаясь на «естественный» ход вещей. Необходимо руководить развивающимся процессом, учитывая все его особенности...»[8]

Лингвистическому, научному подходу к описываемым явлениям противостояли две точки зрения. Первая — пуристическая; она проявлялась либо в огульном и резком отрицании вообще всяких новшеств в языке послереволюционной эпохи[9], либо в психологически интересных, но безнадежных сетованиях по поводу порчи и оскудения русской речи, засорения ее «новыми словечками»[10].

Сторонники второй точки зрения, противопоставляя себя филологам, стремившимся интерпретировать факты языковых нововведений в лингвистическом аспекте, пытались оправдать необходимость и полезность всех новшеств, независимо от их генезиса и функциональной необходимости в речи. «Вопрос о порче русского языка нужно рассматривать не филологически..., а социологически. В самом деле, так ли уж стоит горевать по поводу переполнения русского языка новыми словами, комбинациями слов, оборотами «жаргонного происхождения»? Язык отражает жизнь и развивается не из самого себя, а обогащается самой жизнью. Жизнь вводит всякие «жаргонные» словечки, иностранные слова и обороты в язык,— благодаря им язык развивается, а часто и перерождается в какой-нибудь новый язык»[11].

---

[8] Л. П. Якубинский. Ответ на анкету журнала. «Журналист», 1925, № 2, стр. 7.

[9] См.: С. и А. Волконские. В защиту русского языка. Берлин, 1928.

[10] См.: А. Г. Горнфельд. Новые словечки и старые слова. Пг., 1922.

[11] И. Фомин. Порча языка или болезнь роста? «Журналист», 1925, № 4, стр. 14.

Время показало, что правы были лингвисты, придававшие большое значение норме как своего рода фильтру, который задерживает элементы, наиболее контрастные, противоречащие принятым в литературной речи образцам.

Роль языковой традиции, нормативного подхода к оценке языковых фактов подчеркивал впоследствии (1943 г.) Г. О. Винокур: «... общеписьменный язык, сложившийся во второй половине XIX века, весь, целиком вошел в сегодняшнюю, советскую культуру, и это делает русский язык советской эпохи языком традиционным в лучшем и самом точном значении этого слова. Этой традиции угрожала некоторая опасность в связи с вторжением в нее известных элементов местного и профессионально-просторечного характера. Но русский язык советского времени легко справился с этой опасностью...» [12].

13. В 30-е годы начинается укрепление и стабилизация норм литературного языка. В связи с этим происходит некоторая нивелировка речи в ее многообразных жанровых проявлениях, что привело, в частности, к стилистической сглаженности языка художественной литературы и публицистики. Резко сокращается движение в литературный обиход жаргонных элементов; из употребления устраняются слова, чуждые по своим стилистическим свойствам нормированному стандарту. *Буза* и прочие слова не смогли олитературиться, не смогли приглушить свою ярко жаргонную окраску и поэтому не вошли в литературный словарь даже на правах разговорных элементов (если учитывать три ступени стилистической градации, возможные у различных языковых образований,— «высокое», «нейтральное», «разговорное»). Это же произошло и со многими просторечными и диалектными словами[13].

Однако влияние просторечия и диалектов [14] все же оставило следы в лексике литературного языка. Это обнаруживается прежде всего в том, что некоторые просторечные и диалектные элементы вошли в литературное употребление, потеряв свою нелитературную окраску. Таковы, например, слова *учеба*, *неполадки*,

---

[12] Г. О. Винокур. Русский язык. — В кн.: «Избранные работы по русскому языку». М., 1959, стр. 108.

[13] Ср. такие примеры из центральных газет 20-х годов: Участившиеся случаи мелких краж на Пресненском сахарном заводе и нарушение трудовой дисциплины отдельными лицами *ложили* темное пятно на всех рабочих предприятия («Труд», 22 февр. 1921); Вчера был тур неожиданностей. Первым получил явное преимущество Касперский против Перфильева. Но он же первый и проиграл эту партию. В тот момент, когда он думал выиграть фигуру, Перфильев очень хитро *поднадул* его и сам выиграл качество. Ильин-Женевский потерял пешку, зевнул ферзя и сдал партию («Пр.», 7 окт. 1927).

[14] Здесь не делается четкого разграничения между просторечной и диалектной лексикой — напротив, элементы и той и другой рассматриваются совместно, так как обычно путь диалектного слова в литературное употребление лежит через просторечие, т. е. последнее служит своего рода передаточной средой, которая часто оставляет следы в семантике и стилистике проходящих через нее диалектизмов (изменение значения, приобретение словом отрицательной эмоциональной окраски и т. п.).

косовица, *напарник* и некот. др., которые прочно укрепились в словаре литературного языка. Начало их широкого употребления приходится как раз на 20-е годы.

14. Несмотря на то, что в последующий период происходила общая нивелировка речи, просторечные и диалектные слова если и не проникают непосредственно в литературный оборот, то как бы накапливаются на периферии литературного языка, чтобы с течением времени войти в него, главным образом в слой разговорной, сниженной лексики. Речь идет о довольно многочисленных словах, снабженных пометами «простореч.» и «обл.» в СУ. Ср., например: *баламут*, *бровка*, *встрять* (*во что-либо*), *высев*, *глухомань*, *доярка* (прежнее литературное *доильщица*), *жатка* (вместо *жнейка*), *жестянщик* (вместо *жестяник*), *замшелый*, *засыпаться* (в значении 'провалиться, попасть в беду'), *затемно*, *изморозь*, *кондовый*, *коржик*, *морока*, *муторно*, *новосел*, *обеднять*, *отгул*, *половник*, *расческа*, *тельняшка*, *ушанка* и некот. др.

Характерно, что среди перечисленных слов есть слова общественно значимые, вхождение которых в литературную речь происходило, так сказать, «на глазах» (*глухомань*, *новосел*, *стан* — ср. *полевой стан*, — *доярка* и др.), и «бытовизмы», стилистические пометы к которым («обл.», «простореч.») сейчас кажутся неожиданными — настолько незаметно стали они достоянием речи всех или большинства говорящих на литературном русском языке (*баламут*, *бровка*, *коржик*, *половник*, *расческа*, *ушанка* и др.). По частотности, по жанровой принадлежности эти слова резко различны (одни из них обычны и часты в газетно-публицистической речи, другие — в бытовой, обиходной).

15. Нелегко ответить на вопрос: чем определяется выбор вовлекаемой в литературное употребление диалектной, просторечной, жаргонной и тому подобной лексики? Ведь в этом выборе чрезвычайно трудно проследить какие-либо закономерности, продиктованные системными языковыми отношениями (так, например, достаточно редки такие случаи, когда бы олитературивались целые группы семантически или структурно близких слов).

По-видимому, использование в литературной речи нелитературных элементов вызывается социальными причинами, например актуализацией того или иного понятия или явления в жизни общества (ср. *глухомань*, *новосел* и др.), расширением круга носителей литературного языка за счет представителей крестьянства и рабочих, в речи которых многие до сих пор не принимавшиеся литературной нормой слова употребляются как стилистически «не отмеченные» (ср. *баламут*, *бровка*, *расческа*) и т. п. Общественная актуализация какого-либо явления означает возрастание частоты употребления соответствующего слова или оборота в речи. Это в свою очередь ведет к поискам синонимических экспрессивных замен, которые не всегда находятся в пределах литературного словаря. Так возникают синонимические пары и даже целые ряды слов, различных по своему происхождению: одно

«искони» литературное, другое пришло из профессиональной речи, третье — из диалектной и т. д. Ср., например: *недочеты — недостатки — неполадки — дефекты*; *нехватка — недостача — дефицит*[15]; *связь — контакт — смычка — союз*; *провинция — периферия — глухомань — «глубинка» — места* (ср. *на местах* в значении 'на периферии'), *косьба — косовица* и др. Здесь налицо взаимодействие двух тенденций — к регулярности наименований и к экспрессивности, стилистическому варьированию их. С одной стороны, обусловливаемое традицией стремление сохранить литературные, принятые в литературной речи наименования (*недостатки, дефицит, связь, провинция, косьба*), а с другой — стремление подыскать лексические варианты этих нейтральных наименований, в ряде случаев отличающиеся от них стилистической окраской (ср. «разговорность» слов *неполадки, нехватка, смычка*) или жанровой прикрепленностью (слова *глухомань, глубинка, места, косовица* употребительны главным образом в газетных материалах, а также в разговорной речи).

16. В 50—60-е годы снова наблюдается некоторая раскованность в речевом использовании нелитературных слов и оборотов и, в частности, элементов просторечия. Это проявлятся в широком включении просторечных слов (и просторечных значений общеупотребительных слов) в различные жанры литературной речи — причем стилистическая инородность их в этом случае ясно ощущается. Постепенное вовлечение просторечных слов в литературную речь связано часто с таким их употреблением, которое не обусловлено никакими специальными целями стилизации, речевой характеристики персонажей и т. д.

Иллюстрацией могут служить такие примеры:

Владелец сей длинной аристократической фамилии известен тем, что долгое время *отирался* в США, а теперь подвизается в Западной Германии в качестве корреспондента одной из американских газет («Комс. пр.», 10 сент. 1953);— А наши партнеры, признавая, что соотношение сил изменилось не в их пользу, все еще хотят *верховодить* в международных органах и навязывать нам свою волю («Пр.», 9 июля 1961); Однако неотложные плодоовощные дела задержали директора. Путевка *«горела»* («Комс. пр.», 21 февр. 1962); Дело в том, что он сперва хлебнул *малость*, потом еще. Кончилось тем, что он свалился в реку и нахлебался так, что его едва откачали («Веч. Москва», 1 июля 1961); Тех ситуаций, которые создали нападающие «Локомотива», вполне хватило бы для выигрыша, если бы Спиридонов был *малость* поточнее («Сов. спорт», 4 июня 1962); Мотор, кажется, собирался *забарахлить*. Горлов работал баранкой, жал педали (А. Кузнецов. Юрка, бесштанная команда, 1961); Старая дурная привычка «обмывать

[15] Ср. окказиональные *недохват* и *недохватка*: У нас кризис *недохвата*. Пополним *недохват*, и у нас кризиса не будет (Передовая «Труда», 26 февр. 1921); Вторая беда, ребятки, в рассуждении женской *недохватки* («Смехач», 1924, № 10).

получку» *выходит боком* горняцкому коллективу — теряются сотни тонн угля, снижается трудовая дисциплина («Комс. пр.», 30 сент. 1961) и т. п.

Вовлечение слова в литературный оборот и постепенная потеря им свойственной ему просторечной окраски — процесс длительный. Поэтому часто чрезвычайно трудно отделить сознательное экспрессивное использование слова и автоматическое употребление просторечного элемента, свидетельствующее о том, что для говорящего он не представляется чем-то выбивающимся из литературно-нормированной речи. Только на сравнительно большом отрезке времени мы можем проследить судьбу слова от первых его вкраплений в литературную речь до полной утраты стилистической окраски (разумеется, если такая утрата происходит); ср. в этом отношении упоминавшиеся выше слова *учеба*, *неполадки*, *напарник* и т. п.

Примером постепенного освоения просторечных слов в литературной речи могут служить такие слова, как *показуха*, *голосовать* (в значении 'останавливать идущую машину поднятием руки'), *простыть*, *вроде* (вместо литературного «как будто»), *огрехи*, *перекур*, *разбазаривать*, *справить* (свадьбу, пальто, обнову), *пособить*, *заправила*, *понаторeть*, глаголы с приставкой *за-* типа *заприметить*, *заполучить* и т. п. В подавляющем своем большинстве эти слова и сейчас сохраняют присущие им стилистические оттенки, позволяющие относить их к сниженной лексике литературного языка. И это накладывает известное ограничение на их использование: например, они обычны в публицистической, резко экспрессивной речи (выступление с трибуны, передовица в газете, фельетон) и не употребляются в большинстве жанров научной и деловой речи. Те же немногие слова, которые вошли в состав нейтральной литературной лексики, не имеют ограничений в употреблении.

Использование профессиональной лексики в литературной речи. 17. В языковедческой литературе профессиональная и специальная терминологии часто не различаются, либо же различие проводится не по лингвистическому основанию. Между тем по возможности четкое разграничение той и другой важно по многим причинам, и прежде всего потому, что лексика, которая обращается в сферах, ограниченных какой-либо специальностью, профессией и т. п., неоднородна по составу; она различно характеризуется в отношении таких качеств, обычно фигурирующих при определении понятия «термин», как дефинированность — недефинированность, однозначность — неоднозначность, нейтральность — эмоциональность и некот. др. [16]

Здесь под профессиональными словами и оборотами понимаются такие единицы речи, которые, во-первых, не заполняют целостной матрицы понятий в отличие от специальных терминов, покры-

[16] Определение понятия «термин» см. ниже, II, § 87.

вающих некоторое терминологическое поле, и, во-вторых, являются дублетами специальных терминов или общелитературных слов, формальными или семантическими вариантами либо тех, либо других.

Профессиональной лексике свойственно стремление «отмежеваться» от общепринятого в терминологиях или в литературном языке. Это выражается как в создании метафорических, часто не лишенных эмоциональности наименований-дублетов (к терминам или общеупотребительным словам) и в парадигматически расчлененном, детализированном обозначении того, что не дифференцируется в «официальной» терминологии (тем более литературном языке), так и в большей активности определенных словообразовательных моделей, непродуктивных или малопродуктивных в других языковых областях.

Ср., с одной стороны, такие примеры:

Каждый рабочий доменного и мартеновского цехов знает, какая огромная трата энергии нужна для того, чтобы очистить ковш от образовавшегося в нем «*козла*» (настыла) чугуна («Труд», 1 сент. 1931); Лозунги нашей партии вдохновляли всех участников этой грандиозной стройки... Они вели вперед зарывшихся в глубину породы забойщиков. Они заставляли быстрее двигаться «*рысаков*»— откатчиков породы («Как мы строили метро», 1935); ... если шлифовальник вогнутый («*чашка*» на языке оптиков), то стекло получается выпуклое: если шлифовальник выпуклый («*гриб*»), то стекло становится вогнутым (М. Навашин, Телескоп астронома-любителя, 1962); Наклейте на столярный угольник кусочек «*шкурки*» (Подпись под чертежом, на котором стрелкой указано: *наждачная бумага*) («Наука и жизнь», 1965, № 4); Быстро крутит резиновыми ушами, поводит вправо-влево остроконечной головой вентилятор-«*подхалим*» (Я. Голованов, Кузнецы грома, 1964); А ведь газету читал корректор, каждую статью прочитывал дежурный по отделу, готовую газету смотрела «свежая голова»— сотрудник редакции, в этот день освобожденный от других обязанностей, придирчиво изучал дежурный редактор, и все-таки ошибка. В редакции это называют «*накладкой*», «*ляпом*», но никто не говорит «ошибка» («Лит. газ.», 18 янв. 1962);— Вообще, что означает вся эта петрушка?— *Накладка* вышла,— пояснил Бомбардов.— Что значит это слово? — *Накладкой* на нашем языке называется всякая путаница, которая происходит на сцене. Актер вдруг в тексте ошибется, или занавес не вовремя закроют, или ... — Понял, понял ... — В данном случае н а л о ж и л и двое — и Августа Авдеевна, и Настасья Ивановна (М. Булгаков, Театральный роман).

С другой стороны, примечательно регулярное употребление в профессиональной речи глагольных образований с префиксами *за-* (*заактировать*, *заснять*, *заслушать*), *от-* (*отгрузить*, *отладить*) и некот. др., отглагольных именных образований на *-ка* (типа *накатка*, *подвижка*, *засечка*), отглагольных безаффиксных

именных образований (типа *съём*, *выдув*, *вылов*), префиксальных существительных (типа *перепростой*, *переэкспертиза*), различных усечений (типа *куб* 'кубометр,' *кибер* 'кибернетическое устройство', *термояд* и т. п.).

Наблюдения над русским языком советского времени — в частности и главным образом над языком публицистики— показывают, что профессиональная речь оказывала заметное влияние на литературный язык. Это влияние выражалось в проникновении в общее употребление и постепенном олитературивании, «нейтрализации» отдельных профессиональных элементов, а также в образовании и более или менее широком и устойчивом употреблении в литературной речи слов, подобных по своей структуре профессионализмам, схожих с ними.

18. В первые годы после революции в литературное употребление входят и соответствующим образом переосмысляются слова *ячейка*, *смычка*, *увязка*, *спайка*, *прослойка* и некот. др. [17]

У этих слов были несхожи источники происхождения, степень употребительности в литературном языке, а также актуальность и «долговечность» в русском языке. Так, слова *спайка*, *смычка*, *ячейка* пришли из технической и кустарно-ремесленнической терминологии (ср. *спайка проводов*, *смычка рельсов*, *ячейка сети*), слово *прослойка* — из речи кулинаров, *увязка* — из канцелярско-деловых жанров речи, куда оно попало, вероятно, также из кустарно-ремесленной терминологии.

В 20-е годы эти слова активно употребляются в речи как не связанные с профессиональными сферами и относительно нейтральные. Например:

Будучи непосредственно связаны с «низами»— с *ячейками* фабрик и заводов — эти участковые организации могут объединять союзную и партийную работу («Труд», 26 февр. 1921); Недавно я был в маленьком городке близ Москвы, который по своему положению — в самом сердце облепивших его сел и деревень — предназначен крепить *смычку* («Комс. пр.», 2 апр. 1926); За шахтерскую *смычку* благодарим («Забой», 1925, № 5); Все это говорит об абсолютном отсутствии какой бы то ни было *увязки* в работе мест в смысле использования техносилы («Пр.», 12 авг. 1927).

Бо́льшая часть этих слов в последующие годы потеряла свою актуальность; некоторые из них остались в словарном запасе как слова, «привязанные» к определенной эпохе.

В русской речи первого десятилетия после революции употребляются и другие профессиональные элементы; они отличаются от общеупотребительных слов по значению и по словообразовательной структуре. В подавляющем большинстве эти элементы не стали вполне литературными. Они носят явный отпечаток про-

---

[17] См.: В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. М., 1936; С. И. Ожегов. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху. —«Изв. АН СССР, ОЛЯ», т. X, 1951, вып. 1.

фессиональности или во всяком случае «неполной литературности». Например:

К этой станции подходит узкоколейная ветка, *перешиваемая* (ср. литературное *переделываемая*, *перестраиваемая*) в настоящее время на широкую колею («Гудок», 24 ноября 1920); это тяжело отражается ... и на предприятиях, страдающих от постоянного *некомплекта* занятых рабочих («Труд», 19 авг. 1924); После 6-ти летней *пробежки* буксы были открыты и масло оказалось чистым и совершенно пригодным для дальнейшей работы («Труд», 25 февр. 1926); На днях предстоит *переверстка* расходов на безрельсовые пути («Пр.», 14 авг. 1927); Дошло до того, что несвоевременный пуск *холодилки* грозил в прошлом году сорвать все шоколадное производство 1-й фабрики («Пр.», 12 авг. 1927); Вот буровая номер семнадцать вынесена уже за шесть верст... о п р е д е л и т ли она к о н т у р нефтехранилища, или мы шагнем еще дальше?.. Еще год-два и тело Путы [нефтяного промысла] найдут и *оконтурят*.... («Пр.», 13 авг. 1927).

Проникновение профессионализмов в литературное употребление в этот период было более или менее случайным. Профессионально-технические сферы, в дальнейшем послужившие источником распространения многих слов и выражений, в 20-е годы еще мало влияли на литературную речь. Это обусловлено внешними, социальными факторами. По-видимому, разруха в промышленности, неразвитость многих ее отраслей, с одной стороны, были причиной того, что сама терминология (специальная и профессиональная) техники и промышленности в первые послереволюционные годы не была общественно актуальной, а с другой — это давало дорогу некоторым кустарно-ремесленническим элементам, иногда близким по своей сущности элементам социальных арго. Профессиональная лексика в этот период имеет в литературном употреблении несравненно меньший удельный вес, чем лексика просторечная и жаргонная.

19. Это положение начинает меняться с конца 20-х годов. Именно с этого времени намечается определенная стабилизация языковых норм.

Развитие новых отраслей промышленности и возрождение старых, строительство крупных заводов, электростанций, ГЭС, метро и т. п., достижения советских ученых в области науки и техники — все это явилось стимулом к актуализации и активизации в употреблении специальных терминов, как вновь появляющихся, так и традиционных, ранее редко входивших в литературную речь. Вместе с ними в литературную речь — чаще в виде своеобразных вкраплений, обусловленных тематикой сообщаемого,— начинают проникать и профессиональные слова и обороты. Иногда они употребляются наряду с «официальными» терминами или общераспространенными словами. Например:

— Вас могут спасти з а п а д н ы е в е т р ы,— сказал на прощание Демидов.— При *западáх* вода здесь поднимается на пол-

тора метра... (М. Зингер, Штурм Севера, 1931); Тут член комиссии, естественно, наложил запрет на операцию укладки, ибо бетон был уже в состоянии *схватывания*, затвердевания цемента («Как мы строили метро», 1935); До сих пор мы развиваем нашу лесоэкспортную промышленность главным образом по линии лесопиления, т. е. мы свой промышленный лесоэкспорт базируем на *пиловочнике* — досках («Пр.», 21 марта 1930); Точность сидит в каждом соединении деталей, а деталей — сотни. Что такое, например, люфт, или иначе — допуск, или еще иначе — *болтанка*? Люфт — это расстояние между стенками соединяемых деталей, щель, которая в зависимости от величины позволяет или не позволяет деталям «болтаться» («Комс. пр.», 24 янв. 1932); Сейчас место обушка на 60—70 % заняла врубовая машина. В ближайшие 2—3 года *врубовка* должна совсем вытеснить обушок («30 дней», 1931, № 5—6); Опыт днепропетровцев, применявших у себя «*прокат на минус*» (прокатка с минимальными допусками) ... заслуживает несомненно внимания («Комс. пр.», 28 февр. 1932).

Чтобы показать необычность для литературного языка подобных элементов, авторы часто сопровождают их употребление различными пометами: кавычками, ремарками «как говорят инженеры, рабочие», «как принято у нас говорить» и т. п. Например: Завод синтетического аммиака (по-местному «*синтез*») огромен (К. Паустовский, Великан на Каме, 1934); Какие же части и детали изготовляли для «большого катерпиллера»? Назову только основные: клапан впускной..., защелка импульсатора (рабочие называют эту деталь «*собачка*»), замок, который держит пружину клапана (рабочие называют это «*сухарики*») и т. п. («Комс. пр.», 4 апр. 1931); Воде некуда было деться, вода поднималась по защитной стенке и теперь скопилась за листами изоляции, отжимая их в сторону бетонной стены. Получился, как у нас принято называть, «*карман*», т. е. образованное водой вздутие изоляционного слоя («Как мы строили метро», 1935).

20. С конца 20-х годов начинают употребляться в литературном языке профессионализмы, отличающиеся от единиц общелитературного языка структурно, а не только семантически и «экспрессивно». Их влияние на язык в конце концов оказалось более глубоким, поскольку было связано с активизацией определенных словообразовательных моделей, хотя само появление в тексте этих элементов могло не восприниматься как нечто резко отклоняющееся от общепринятого в литературной среде. Речь идет об образованиях типа *прокатка*, *промерить*, *заснять* и т. п.

Прежде всего такие слова используются в текстах, непосредственно связанных с производственно-технической тематикой и отличающихся от обычной литературной речи некоторыми языковыми и жанрово-стилистическими особенностями. Это — рассказы специалистов об их работе, очерки о внедрении в производство

различных методов, популярно-техническая и научно-популярная литература. Однако одновременно происходит и процесс экспансии профессиональных элементов за пределы подобных текстов в такие жанры, как газетная информация, газетный очерк, фельетон и даже в поэзию. Ср. такие примеры:

Он [инженер] предложил пойти путем некоторого опускания, *заглубления* существующей штольни («Рассказы строителей метро», 1935); *Заправка* и *загрузка* машин заняли пять дней (В. Молоков, Три полета, 1939); Если химическое производство можно *заснять*,— сказал Гольдштейн (химик),— то оно никуда не годится (К. Паустовский, Великан на Каме, 1934); Какие причины вызвали *занижение* и отклонение щита? («Как мы строили метро», 1935); Рапорты сейчас отдают и *заслушивают* [18] не только в войсках (М. Кольцов, А вы говорите — кадры! 1930); Одновременно мы пришпорили советскую кобылку и сказали ей: — Сократись, подожми свое брюхо проклятое, растолстела очень. Вот как этаким образом *зарежимили* мы, чтобы в пропасть не свалиться (И. Жига, Новые рабочие, 1928); На базах лежит на 2 млн. рублей «*затоваренной*» одежды для школьников («Труд», 11 сент. 1931); Хватит делать всякий хлам, лавки *затоваривающий* (С. Кирсанов, Мое семилетнее слово, 1933); *Сбойка* была обставлена исключительно торжественно ... Всем хотелось видеть, с какой именно точностью сойдемся мы с соседней шахтой («Как мы строили метро», 1935); *Сортировка* семян также идет недопустимо медленно («Правда», 1 марта 1930); Наркомвод обязал принять срочные меры в отношении судов, зазимовавших в опасных местах, и обеспечить своевременную *сколку* этих судов и вывод их из опасных мест («Изв.», 18 марта 1932); План *отгрузки* готовой одежды в деревню был выполнен всего на 54 процента («Труд», 1 сент. 1931); Первая *окучка* хлопчатника в республике окончена («Пр.», 5 июня 1935).

В 30-е годы расширяется сам круг употребляемых в речи профессиональных слов и выражений. Так, начинают широко использоваться не только «технические» профессионализмы (ср. шахтерское выражение «на-гора́», именно с этого времени входящее в литературный оборот как в прямом, так и в переносном смысле) [19], но и спортивные, а также элементы профессионального летного арго [20]. Ср. выражения *мертвый мяч*, *сравнять счет*, *штука* ('гол'), *сидеть на воротах*, *грубить* ('грубо играть в футбол'), *потолок*, *барахлить*, *газовать* и т. п.

[18] Ср. помету «канц.» при этом слове в СУ .

[19] За сравнительно короткое время это выражение сделалось газетным штампом, потеряло — в переносном употреблении — свежесть и выразительность метафоры. Вот как написал о нем поэт Н. Коржавин: Для других— | Это слово из книг и газет. | Согласится любой, | Что затасканней нет. | Это слово бессмысленно даже порой. | Обретает значенье оно под землей («На-гора», 1954).

[20] Термином «арго» здесь обозначается определенная область профессиональной речи; например: летное арго, спортивное арго и т. п.

Уже в 1936 г. Л. Успенский в статье о профессиональном жаргоне летчиков считал возможным писать о некоторых профессионализмах следующее: «„Штопорнуть“ мы и сейчас встречаем в серьезной прессе только в кавычках. „Бомбить“ же, „передрать“, „козлить“, „зависнуть“ давно свободны от этого пуристического фигового листка» [21].

Из многочисленных летных профессионализмов в литературном обиходе сохранились лишь немногие. Так, слово *потолок*, первоначально употреблявшееся лишь в прямом значении — ‘предельная высота подъема самолета’ — и иногда метафорически, но в связи с летной тематикой, постепенно приобретает переносный смысл — ‘высшая, предельная величина, степень чего-либо’ [22]. Ср.:

Мы не гонялись ни за какими рекордами, и если советским воздухоплавателям удалось в этом году поднять *потолок* мира, то это было лишь плановой, нормальной пробой наших сил... (А. Гарри, Все выше и выше, 1934;); У молодого мастера В. Фролова невысокий *потолок скорости*. Думается, что ему было бы целесообразней переключиться на более длинную дистанцию, скажем, на 800 м («Сов. спорт», 13 июня 1964); Германий, кремний, селен не всегда обладают необходимыми свойствами для применения в некоторых особых случаях. У них, например, бывает недостаточной подвижность электронов или дырок, недостаточно высок *температурный потолок*, что не дает возможности использовать их в ряде приборов (Радиопередача, 8 июля 1964).

21. В начале 40-х годов, во время войны, употребление некоторых авиационных профессиональных слов и оборотов активизируется. Так, наряду с принятым в литературном языке термином *бомбардировка* (также профессиональным по своему происхождению, но вошедшим в литературный обиход несколько ранее) употребляется профессионально-арготическое *бомбежка*, которое первоначально встречается главным образом в разговорной речи, а затем и в других стилях и жанрах. Ср., например:

Противник усилил б о м б а р д и р о в к и... Но вот кончилась *бомбежка*. И немцы начали атаку («Кр. зв.», 31 июля 1942); Истребительная авиация врага в основном прикрывает наземные войска, выполняет функции штурмовиков. При этом обычно штурмовка наземных войск сочетается с *бомбежкой* (Там же).

В годы войны в более или менее широкое употребление входят и другие военные профессионализмы, часто отмеченные яркой метафоричностью и выразительностью. Например:

---

[21] Л. В. У с п е н с к и й. Материалы по языку русских летчиков.— «Язык и мышление», вып. VI—VII. М.—Л., 1936, стр. 187.

[22] В жаргоне летчиков есть и особое значение слова *чердак*, совершенно неизвестное в непрофессиональном употреблении — ‘пространство над потолком машины, недоступная высота’.

Функции корректировщиков выполняют две машины «Хейншель-126» и «Физилер-Шторх», иногда двухфюзеляжный «Фокке-Вульф-190», который наши бойцы зовут «*костылем*», «*воротами*» или «*кочергой*» («Кр. зв.», 23 июля 1942); Одновременно над полем боя появляется «рама», немецкий самолет... От него отделяется черный удлиненной формы предмет. «*Краба*» сбросил,— констатируют на наблюдательном пункте. «*Краб*» раскрывается в воздухе. Из него вываливаются мелкие бомбы («Изв.», 19 янв. 1944) и т. п.[23]

Некоторые из подобных наименований используются в качестве нейтральных терминов; они играют роль самостоятельных, а не дублирующих названий. Ср., например, употребление слов *клин*, *мешок*, *котел*, *клещи* и т. п. для обозначения различных видов тактических действий войск:

Немецко-фашистское командование широко применяло метод бронированных *клиньев*, которые глубоко проникали в наше расположение и стремились окружить наши войска («Знамя», 1943, № 11—12); Рывок танков... угроза смыкания механизированных *клиньев* ... этот метод осуществляется путем рассредоточения танкового *кулака* ... По существу при всяком прорыве на узком фронте наступающие до определенного периода втягиваются в *мешок* («Кр. зв.», 25 июля 1942) [24].

Подобные слова и выражения, тесно связанные с военной тематикой, сохраняются в арсенале языка как средство, необходимое только при описании событий Отечественной войны.

Другие военно-профессиональные элементы сохранились в языке и употребляются в литературной речи последующих лет. Так, по-видимому, со времени войны начинается регулярное употребление глагола *сработать* в значении 'произвести нужное действие, движение' [25]. Ср., например:

Он расчетливо выжидал, когда немцы приблизятся, спокойным движением встряхнул гранату, чтобы *сработал* ударный механизм, и бросил ее себе под ноги (А. Гончаров, Наш корреспондент); Поставленная на боевой взвод зажигалка *сработала* около двух часов ночи (Г. Линьков, Война в тылу врага) [26].

В дальнейшем это значение глагола *сработать* становится вполне литературным; в частности, в толковых словарях оно дается без каких-либо стилистических помет [27].

---

[23] См.: П. Я. Черных. Русский язык в дни войны. «Сиб. огни», 1946, № 4.

[24] См.: А. В. Мирто в. Материалы к изучению лексико-фразеологических элементов языка партизан эпохи Великой Отечественной войны. «Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 43, 1957, стр. 179.

[25] В СУ *сработать* в этом значении не зафиксировано.

[26] Ср.: «Мина сработала», «мина не сработала» — обычные термины партизан-минеров (А. В. Мирто в. Указ соч., стр. 172).

[27] См., например, БАС, т. 14.

Слово *отдача*, которое в конце 50-х — начале 60-х годов входит в широкий оборот, особенно в среде журналистов, начинает свое существование в литературном языке также с военных лет, хотя его употребление в текстах этого времени было сравнительно редким. Ср., например:

Мы, производственники, любим часто употреблять слово «*отдача*». Наша задача — систематически и неуклонно повышать *отдачу* станков, давать больше продукции, лучше использовать оборудование («Изв.», 25 сент. 1941).

22. В послевоенные годы — в конце 40-х — начале 50-х годов — в различных стилях речи активнее употребляются элементы производственно-технической терминологии и, в частности, профессиональной лексики. Некоторые произведения художественной литературы этих лет весьма насыщены подобными элементами, однако на язык в целом это увлечение производственной лексикой оказало незначительное влияние. Речь идет не только о специальных технических терминах типа *квершлаг*, *суппорт* и т. п., но и о профессионализмах-метафорах. Ср., например:

Бежит лента транспортера снизу наверх, неся шлакобетон, сдобренный «*изюмом*», как тут говорят, то есть кирпичным боем и щебнем (М. Шагинян, По дорогам пятилетки, 1948); Профессия газовщика считалась более легкой и чистой, чем профессия горнового ... но и она была трудной: лебедкой поднимать тонный шибер (заслонку) или вручную откидывать дымовые клапаны, прозванные за громоздкость и неуклюжесть «*медведями*» (А. Винник, Время и люди, 1953); Разведочная скважина не дала нефти, она попала в «газовую *шапку*» пласта (И. Осипов, Остров семи кораблей, 1951).

Иногда необходимость употребления подобных профессионализмов вызывает появление авторских комментариев к ним:

Человек чувствует себя среди этих железных великанов уверенно и дает им название, пользуясь самым отдаленным их подобием с привычными предметами домашнего обихода, одежды, утвари. Так, в словаре строителей домны появляются «*свечи*», «*граммофоны*», «*башмаки*», «*самовары*», «*рукава*», «*коромысла*», «*штаны*», «*подсвечники*», «*серьги*» (Е. Воробьев, Высота, 1951).

Однако такие профессионализмы-метафоры имеют мало возможностей перехода в литературное употребление. Они используются в связи с определенной тематикой (военные — в связи с изображением событий войны, производственно-технические — при описании соответствующих процессов и т. д.), но крайне редко «олитературиваются», редко теряют соотнесенность с той или иной профессиональной средой, еще раз претерпевая изменения в своей семантической структуре [23]. По большей части это слова-названия предметов, объектов, процессов и т. п., и употребление

[28] Надо помнить, что в профессиональные арго такие слова-метафоры были взяты (и при этом метафорически переосмыслены) из общеупотребительной речи.

их в значительной степени обусловлено и ограничено той производственной (военной, технической и т. п.) сферой, в которой они обращаются.

Кроме такого рода профессиональных элементов в литературную речь — в связи с актуализацией самой производственно-технической тематики — вовлекаются и профессионализмы других типов. При этом надо иметь в виду два способа такого вовлечения: обусловленное темой или стилистическим «заданием» употребление профессионализма, резко выделяющееся на фоне литературной речи, и использование таких профессиональных элементов, которые известны говорящим на литературном языке как активные единицы их речи [29]. Так, примерами первого вида введения профессионализмов в литературную речь могут служить следующие фразы:

Дальше еще и еще свисали сломанные бревна.— Это отчего же? — спросил из тьмы чей-то испуганный голос.— Жмет! — коротко объяснил десятник.— Давит! И все сразу поняли, что́ жмет,— и притихли. Жмет земля (шахтер сказал бы: *порода*)! Жмет сверху, давит с боков (Б. Горбатов, Донбасс); Для творческой работы нам были предоставлены все условия: помещение, люди, военный реквизит и др. *натура* («Моск. художник», 1959, № 3); Более ста автомашин из-за отсутствия *резины* стоят без движения («Строит. газ.», 30 ноября 1956).

Ср., с другой стороны, слова *объект* (строительный объект), *площадь* (жилплощадь), употребление которых берет свое начало в профессиональной среде. Но уже приблизительно с конца 40-х — начала 50-х годов они широко используются в литературной речи, не обнаруживая в своей стилистической окраске явной связи с профессиональным словоупотреблением. Ср. примеры, свидетельствующие о начале такого использования этих слов в литературной речи:

В организации этого строительства огромную роль сыграло техническое руководство не по *«объекту»* в целом, а по отдельным видам работ всего конвейера (М. Шагинян, По дорогам пятилетки); Известен этот фетишизм любого столичного жилья, именуемого уже не квартирой, а только *площадью*, без всяких прилагательных (А. Твардовский, О столице и «провинции»).

23. Проникают в литературный обиход профессиональные слова и обороты, образованные по словообразовательным моделям, структурно отличным от общелитературных. Первоначально они также связаны с определенной тематикой и определенными речевыми жанрами. Например:

---

[29] Между тем и другим видами использования профессионализмов нет резкой границы, так как в элементах, чуждых литературной речи, играющих в ней роль сигналов профессионального словоупотребления, с течением времени могут стираться профессиональные стилистические признаки, а сами эти элементы становятся достоянием литературного языка. Приводимые в этом параграфе примеры достаточно наглядно иллюстрируют это положение.

— Предупреждаю: о первом же случае *незагрузки* машины Кудрявцевым или каким-либо другим клиентом докладывайте мне лично (А. Рыбаков, Водители, 1958); *Гибка*— профессия тяжелая. Широкий металлический лист весом в несколько пудов надо выгнуть точно по чертежу... При скоростном методе строительства паровозов и пароходов гибочные работы стали узким местом, тормозящим своевременное выполнение пятилетки («Лит. газ.», 5 мая 1948); Однажды рыбаки увидели газово-нефтяной *«выброс»*. Это было похоже на извержение вулкана. Нефть вместе с газом вырвалась на поверхность моря (И. Осипов, Остров семи кораблей); Но что надо делать, когда на нескольких станках и вдобавок сразу получается так называемый *«обрыв»* нити — явление неизбежное в таком станке и довольно частое? (М. Шагинян, По дорогам пятилетки); Внутри домны уже хозяйничали кладчики *огнеупора*. Надо было выложить изнутри о г н е у п о р н ы м к и р п и ч о м стены домны (Е. Воробьев, Высота).

Затем некоторые из подобных профессионализмов начинают довольно быстро входить в общий оборот, появляясь не только в текстах «профессионального профиля», но и в других речевых условиях.

Слова *отдача*, *сработать*, о которых уже упоминалось выше, а также *задел*, *отладить*, *отснять* и т. п. делаются весьма частотными в таких жанрах, как очерк, репортаж, информация, фельетон, критическая статья и др.[30]

Но дело даже не в увеличении частотности отдельных слов, а в активизации самих словообразовательных моделей, по которым образуются подобные слова. Ср. такие примеры:

Используя новую технику и различные приспособления, работники портов и пристаней накопили богатый опыт скоростной *загрузки* и разгрузки[31] судов («Изв.», 21 мая 1955); Не проведена планировка из-за неисправности каналов. В одном месте недобор дна, в другом — требуется *подсыпка* дамб («Дон», 1955, № 2); Мы изрядно переволновались за них (журналистов), когда прервалась связь с Леопольдвилем. Шесть тысяч метров пленки, снятой ими в Конго, уже в *проявке* («Лит. и жизнь», 2 окт. 1960); Новый агрегат, помимо валки, трелевки и погрузки леса, может производить *сброску* [32] древесины в воду во время молевого сплава

---

[30] В данном случае подобные факты не оцениваются с нормативной точки зрения; основное внимание обращается на функционирование единиц в речи и их соотношение друг с другом.

[31] Обычным для литературного языка является противопоставление в подобных случаях глаголов с приставкой *по-* и *раз-*, *на-* и *с-*: *погрузить — разгрузить*, *нагрузить — сгрузить* и т. п.

[32] Широкое употребление в профессиональной речи подобных отглагольных существительных объясняется действующей здесь и уже отмечавшейся в литературе тенденцией к «расщеплению» глагола на две составляющих: вспомогательный глагол + имя существительное, — с целью обозначить самостоятельным термином операцию, процесс и т. п. (ср.: *произвести обыск — обыскать*, *совершить наезд — наехать* и т. п.).

www.ruslang.ru

(«Веч. Москва», 13 ноября 1958); Доведем выработку до такого уровня, чтобы создать месячный комплексный *задел* деталей для сборщиков («Веч. Москва», 1 апр. 1959); Начало было благоприятным для москвичей — они вырвались вперед на две шайбы. Но этот *задел* [33] оказался недостаточным («Сов. спорт», 9 окт. 1962); Признаюсь, в каждом человеке подозреваю талант! Окончательно убедила меня в этом работа на Тульской Магнитке. До чего же крепкого *замеса* там люди! («Изв.», 6 февр. 1964).

Широкое вовлечение в литературный оборот профессиональных слов и оборотов, наблюдаемое в современном русском языке, часто не обходится без авторских ремарок, которые объясняют элементы, «выбивающиеся» из обычной литературной речи [34].

Однако при повторном и вообще дальнейшем употреблении слова оно может никак не отмечаться, в связи с чем появляется возможность судить о нем как о профессионализме, утрачивающем свою профессиональную окрашенность хотя бы в некоторых жанрах литературной речи.

Например, аббревиатура *ЧП* (военный профессионализм), получившая широкое распространение после войны, лишь в редких случаях как-то оговаривается; обычно же она фигурирует в тексте (очерка, рассказа, газетной статьи) как элемент разговорного стиля литературного языка. Ср.:

— Что же, дорогой товарищ Токмаков, допрыгались по балочкам? Теперь целое разбирательство начнется. Следствие! Это же до министра дойдет. *Чепэ!* Чрезвычайное происшествие... (Е. Воробьев, Высота, 1951); Да, для нашей бригады это *ЧП!* — сказал ловкорукий старик Потаныч. Он начитался детективной литературы и любил щеголять военными словечками (Н. Асанов, Неожиданные повести, 1961); Переизбирается комсомольское бюро филологического факультета, переизбирается на пять месяцев раньше срока. *ЧП!* («Комс. пр.», 28 апр. 1960); Об этом и сказал в районном комитете Александр Филиппович Щербак. А в ответ он услышал то, что, собственно, и сам знал: произошло *ЧП* («Веч. Москва», 29 окт. 1960).

Выражение «зеленая улица», перешедшее из языка железнодорожников в общее употребление, расширило свои семантические связи и теперь употребляется в различных текстах (главным образом — публицистических), в значительной степени потеряв характер профессионализма. Ср., например:

---

[33] В БАС это слово имеет помету «спец».

[34] В некоторых случаях подобные ремарки бывают «избыточны». Так, например, специалист в беседе с людьми, не владеющими его специальностью, оговаривает и такие слова, которые не являются профессиональными, а широко употребляются в литературной речи. Например: Надо было поставить так называемые шайбы; В это время белка, как говорится на охотничьем языке, *готова*, и на нее начинается охота (Из устной речи; материалы фонотеки Сектора современного русского литературного языка Института русского языка АН СССР).

Поток грузов растет необычно быстро, советские железнодорожники делают все для того, чтобы дать ему «*зеленую улицу*» («Комс. пр.», 4 авг. 1963); Хозяйствам советовали, приказывали немедленно приступить к производству таких же широкозахватных машин. Все шло к тому, что широкий захват получит «*зеленую улицу*» («Комс. пр.», 7 авг. 1963); У станкостроителей далеко идущие планы. Ведь недаром мы трудимся под лозунгом: «Передовому опыту — *зеленую улицу*» («Заря Вост.», 18 янв. 1963) и т. п.

24. Несмотря на то, что профессиональная лексика не так строго системна, как терминология, и в притоке профессионализмов в литературный оборот много случайного, в некоторых случаях возможно выделение целых тематических или семантических серий, объединяемых общностью какого-либо элемента или общим значением. Так, например, из речи шоферов и железнодорожников в литературный обиход вошли такие профессионализмы, как *на полной скорости*, *выключи скорость*, *на третьей скорости*, *заправиться*, *полным ходом*, *спустить на тормозах* и некот. др. Многие из них стилистически окрашены и входят в состав сниженной лексики и фразеологии литературного языка. Ср., например:

Изрядно «*заправившись*» водкой, самодур начал куражиться («Комс. пр.», 22 сент. 1961); — Эй, товарищ, товарищ!.. Да подожди ты, *выключи скорость*! [обращение к пешеходу] (А. Пришвин, Солнечная зима); Но прошла неделя, и дело было *спущено на тормозах*. По партийной линии браковщику указали, и только («Изв.», 26 дек. 1963).

25. Вопреки распространенному мнению, так называемое олитературивание профессионализма не всегда и не прямо связано с расширением круга его лексической сочетаемости (т. е. с изменением его синтагматической характеристики). Часто последний процесс еще не влечет за собой потерю словом его оценки как профессионализма. Так, при метафорическом употреблении слово вступает в сочетание с новыми, не обычными для его профессионального использования семантическими единицами, но в его стилистической окраске «профессиональность» (т. е. отмеченность его как элемента определенного профессионального стиля) сохраняется. Например:

Неоднократно над Яковом Даниловичем и его ближайшими сподвижниками нависала реальная угроза. Как принято говорить среди шоферов, «*прокол*» в их деятельности, казалось, неминуем («Изв.», 16 февр. 1962); Ведь теперь, когда рыболовы-любители получили право торговать излишками, браконьер быстро *перекантуется* под любительскую марку («Лит. газ.», 29 июля 1965).

С другой стороны, слово может относительно свободно обращаться в некоторых жанрах литературной речи, теряя свою «профессиональность», но не изменяя существенно характера и круга своих лексических связей. Ср. соотношение слов *дорога* —

профиль, *продать — реализовать* (т. е. общелитературного и профессионального) в следующих примерах:

Все д о р о г и позаливало. Даже главный *профиль*, что идет от МТС к району, и тот все лето водой был залит (Очерк из «Дона», 1955, № 2); Узлы гидравлической автоматики изготовляли в Харькове, отгружали в Москву, а владелец — завод «Красный богатырь», не использовав их, объявил о п р о д а ж е этих узлов. Даже такое небольшое предприятие, как Масляниковская фабрика бытового обслуживания, решило *реализовать* 750 метров алюминиевых труб («Изв.», 5 мая 1964).

Слово *баранка* в значении 'руль (автомобиля)' также получило права гражданства в языке, перейдя из разряда профессионализмов в число разговорных элементов литературного языка. Своих же лексических связей, а тем более — значения, оно не изменило. Ср., например:

Горлов работал *баранкой*, жал педали, а сам глубоко задумался о том, что жизнь его не получилась, не видно в ней ничего хорошего в прошлом — и никакого просвета впереди (А. Кузнецов, Юрка, бесштанная команда, 1961).

В спортивном арго *баранка* имеет значение 'ноль (очков), нулевая оценка'. В последнее время и в этом значении слово *баранка* иногда просачивается за пределы узкопрофессиональной речи, употребляясь в текстах, рассчитанных не только на специалистов, например:

Вчера одиннадцать из 44 спортсменов фактически выпали из дальнейшей борьбы, получив нулевую оценку. Эта участь постигла и нашего П. Леднева. Его «*баранка*» очень неприятна для нашей команды («Изв.», 21 сент. 1965).

26. Выше уже указывались основные сферы профессиональной речи, которые питают литературный словарь отдельными элементами. Это главным образом промышленно-техническая и военная профессиональные терминологии. Еще одним источником пополнения литературного языка профессиональными словами и оборотами является спортивное арго. Оно оказывает сильное влияние на различные сферы литературной речи последних десятилетий. Прежде всего это выражается в широком употреблении профессиональных спортивных слов и оборотов в их обычной функции (т. е. при описании состязаний, игр и т. п.). Ср. выражения *размочить* (*сухой*) *счет*, *обводка*, *верный мяч*, *чистильщик* в значении 'защитник (в футболе), «подстраховывающий» своих товарищей по защите', *перебой* в значении 'повторный бой' (в фехтовании), *раскладка* 'покилометровый хронометраж бега стайера', *перестрелка* 'повторные стрельбы, проводимые между участниками соревнования, набравшими одинаковое количество очков'; *забойщик* 'нападающий игрок, завершающий комбинации', *матовать* [35], *жесткая игра*, *неспортив-*

[35] Ср.: Спасский сидит за доской с тем же самым выражением, когда *матует* или его *матуют*, может просмотреть потерю фигуры, и вы никогда не бу-

ное поведение; *повести в счете*, *сойти с дистанции*, *второе дыхание*, *быть* (*не*) *в форме*.

Некоторые из этих профессионализмов употребляются не только в прямом значении, но и в переносном, обычно в текстах, не связанных со спортивной тематикой. Например:

— Вы хотели что-то сказать, сэр? — услужливо спросил секретарь и, не дождавшись ответа, на цыпочках вышел из кабинета: хозяин был явно *не в форме*, разумнее всего — не мешать ему (П. Аматуни, Тайна Пито-Као, 1959); Константин Симонов, один из наиболее талантливых и плодовитых советских литераторов, находится *в* отличной «боевой» *форме* («Веч. Москва», 5 июня 1964); Один за другим мелькают подмосковные поселки и города... У Химок мы проехали Москву-реку, повернули на Успенское, потом на Ильинское шоссе — вышли, как говорится, *на последнюю прямую* («Люберецкая пр.», 11 авг. 1964).

27. Рассмотрение процессов включения профессиональных лексических элементов в литературную речь 20—60-х годов показывает, что это включение было различным как по способам использования профессионализмов, так и по «насыщенности» ими литературных текстов разных жанров в различные периоды развития русского языка.

Наиболее типичным и частым является употребление профессионализма в его обычной функции. В этом случае профессиональное слово или оборот приобретают особую стилистическую окраску (которая отчетливо проявляется благодаря контрасту профессионализма с элементами литературного контекста), а их семантика не претерпевает никаких существенных изменений. Таково, например, использование профессиональных слов-метафор.

Некоторые профессиональные элементы в процессе их употребления в жанрах литературной речи постепенно теряют соотнесенность с определенными профессиональными сферами, расширяют круг своих синтагматических связей и/или стилистически смещаются (ср. слова *бомбежка*, *сработать*, *баранка*, из профессиональных сделавшиеся разговорно-литературными, а также *потолок*, *отдача*, *ЧП*, *зеленая улица* и др., широко употребляющиеся в публицистике).

Расширяют рамки своего употребления слова, образованные по моделям, продуктивным именно в профессиональной речи; правда, чаще всего они не теряют своей специфической окраски (ср. *отладить*, *проводка*, *отгрузка*, *читка* и т. п.); однако их использование в современной речевой практике не имеет четких стилистических ограничений.

Развитие отношения «профессиональная лексика → литературный язык» в тот отрезок времени, который исследуется, шло

дете уверены, то ли это промах, то ли фантастически глубокая жертва (ленингр. газ. «Смена», 19 сент. 1965).

от случайного вкрапления в литературные тексты профессиональных элементов в направлении широкого и разнообразного использования их в литературной речи, в различных ее жанрах. При этом иногда менялся состав используемых единиц, их «тематическая» принадлежность (ср. активизацию во время войны и в последующие годы военно-профессиональной лексики); однако в общем преобладающим было вовлечение в литературный оборот слов, связанных с производственно-техническими сферами.

Профессиональные слова и обороты пополняют в основном стилистически сниженный слой литературной лексики; переход профессионализма в состав стилистически нейтральной лексики и связанное с этим неограниченное жанрово-стилистическими рамками его употребление наблюдается сравнительно редко.

Заимствование иноязычной лексики. 28. Заимствование иноязычной лексики как один из путей пополнения словаря играет в исследуемый период значительно меньшую роль, чем в предшествующие периоды, например в середине XIX, в конце XIX — начале XX в. Кроме того, количество вновь заимствованных слов не идет ни в какое сравнение с огромным числом словообразовательных неологизмов. Чем объясняется такое положение?

Как известно, в конце XIX — начале XX в. русский язык пополнился большим числом новых иноязычных слов, относящихся преимущественно к общественно-политической и социально-экономической терминологиям. Это было в значительной степени связано с развитием в России капитализма, а вместе с ним — революционного движения, с проникновением с Запада различных политических и экономических теорий и учений, усвоение которых передовой русской интеллигенцией и наиболее сознательной частью рабочего класса не могло обходиться без использования иноязычных терминов.

В массе своей новые иноязычные слова оставались в социально и стилистически ограниченных сферах употребления, например в среде марксистов, в речи людей, примыкавших к тем или иным политическим кружкам и направлениям. Однако в начале XX в., особенно во время и после буржуазно-демократической революции 1905 г., многие иноязычные социально-политические и экономические термины начинают входить в общее употребление — через такие жанры речи, как газета и ораторское выступление [36].

В середине 10-х годов процесс проникновения в русский язык иноязычной лексики заметно ослабевает; словарь общественно-политической терминологии к этому времени уже вполне сложился. Напротив, процесс освоения новых заимствований все более и более широким кругом говорящих по-русски усиливается.

---

[36] См.: А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928; С. О. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, 1923.

Конец 10-х — первая половина 20-х годов — это период широкого вхождения в различные жанры литературной речи иноязычных слов, заимствованных в непосредственно предшествовавшие годы, освоения этих слов народными массами, приобщавшимися к литературному языку.

Процесс освоения ранее заимствованной лексики отмечался многими лингвистами еще в 20-е годы [37]. При этом интересно, что приводившиеся ими списки осваиваемых иноязычных слов совпадали в очень немногом — настолько широк был круг этой лексики, настолько мощным потоком хлынула она в печать, литературу, ораторские выступления, в разговорную речь. Любопытны оценки этого явления, которые давались не специалистами-языковедами, а писателями, журналистами, просто «рядовыми» носителями русского языка. Ср., например:

— *Эвакуация*! ... *эвакуация*! ... — донесся до Семена Ивановича дикий рокот голосов с перекрестка. Выдумали же люди такое отвратительное слово — «эвакуация». Скажи — отъезд, переселение или временная всеобщая перемена жительства — никто бы не стал, вылупив луковицами глаза, ухватив узлы и чемоданы, скакать без памяти на подводах и извозчиках в одесский порт, как будто сзади за ним гонятся львы...; И пошло магнитными волнами проклятое слово по городу. *Эва-ку-ация* — в трех этих слогах больше вложено переживаний, чем в любой из трагедий Шекспира... (А. Н. Толстой, Похождение Невзорова, или Ибикус, кн. 3); Коллонтай, покрывая выкрики, пытается убедительно доказать, что военный заем, хотя и заем «свободы», но на деле это заем для обслуживания империалистических замыслов Временного правительства... Кончила. Похлопали ей, крикнули «ура», но не совсем густо... Видно, многие не «поняли» ее. Как это: *демократия* — да империалистическую войну? Матросы ведь тогда (речь идет о лете 1917 года.— *Авт.*) еще не знали «иностранных слов». Это потом научились (П. Е. Дыбенко, Мятежники, 1923); ... в январе разбирался ряд политических процессов: ...10 января 1880 года, т. е. 40 лет тому назад, покушение на *экспроприацию*, так выражаются теперь, а тогда звали просто «на кражу», из херсонского казначейства («Кр. газ.», 15 янв. 1920).

29. Увлечение иностранными словами, особенно среди людей, в недостаточной степени овладевших литературной речью, принимало подчас массовый характер. Газеты, журналы, стенограм-

---

[37] См. указ. работы С. О. Карцевского и А. М. Селищева, а также: А. П. Баранников. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. Влияние войны и революции на развитие русского языка. «Уч. зап. Самарского гос. ун-та», вып. 2, 1919; A. Mazon. Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914—1918). Paris, 1920; Р. О. Шор. Неологизмы революционной эпохи. «Русский язык в советской школе», 1929, № 1; А. Г. Еромский. Язык селькора. М., 1930; ответы Л. В. Щербы и Д. Н. Ушакова на анкету «Журналиста» («Журналист», 1925, № 2) и др.

мы речей и выступлений были насыщены иноязычными словами, которые непонятны значительному числу читателей, только еще начинающих приобщаться к печатному слову.

Это, естественно, вызывает протесты со стороны писателей, журналистов, ученых. Не случайно, что известная заметка В. И. Ленина «Об очистке русского языка», написанная им в 1920 г. и опубликованная в конце 1924 г., сразу же вызвала множество откликов и комментариев [38].

Тяга к употреблению иностранных слов захватывает — через газету, публичное выступление — и массы крестьян и рабочих. При этом смысл употребляемых слов часто оказывается неясным самому говорящему. Ср. следующие примеры, характеризующие речь деревенских активистов и рабочей молодежи:

А как обращаются с иностранными словами! К заседанию совета учительница принарядилась. Председатель сказал: — Анна Степановна сегодня в полном *бюджете*. Я долго не мог понять, что значит: — Гражданин председатель, *релизуй-ка* мне слово (Д. Стонов, По зарайским деревням, 1926); — Ну и Пашка! — вздохнул Гриша «Балаган».— *Гегемон*...,— сказал Петя — крепкий любитель тезисов и иностранных слов и из всего русского обожавший только рубашку «с разговором», да горькую, да еще девочек, которые покрасивше (М. Колосов, Жизнь начинается, 1928).

Таким образом, освоение многочисленных иноязычных элементов, до тех пор локализованных в определенных социальных и профессиональных сферах, сопровождалось «перехлестами», злоупотреблением «непонятными» иностранными словами в некоторых группах носителей русского языка.

30. Заимствование же новой иноязычной лексики было выражено в этот период чрезвычайно слабо и носило случайный характер. Из новых заимствований отметим *концерн* (нем. Konzern), *оккупант* (нем. Okkupant), *такси* (фр. taxi), *конферансье* (фр. conférencier), *шезлонг* (фр. chaise longue), *фокстрот* (англ. foxtrot), *свитер* (англ. sweater) и некот. др.[39]

---

[38] См.,например: «Правда», дек. 1924 г. и «Журналист», 1925, № 1—4.

[39] В ряде случаев определение источника заимствования связано с известными трудностями, особенно когда речь идет о словах, имеющих интернациональный характер. Так, в 20-е годы в русском языке появились слова *кино*, *радио*, *фильма*, *авто*. Возможно, что первые два из них — *кино* и *радио* — распространились в другие языки из немецкого (нем. Kino, Radio), слово *фильма*, позднее *фильм*, — из английского (англ. film), а на появление слова *авто* в значении 'автомобиль' повлияло наличие подобной усеченной формы (с тем же значением) во французском (auto). Однако здесь возможны были различные языковые посредства, о чем косвенно свидетельствуют и некоторые формальные изменения в заимствованном материале (ср. ударение в словах Кíno и *кинó*, а также морфологическую характеристику англ. film и русск. *фильма*), или же самостоятельное образование слова, аналогичного иностранному (ср. графический облик слов auto и *авто* при их разном звучании).

Казалось бы, что в связи с крупными социальными сдвигами, происшедшими в русском обществе после революции, с коренной ломкой и перестройкой старого жизненного уклада язык должен испытывать острую потребность в новых лексических средствах для выражения новых понятий и отношений, для замены прежних наименований, связанных с ушедшим строем и соответствующим образом окрашенных эмоционально. И эта потребность действительно существовала. Однако удовлетворялась она не путем заимствования иноязычной лексики, а за счет использования внутренних лексических и словообразовательных ресурсов. Возможно, что аббревиация, так активизировавшаяся в этот период, явилась фактором, в известной мере «разгрузившим» язык от необходимости иноязычного заимствования.

Процесс заимствования не прекратился совершенно, но стал значительно слабее; его «пульс» был едва заметен на фоне бурных изменений, происходивших в это время в языке. Поэтому и новые иноязычные слова немногочисленны и в целом периферийны по отношению к основному ядру новой лексики.

Это явление имело, вероятно, и социальную обусловленность: вынужденная изолированность нашей страны, сознательное противопоставление себя, своего государства всему буржуазному миру, слабые экономические и культурные связи с другими государствами, преобладание внутренних проблем над внешнеполитическими — все эти факторы в известной мере препятствовали проникновению в наш язык новой иноязычной лексики.

31. Функционирование как старых, осваиваемых в общем употреблении иноязычных слов, так и немногочисленных новых заимствований в русском языке первого десятилетия после революции характеризуется двумя чертами: повышением частотности иноязычных слов в речи в целом и вариативностью.

В отдельных жанрах речи процент иноязычных слов мог остаться почти неизменным — изменился лишь их состав (ср. дипломатические, политические тексты, некоторые виды газетной информации). Значительно увеличилась употребительность иноязычной лексики в устной речи крестьянина и рабочего, а также в некоторых публицистических жанрах — выступление с трибуны, политическая речь, передовая статья в газете.

Вариативность проявлялась в двух видах: 1) в параллельном употреблении лексических пар «русское — иноязычное» и «старое и новое (обычно — полное и усеченное) заимствования». Ср.: *аэроплан — самолет*, *авиатор — летчик*, *экспорт — вывоз*; *кинематограф — кино*, *радиотелеграф — радио*, *таксомотор — такси*; 2) в варьировании формы иноязычного слова характерна неустойчивость рода (*фильма — фильм*, *шланга — шланг*, *радио* — муж. р. и сред. р.) [40], числа (*кадр хозяйствен-*

[40] Такой разнобой — результат давления двойной аналогии: с одной стороны, *радио — радиотелеграф*, *авто — автомобиль*—муж. р., с другой стороны, *всесоюзное радио*, *красное авто* — аналогия со словами сред. р. на *-о*.

ников — кадры хозяйственников), звуковой структуры слова (*фашизм — фачизм*, *лонгшез — шезлонг*).

В конце 20-х годов в связи с начинающейся стабилизацией системы литературного языка и его норм вариативность как черта, свойственная употреблению иноязычной лексики в предшествующие годы, утрачивает свою актуальность. Дублетность русского и иноязычного наименований устраняется путем их семантической и стилистической дифференциации, новые усеченные формы типа *радио*, *кино*, *такси* вытесняют полные варианты, которые либо совсем выходят из употребления (*таксомотор*, *радиотелеграф*), либо суживаются и по значению, и по сфере применения (*кинематограф*); формальные варианты одного слова унифицируются и т. д.

32. Наряду с этими процессами в конце 20-х и в 30-е годы наблюдается активизация заимствования новых иноязычных слов. Если в предшествующие периоды в общем употреблении осваивалась общественно-политическая, философская, экономическая лексика, то теперь такому освоению подвергаются иные группы иноязычных слов, главным образом научно-техническая и производственная терминология.

Это было связано с изменениями, происходившими в жизни страны: реконструкция народного хозяйства, индустриализация, появление новых отраслей науки и промышленности, развитие изобретательства — все это обусловливало появление новых слов, обозначений новых объектов и отношений.

Другую группу иноязычных слов составляет лексика, не связанная с появлением новых реалий; это слова, заимствование которых сопровождается стилистическим и семантическим размежеванием их с близкими по смыслу и употреблению исконными или ранее заимствованными словами.

Бо́льшую часть первой группы составляют конкретные слова-наименования, причем многие из них принадлежат к интернациональным терминам: названия машин, механизмов, приспособлений, а также слова, обозначающие новые способы в производстве чего-либо, усовершенствования; спортивные, культурные и бытовые термины, представленные небольшим числом лексем: *глиссер* (англ. glisser) и *глиссёр* (фр. glisseur букв. ‘скользящий’) — со временем в языке сохранилась лишь форма, восходящая к английскому прототипу; *детектор* (англ. detector), *комбайн* (англ. combine), *конвертер* (англ. converter), *контейнер* (англ. container), *лейка* (‘тип фотоаппарата’ — нем. Leika < Leitzkamera), *метрополитен* и *метро* (фр. métropolitain, métro), *нейтрон* (англ. neutron), *пикап* (англ. pick-up от to pick up ‘поднимать’), *силос* (исп. silo, мн. ч. silos), *слябинг* (англ. slabing), *стенд* и *станд* (англ. stand), *танкер* (англ. tanker), *телевизор* (англ. televisor), *телевидение* и *телевизия* (англ. television) [41], *телетайп* (англ.

[41] Первые телевизионные передачи были осуществлены в 1925 г. Ч. Дженкинсом в США и Дж. Бердом в Англии; в СССР первая передача была пока-

teletype), *траулер* (англ. trawler), *триер* (из фр. trieur через посредство нем. Trieur с меной места ударения), *троллейбус* (англ. trolleybus), *тюбинг* (англ. tubing), *джаз* и *джаз-банд* (англ. jazz и jazz-band), *джемпер* (англ. jumper), *коктейль* (англ. cocktail), *перманент* (фр. permanent), *пуловер* (англ. pull-over), *регби* (англ. rugby — от названия города, где родилась эта игра), *скетч* (англ. sketch), *слалом* (норвеж. slalom от sla 'склон' и lom 'след'), *спиннинг* (англ. spinning) и некот. др.

Ко второй группе относятся иноязычные слова, которые называют то, что уже имело в заимствующем языке какое-то обозначение. Заимствованное слово либо заменяет исконное словосочетание, либо вступает в синонимические отношения с исконным или иноязычным словом, специализируя одно из его значений или превращая в самостоятельное значение какой-либо семантический оттенок этого наименования. Вот некоторые такие слова, вошедшие в русский язык в конце 20-х и в 30-х годах: *агрессор* (нем. Aggressor), *бизнес* (англ. business), *детектив* (англ. detective из фр. détective), *пацифизм* (фр. pacifisme), *пилотаж* (фр. pilotage), *пикировать* (фр. piquer, нем. pikieren), *призер* (фр. priseur), *приоритет* (нем. Priorität < из фр. priorité), *рейд* (англ. raid), *рекордсмен* (англ. recordsman), *репортаж* (фр. reportage), *сейф* (англ. safe), *снайпер* (англ. sniper), *сервис* (англ. service), *рентабельный* (нем. rentabel), *спринт*, *спринтер* (англ. sprint, sprinter), *тотальный* (фр. total) и др.

Слова второй группы менее однородны по своему составу, чем рассмотренная выше лексика, связанная с наименованием новых реалий. Если там преобладает техническая и научная терминология, то здесь много общественно-политических, спортивных, военных терминов, а также слов, не выражающих отчетливо своей принадлежности к какой-либо одной определенной терминологической сфере.

Не все из вновь входящих в употребление иноязычных слов сохраняются в дальнейшем. Некоторые из них обозначали вещи и явления, которые были актуальны для короткого отрезка времени — ср. слова *авиетка*, *танкетка* (фр. aviette, tankette), названия машин *форд*, *фордзон*, *катерпиллер*, *повер*, вышедшие из употребления вместе с устареванием самих реалий, а также слова-историзмы типа *демпинг*, *просперити*, широкое распространение которых наблюдалось лишь в начале 30-х годов.

Другие иноязычные слова впоследствии были вытеснены соответствующими русскими наименованиями: *роллер — самокат*, *автожир — вертолет*; слово *тонфильм* (нем. Tonfilm) было за-

---

зана 29 апреля 1931 г. (см. : БСЭ, изд. 2, т. 42). Сами слова television и televisor из английского были заимствованы другими языками, в том числе русским, который усвоил первое слово первоначально в форме *телевизия*, а затем — *телевидение* (вторая часть последнего слова представляет собой результат замены комплекса *-визия* (< -vision) более «понятным» для говорящих по-русски элементом - *видение*).

менено словосочетаниями *звуковой фильм*, *звуковое кино*, в которых яснее — для носителя русского языка,— нежели в иноязычном названии, проявлялась смысловая противопоставленность словосочетаниям *немой фильм*, *немое кино* [42].

33. Для процесса усвоения новых иноязычных слов в рассматриваемый период характерна относительная стабильность их русской графической и фонетической формы (по сравнению со словами, осваивавшимися в первые годы после революции). Некоторые слова, только в 30—40-е годы входящие в широкое употребление, спорадически употреблялись и раньше — в качестве экзотизмов, «привязанных» к определенной тематике и часто неустойчивых по форме. Так, например, слова *бизнес* и *бизнесмен*, которые начинают систематически употребляться с самого конца 20-х годов (впервые зафиксировано в «Литературной речи» В. З. Овсянникова, 1933), до этого спорадически встречаются в очерках и статьях о современной Англии и Америке. Например:

Потом англичанин идет на свой «*бизнэс*» (дело), каждый англичанин — «*бизнэс-мэн*» (Б. Пильняк, Английские рассказы, 1924); Человек из России был уже немолод; английские туманы, *бизнэс* и стриты, где все дома, как один,— крепко отложились на нем (Там же); Все «*бизнес*» — дело,— все, что растит доллар. Получил проценты — *бизнес*, обокрал, не поймали — тоже (В. Маяковский, Нью-Йорк).

Окказиональное употребление иноязычных слов, которые лишь спустя некоторое время начали использоваться более или менее постоянно, войдя в словарь языка, наблюдается и в 30-е годы. К таким словам относятся, например, *бум* («политический бум» — из англ. boom), *кафетерий* — первоначально в форме жен. р. *кафетерия* (англ. cafeteria, по-видимому от исп. cafetero), *модерн* (фр. moderne), *продюсер* (англ. producer) и некот. др. Ср.:

Не так давно в Италии с огромным рекламным «*бумом*» прошла пьеса «Майское поле», написанная самим Бенито Муссолини («Сов. иск.», 27 авг. 1932); Там [в Америке] почти все здания включают ресторан или кафе, которые устроены или на принципе обычно ресторанном, или на принципе «*кафетерии*» (американское новшество, столовая с самообслуживанием, где все кушанья и питье выставлены на тарелочках и в стаканах, и каждый берет себе сам, что ему нужно) («Труд», 23 марта 1929).

34. Период 40-х — начала 50-х годов в отношении заимствования иноязычной лексики резко отличается от двух предшествующих. Послевоенные (а отчасти и военные) годы характеризуются общей тенденцией — отрицательным отношением общества ко всему иностранному и, в частности, к иноязычным словам. Это неязыковое обстоятельство представляется чрезвычайно сущест-

[42] В дальнейшем необходимость в постоянном разграничении этих двух видов кино отпала, поскольку звуковое кино стало преобладающей формой киноискусства.

венным для выяснения причин, которые повлияли на заметное ослабление процесса лексического заимствования в этот период.

Следствия указанной тенденции были разными в речи военных лет и в речи послевоенного времени: в первом случае наблюдается активное использование немецкой лексики в виде экзотизмов и иноязычных вкраплений с резко сниженной, отрицательной экспрессивной и стилистической окраской; во втором — не только почти полное неприятие новых заимствований, но и стремление заменить уже устоявшиеся и общеупотребительные иноязычные слова их русскими эквивалентами.

С первых дней войны на страницах газет, в радиопередачах, в публицистике и художественной литературе начинают употребляться немецкие слова, связанные с номинацией и характеристикой вражеской военной техники, структуры немецкой армии, особенностей политического строя гитлеровской Германии и т. п. Большая часть этих слов не вошла в словарный состав русского языка; они остались историзмами, характеризующими речь определенного периода, тексты, в которых описываются события Великой Отечественной войны и события в самой Германии. Ср., например: *мессершмитт*, *юнкерс*, *фокке-вульф*, *фердинанд*, *фаустпатрон*; *фюрер*, *группенфюрер*, *оберштурмфюрер*, *гауптман*, *гебитскомиссар*, *гаулейтер*, *гестапо*, *абвер*, *гитлерюгенд*, *вервольф*; *блицкриг*, *фатерланд*; нарицательные прозвища фашистских солдат *фриц*, *ганс* и т. п. Слово *полицай*, широко употреблявшееся в это время, в немецком языке не имеет значения лица (Polizei — ‘полиция’, Polizist — ‘полицейский’). Попав на русскую почву, оно трансформировалось в народной речи и, получив отрицательную эмоциональную окраску, стало употребляться в значении ‘полицейский, сотрудник полиции, учреждаемой немецким командованием на оккупированной территории’ [43].

Лишь очень немногие из иноязычных слов, используемых в публицистических и художественных произведениях военных лет, впоследствии закрепились в русском языке. Например, слово *ас* (из фр. через посредство нем.); в последующие годы это слово сохраняется в языке не только в значении ‘выдающийся по летному и боевому мастерству летчик’, но и в более широком, обобщающем — ‘мастер, виртуоз своего дела’. Ср. такие примеры:

Алексей увидел, как Поздняков пошел в прямую атаку на немецкого *аса* (К. Симонов, Русское сердце); Советский *ас* — это летчик-истребитель, достигший в своем боевом мастерстве высокого уровня («Кр. зв.», 1 июля 1943); Решается судьба первого места среди лыжебежцев и двоеборцев, которые стартовали первыми. Знатоки старательно подсчитывали очки в прыжках и в беге. Но вот все оставили свои блокноты — стартовали *асы* («Сов.

[43] См.: А. М. Кожин. Заметки об иноязычных элементах в русском языке периода Великой Отечественной войны. «Уч. зап. Московского обл. пед. ин-та», т. 100, 1961, вып. 6.

Рос.», 30 янв. 1957); В этом деле он просто *ас* настоящий (Из устной речи, 60-е годы).

Сохранились в языке и отдельные технические термины, заимствованные в это время: *бульдозер* (англ. bulldozer), *грейдер* (англ. grader) и некот. др.

35. Послевоенные годы, в особенности конец 40-х — начало 50-х годов, представляют собой период, являющийся редким примером активного воздействия общества на словарь языка, на принятие или главным образом неприятие тех или иных иноязычных слов.

Процесс заимствования новой иноязычной лексики выражен в это время крайне слабо; этому способствует социальная тенденция к локализации употребления иноязычной терминологии, к устранению ее не только из жанров общелитературной речи, но и из специальных сфер. Эта тенденция может быть понята в связи с общей идейной и идеологической борьбой в конце 40-х — начале 50-х годов против космополитизма.

В ряде случаев выступления против иностранных слов непосредственно связывались не только с борьбой за чистоту языка, но и с борьбой «против низкопоклонства перед Западом». Возражения против употребления заимствованных слов были различны и по лингвистической квалифицированности, и по убедительности языковых рекомендаций. Ср., например: «Трудно усмотреть в бессмысленном и вредном тяготении авторов технических книг к чужим, чужеродным наименованиям что-либо иное, кроме вольного или невольного низкопоклонства перед иностранщиной» [44]. «Всегда лучше пользоваться несколько более расширенным описанием, чем иностранными терминами, с которыми у читателя не связаны никакие представления» [45]. «Русский литературный язык так богат словами, гибок и живописен, что владеющий им может доступно изложить самые сложные вопросы науки, техники, литературы, искусства, не применяя иностранных слов» [46].

Иноязычные технические и научные термины в ряде отраслей заменяются русскими. Ср.: «В соответствии с принятой Дориздатом терминологией в данном учебном пособии вместо старых названий дорожностроительных машин использованы следующие: тракторный отвал (бульдозер), элеваторный плуг (грейдер-элеватор), струг и автоструг (грейдер и автогрейдер), тракторная лопата (скрепер), экскаватор канатно-ковшевой (драглайн), экскаватор со створчатым (самосхватным) ковшом (грей-

---

[44] А. Добрянский. Сорняки низкопоклонства. «Лит. газ.», 24 ноября 1948 г.

[45] Там же.

[46] А. Иванов. Профессор Эйхенгольц искажает русский язык. «Культура и жизнь», 30 мая 1948; ср. еще: Н. Родионов. Об одном неудачном словаре.— «Культура и жизнь», 11 июня 1950.

дер)» [47]. Этот пример любопытен тем, что он свидетельствует о тенденции избавиться не от всех иноязычных терминов, а от таких, которые появились недавно и слишком «заметны» как иностранные элементы (слова же *трактор*, *экскаватор* остаются в составе новых наименований). Большая часть новых — главным образом описательных — терминов не привилась в употреблении (в настоящее время распространены прежние иноязычные наименования — *грейдер*, *бульдозер* и т. п.).

Подобные изменения коснулись не только технической и научной терминологии, но и спортивной и даже кулинарной [48].

Многие футбольные термины английского происхождения, укрепившиеся не только в профессионально-спортивном, но и в общем употреблении, были заменены русскими словами: вместо *тайм* — (*первая*, *вторая*) *половина игры*, вместо *корнер* — *угловой удар*, *голкипер* — *вратарь*, *хавбек* — *полузащитник*, *офсайд* — *вне игры* и т. д. Даже слово *репортаж* исчезло из передач о футбольных матчах — вместо этого стали говорить *рассказ*: «Начинаем *рассказ* о встрече по футболу».

36. Стремление к сокращению числа уже существующих иноязычных названий, к их замене русскими эквивалентами, естественно, было связано с неприятием новых заимствований. Число последних незначительно; среди тех слов, которые вошли в употребление в этот период, преобладают слова с «отрицательной» семантикой (отчасти благодаря этому окрашенные и стилистически): *глобальный* (фр. global) — преимущественно в сочетании *глобальная война*, *демарш* (фр. démarche), *диктат* (нем. Diktat), а также некоторые технические термины: *адаптер* (англ. adapter), *радар* (англ. radar, сокращение словосочетания radio detecting and ranging), *табло* (фр. tableau).

Несмотря на единичность осваиваемых иноязычных слов, в речи конца 40-х — начала 50-х годов, особенно в публицистике, весьма широко употребляется иностранная лексика. Это главным образом экзотизмы, необходимые при описании политической и культурной жизни стран Запада и Америки. Каждое из подобных слов имеет своеобразный эмоциональный ореол, как правило отрицательный. Ср. слова-«американизмы» типа *гангстер*, *конгрессмен*, *комикс*, *супермен* и т. п.

37. Заметная интенсификация процесса заимствования начинается с середины 50-х годов. Перемены, происшедшие в Советском государстве и обществе в первой половине 50-х годов, имели не только внутриполитический, но и широкий международный резонанс. Это выражалось, в частности, в некотором изменении

---

[47] Я. М. Пиковский и др. Эксплуатация дорожностроительных машин. М., 1950, стр. 2.

[48] Ср. замечание И. Эренбурга при характеристике им конца 40-х годов: «... хозяйственники пытались проявить рвение, и сыр «камамбер» был переименован в «закусочный»» («Люди, годы, жизнь»).

отношений со многими странами капиталистического мира, в налаживании более прочных экономических и культурных связей со странами демократического лагеря. В середине 50-х годов был подписан ряд торгово-экономических и культурных договоров с различными государствами, договоров об обмене специалистами, о развитии туристских связей и т. п. Все это означало, с одной стороны, увеличение и укрепление роли Советского Союза на международной арене, а с другой — ослабление, расшатывание тех экономических, торгово-промышленных и культурных «кордонов», которые в предшествующий период существенно препятствовали международному обмену, в какой бы форме он ни выражался.

Эти изменения и их результаты постепенно находят свое отражение в словаре языка. В частности, он пополняется новыми заимствованиями, которые попадают в общее употребление не только через специальные сферы (научная и техническая терминология), но и через такие жанры, как газета, публичное выступление, перевод публицистического или художественного произведения и т. п. Расширяется тематический и семантический круг заимствуемой лексики: не только научные и технические термины, но и слова, относящиеся к политической, экономико-социальной, культурной, бытовой сферам.

В процессе заимствования происходит отбор иноязычной лексики. Усваиваются слова-названия новых реалий: *акваланг* (англ. aqualung), *кемпинг* (англ. camping), *мотель* (англ. motel), *мотороллер* (нем. Motorroller), *нейлон* (англ. nylon), *ралли* (англ. rally), *джинсы* (англ. jeans), *шорты* (англ. shorts) и т. п. Усваивается также лексика, актуальная в социальном или каких-либо других отношениях: *апартеид* (англ. apartheid), *круиз* (англ. cruise), *уик-энд* (англ. week-end), *хобби* (англ. hobby), *шлягер* (нем. Schlager), *шоу* (англ. show). Многие иноязычные слова, относящиеся к таким областям, как, например, мода, танцы и т. п., оказываются недолговечными и сохраняются в языке лишь на правах лексических сигналов определенного времени, как отражение тех или иных вкусов и увлечений (ср. названия танцев: *буги-вуги*, *рок-н-ролл*, *твист*, *ватуси*, *шейк*, *сиртаки* и др.).

Весьма многочисленны в речи рассматриваемого периода слова, связанные с описанием быта, национальных особенностей и т. п. какой-либо страны. Наиболее частотны среди них слова английского происхождения, которые употребляются с определенной эмоциональной окраской, обусловленной отношением говорящего к обозначаемым ими вещам и понятиям: *бестселлер*, *битник*, *стриптиз*, *герлс* и т. п.

Некоторые из этих экзотизмов употребляются не только в номинативной функции, но и переносно, метафорически. Возможность такого употребления зависит как от смысловой структуры слова, специфики его значения (некоторые из экзотизмов в этом смысле «бедны» и не служат материалом для метафор — ср. этно-

нимы), так и от степени распространенности экзотизма в языке, от того, насколько знаком он носителям языка. Ср. такое употребление слов *битник*, *супермен*, *смог*:

— Вишь какой! — удивленно-грозно апеллирует отец к собравшимся. — Ты ему слово, он тебе десять! — Наш совхозный *битник*, — степенно замечает толстый, с набрякшим лицом заведующий почтой.— Ну, да! От слова «бить»! — горячится отец. — Нужно бы, да некому! (О. Гончар, Тронка, перев. с укр., 1964); Это такая секта наших простых советских *суперменов*. Вроде трясунов. Адвентисты выходного дня (фельетон из «Комс. пр.», 13 дек. 1964); Непредвзятым взглядом на жизнь, наблюдательностью, иронией привлек фильм Франко Росси «*Смог*»... Он [автор] говорит о нависшем над Америкой *смоге* — сыром ядовитом тумане, о духовном *смоге бизнеса*, отравляющем все («Иск. кино», 1963, № 1).

Вообще грань между освоенной, осваиваемой и экзотической (т. е. чуждой) иноязычной лексикой чрезвычайно неустойчива и зыбка — тем более, если речь идет о словах, только еще входящих в употребление. Некоторые слова, употребляющиеся первоначально лишь применительно к событиям и фактам зарубежной жизни, постепенно теряют связь с национальной тематикой и, хотя и вызывают порой протесты у говорящих, переходят на положение постоянно употребляющихся лексических единиц, которые сосуществуют с уже имеющимися в языке названиями, уточняя или детализируя их значение; ср.: *хобби—конек*; *шлягер* (только о модной песне) — *боевик* (о фильме, книге и т. п.); *шоу* (преимущественно о телевизионных передачах рекламного характера) — *спектакль*, *зрелище* и т. п.

38. Среди новых иноязычных заимствований выделяется группа спортивных терминов, появившихся в русском языке в течение последнего десятилетия. В это время происходит как бы пополнение английской по происхождению терминологии, ряды которой поредели при замене иноязычных спортивных терминов русскими в конце 40-х — начале 50-х годов. Ср. слова *аутсайдер* (англ. outsider), *дубль* (фр. double), *прессинг* (англ. pressing от to press ‘давить, нажимать’), *стайер* (англ. stayer от to stay ‘выносить, выдерживать’), *стоппер* (англ. stopper от to stop ‘останавливать, задерживать’, *юниор* (фр. junior) и др. Специфика функционирования этих терминов заключается в том, что они очень быстро распространяются за пределы профессионально-спортивной речи, входя в речевой обиход огромной армии болельщиков.

39. Таким образом, процесс заимствования иноязычной лексики в разной степени влиял на пополнение словаря русского литературного языка на протяжении последнего полустолетия. Этот процесс был неравномерным и может быть схематически выражен некоторой кривой, вершинные точки которой приходятся на конец 20-х — 30-е и на конец 50-х — 60-е годы.

Основную массу заимствованных слов составляют наименования терминологического характера (в значительной части являющиеся интернациональными), которые пополняют книжный и нейтральный слои лексики литературного языка. Посредником при проникновении иностранного слова в язык является пресса; особенно активны в распространении заимствований научные стили речи.

Анализ рассматриваемых иноязычных слов показывает, что в современном русском языке преобладает такое лексическое заимствование, при котором полностью или с небольшими изменениями сохраняется фонетическая структура заимствованных слов; частичное или полное калькирование иноязычных слов наблюдается крайне редко. Такое соотношение типов заимствуемой лексики имеет очевидную связь с тенденцией к интернационализации словарного состава, свойственной развитию современных языков: структурное сходство слов, употребительных в различных языках, есть факт, благоприятствующий интернационализации лексики, в то время как существенные структурные различия словарного материала препятствуют этому процессу.

Глава третья

Внешние и внутренние факторы семантических изменений. *«Семантические переносы» как один из способов номинации. Лексико-семантические изменения, не связанные с потребностями номинации. Внутриязыковые условия семантических сдвигов.*

Семантические сдвиги, связанные с номинацией новых явлений послереволюционной эпохи. *Новые термины, отражающие социально-политическое переустройство страны. Включение ряда слов в их новых значениях в состав общественно-политической лексики. Судьба слов, служивших для обозначения привилегий, должностей, учреждений и т. д. в дореволюционной России.*

Основные типы семантических изменений в современном русском языке. *Метафорическая экспансия определенных групп словаря, ее социальная обусловленность. Изменения в продуктивности старых и формирование новых «метонимических формул». Функциональные переносы наименований. Соотношение разных способов номинации в новых условиях общественного развития.*

Изменения в парадигматических и синтагматических связях слов. *Лексико-семантическое стяжение. Изменения в сочетаемости слов, вызванные изменением их значений. Роль языковой аналогии в подобных изменениях. Взаимодействие различных единиц лексики в парадигматическом плане.*

Изменения «стилистического ореола» слов. *Метафорическая символизация отдельных слов. Переосмысление ряда понятий в послеоктябрьскую эпоху и изменение вследствие этого оценочно-стилистической окраски соответствующих слов.*

Некоторые тенденции развития лексико-семантической системы современного русского языка. *Тенденция к регулярности и тенденция к экспрессивности внутри лексики. Противоречие между этими тенденциями применительно к семантической структуре отдельного слова и его парадигматическим связям с другими словами. Усиление тенденции к регулярности парадигматических отношений в лексике современного русского языка.*

Внешние и внутренние факторы семантических изменений. 40. Каждое новое (или воспринимаемое как новое) явление должно быть как-то названо. Для его обозначения, как об этом говорилось выше, может быть создано новое слово, использовано диалектное или заимствовано иноязычное слово, образовано сложное наименование или же приспособлено слово, уже существующее в языке, которое определенным образом видоизменяет в таком случае свою прежнюю семантику.

Все указанные способы называния новых предметов и явлений могут быть реализованы только в том случае, если эти новые предметы и явления действительно нуждаются в особых обозначениях. Бывает так, что они легко как бы покрываются старыми обозначениями, включаются в сферу их «семантического действия»; ср. *оружие* (в том числе и «ядерное оружие»), *вооружать*, *поезд* (в том числе и метро), *кабина* (в том числе и космического корабля) и мн. др. В этих случаях не происходит изменения собственно лексического значения слова, хотя, конечно, изменяется сфера его применения,— изменяется круг предметов и явлений реальной действительности, которые могут быть обозначены при его помощи.

По-иному обстоит дело с такими, например, словами, как *комиссар*, *палата*, *звено*, *спутник* и т. п. Здесь происходит «перенесение наименования», при котором слово приобретает н о в о е з н а ч е н и е, которое может восприниматься как в большей или меньшей мере связанное с прежним (когда эта связь вообще разрушается, следует говорить о возникновении уже нового слова — омонима), но которое не покрывается этим прежним значением. Ср. многие технические обозначения нашего времени, образованные путем семантической деривации, т. е. применения уже существующих в языке слов к новым предметам на основе тех или иных сближений, например *мост* 'часть шасси автомашины', *стакан* (название деталей различного специального назначения, имеющих вид цилиндра), *стрела* 'подвижная часть подъемного крана', *рама*, *наплыв* (в кино) и т. п.

Вместе с тем в языке отмечаются многочисленные семантические сдвиги, никак не связанные непосредственно с прямыми потребностями номинации. Во многих случаях семантические переносы обусловлены не необходимостью назвать какие-то новые предметы и явления окружающей жизни, а стремлением дать новые экспрессивные наименования уже существующим предметам и явлениям. Многочисленные переносы такого рода существенно сказались на развитии словаря современного русского языка.

Здесь обращают на себя внимание самые разнообразные факты, начиная с олитературивания специфических профессиональных и даже жаргонных значений слов и кончая переносно-расширительным применением слов сугубо книжных. Можно указать на развитие в двадцатые годы семантики таких слов, как *развер-*

нуть, *развернуться*, *развернутый* (например, в газетах 20-х годов: «возможность *развернуть* эту работу»; «В этом направлении должна быть *развернута* широкая устная и печатная агитация»; ср. «*Разворачиваются* политшколы, кружки, комиссии, стенгазеты» и т. п.), *увязывать*, *увязываться*, *увязка* («здесь нет *увязки* с пролетарской моралью»); *волынка* («а вы *волынку* поднимаете»); *сколотить* (организацию, группу и т. п.); *провернуть* (мероприятие), *гнать* (план, продукцию) и т. п. и таких, как *актуальный*, *элемент*, *система*, *реализация* и *реализовать* («машины будут *реализованы* через центральные торговые предприятия», «одновременной *реализации* крестьянством своих излишков в первые месяцы хлебной кампании не наблюдалось»), *проблема* («съездить в город для них целая *проблема*», «дровяная *проблема*»); позднее также таких, как *аудитория* (не только слушатели доклада, лекции, но и «радиоаудитория» и т. п.), *автор* (не только «*автор* художественного произведения», но и «автор спектакля», в последние годы — «*автор* гола») и т. п.

Нужно отметить активное развитие новых значений у ряда математических и других терминов (*единица*, *точка*, *линия*, *круг*, *сфера*, *треугольник*, *плоскость*, *площадь*, *мощность*, *объект*, *масштаб* и т. п.), значительная часть которых была использована для создания обобщенно-родовых обозначений вроде *единицы оборудования*, *торговые точки*, *строительные объекты* и т. д.

В ряде случаев формирование переносных значений подобных слов началось до революции, в послереволюционное же время происходило лишь их активное проникновение в литературную речь. Например, метафорическое употребление глаголов *развернуть*, *развернуться* отмечается еще в дореволюционной прессе, ср. «Международное товарищество рабочих очень быстро *развернулось* в могучую организацию»; «вырастает новый класс, который не может *развернуть* своей деятельности, не завоевав политической власти» (Из газет 1913—1914 гг.).

Общественно-политическое звучание слова *сознательный*, *сознательность* получили в партийной печати также еще в дореволюционное время. Глагол *сколотить* еще в XIX в. употреблялся в значении ‘создать’, правда в ограниченных контекстах и с явным отпечатком нелитературности, который был снят с него в разговорно-деловой и газетной речи в послеоктябрьскую эпоху:

Московская организация юнкоров «Комсомольской правды» до сих пор не *сколочена* (Из газет 20-х годов); ср.: А дела в колхозе еще больше улучшались оттого, что прибывало мужчин и *сколачивался* крепкий, работоспособный актив (В. Овечкин, Районные будни).

41. Внеязыковое воздействие на семантические сдвиги, происходящие в языке, заключается не только в изменениях реалий, но и в изменениях в составе носителей литературного языка. «Второй путь изменений в словоупотреблении,— как отмечал С. И. Ожегов,— более сложный. Нет непосредственных связей

с изменениями в реальной действительности. Более того, изменяется словоупотребление без всяких явных изменений в самой действительности. Дело в постепенном и последовательном изменении социальной структуры общества, в изменении социального состава носителей языка. Выветривались унаследованные традиции употребления, создавались новые, на основе социальных оценок старого употребления ... Тут мы встречаемся с реализацией многообразных лингвистических вкусов, с проникновением в обиходную речь слов делового, газетного или профессионального употребления» [1].

Семантические сдвиги, не вызванные непосредственно потребностями номинации, но обусловленные изменениями в составе носителей литературного языка, должны рассматриваться в первую очередь в связи со стилистическими изменениями, происходящими в лексике.

Нужно заметить, однако, что самое деление причин, вызывающих семантические изменения, на два типа в достаточной степени условно. Естественно, что и те семантические изменения, которые вызваны потребностями номинации, т. е. связаны с появлением новых реалий и необходимостью их называния, в такой же мере, как и не связанные с этими потребностями изменения, зависят от «лингвистических вкусов» и вообще речевой практики носителей языка. Изменения в составе носителей литературного языка сказываются на конкретной реализации способов номинации, существующих в языке, точно так же, как и на других семантических изменениях. Собственно языковые связи слов, их соотношение с другими словами, особенности семантической структуры во многом предопределяют их дальнейшую судьбу в общелитературном языке, возможность свободного функционирования в новых значениях. Например, издавна закрепленное в языке уподобление движения по воздуху движению по воде (*месяц плывет* и т. п.) обусловило легкость перенесения названий кораблей и т. д. на воздушные средства передвижения: *космический корабль*, *лайнер*; ср. *штурман*, *военно-воздушный флот* и под.; ср. также специальное обозначение *воздухоплавание* (и *воздухоплаватель*).

42. Разграничение внутренних и внешних факторов, собственно языковых и внеязыковых причин семантических изменений чрезвычайно важно для уяснения характера этих изменений. Вместе с тем следует подчеркнуть, что понятие причинности не является здесь однородным. В самом множестве словесных знаков нет необходимости инноваций; но для разных его элементов неодинакова возможность замен и изменений. Относительно меньшая закрепленность определенных элементов языка, обусловленная внутриязыковыми отношениями, их способность к различного

---

[1] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 22.

рода перемещениям и трансформациям и рассматривается как внутренний фактор изменения, в то время как социальные условия употребления языка, определяющие конкретный характер этого изменения, выступают как внешние, внеязыковые факторы.

Между внутренними и внешними факторами развития лексики наблюдается сложное взаимодействие. Семантическая структура многозначного слова, т. е. соотношение между различными его значениями, зависит от внутриязыковых связей слова и в свою очередь определяет эти связи, являясь, таким образом, элементом собственно языковой его характеристики. И в то же время семантическая структура слова в значительной степени определяется внешними по отношению к языку моментами. Так, целый ряд слов выдвинул на первый план (по крайней мере в ведущих жанрах общелитературного языка) свои переносные значения, в то время как их употребление в прямых, или первоначальных, значениях сузилось. Это произошло в результате уменьшения в жизни общества роли самих тех предметов или явлений, которые обозначались прямыми значениями этих слов, или в связи с приобретением этими словами таких переносных значений, которые, будучи отвлеченными и широкими, существенно расширили возможности их лексической сочетаемости. Ср. употребление в современной речи таких слов, как *очаг*, *трущоба*, *клубок*, *звено*, *сфера*, *узел*, *сеть* и т. д., а также слов типа *кладовая*, *ремесло* и под., метафорическое изменение которых сопровождалось приобретением ими «положительного» оценочного ореола (в отличие от таких однокоренных с ними образований, как *склад*, *ремесленник*, которым в переносных значениях присущ как раз отрицательный оттенок).

Семантические сдвиги, связанные с номинацией новых явлений послереволюционной эпохи. 43. После Октябрьской революции был создан новый государственно-административный аппарат, различные звенья которого нуждались в наименовании. Именно в этой области лексики наблюдалось решительное и сознательное отталкивание от прежних обозначений, стремление к более или менее последовательному обновлению соответствующей номенклатуры. В создании последней заметная роль принадлежала не только вновь образованным или заимствованным наименованиям, но и тем словам, которые уже издавна существовали в языке,— однако главным образом это были слова или вообще свободные от ассоциаций со старой властью, или приобретающие совершенно иное звучание благодаря применению к иным сферам государственно-административного и общественного устройства. Так, совершенно новое терминологическое назначение получили такие слова, как *комиссар*, *комиссариат*, *секретарь*, *бригадир*, *директор*, *трест*, впоследствии *палата*, *указ*, а также *ферма*, *фирма* и др.

Из более или менее «нейтральных» слов, использованных для обозначения государственно-административных должностей,

реждений, общественных организаций и т. д.[2], можно назвать *управление*, *отдел*, *заведующий*, *звеньевой*, *союз*, *бюро*; ср. также *пионер*, *вожатый*, *актив*, *староста*.

Ср. привлечение новых слов для обозначения административно-территориальных единиц, выделенных в 1929—1930 гг. (*район*, *область*, *край*).

Новые формы общественных отношений, быта, естественно, также отражались в новых обозначениях, среди которых известную роль играют и семантические неологизмы. Можно отметить хотя бы такие обозначения, как *ясли* (детские), *броня* (ср. *бронировать*, *забронировать*), *бюллетень*, ср. *бюллетенить*: «Вагнер *бюллетенил*, лежал на другой кровати, задрав ноги...» (А. Кузнецов, Маша); *клуб*, ср.: По вечерам яркими огнями освещается здание поселкового *клуба*, или, как его здесь пышно именуют, «Дворца культуры». В нем каждый день показывают новые фильмы (Из газет 60-х годов) и т. д.

44. Хотя перечень подобных наименований легко было бы продолжить, нельзя не заметить, что не они оказались преобладающими при назывании того нового, что появлялось в окружающей жизни. И точно так же не в этих тематических областях лексики проявились наиболее заметные семантические сдвиги.

Одним из самых характерных процессов лексико-семантического развития русского языка за последние десятилетия является, может быть, перемещение значительных лексических пластов в сторону их отвлеченно-переносного употребления, связанного с общественной жизнью. Организация новых общественно-производственных отношений сопровождалась не только закреплением соответствующих обозначений терминологического характера, но и стремлением к образованию экспрессивных наименований для тех явлений, которые воспринимались как неотъемлемая принадлежность новой общественно-политической жизни, нового быта. Можно указать, например, на разнообразные способы обозначения общественной активности, сознательности членов общества: *сознательный*, *идейный*, *передовой*, (политически) *грамотный*, *подкованный*. Этими словами передаются не только различные смысловые оттенки, но и как бы воссоздается различная стилистическая атмосфера, в которой производятся соответствующие оценки.

Для характеристики экспрессивной значимости многих из подобных слов показательно стремление к их обновлению (приводящее к увеличению соответствующего синонимического ряда), например: *ударник*, *стахановец*, *новатор*, *передовик*, *маяк* и т. п. Стилистическая отмеченность некоторых из этих слов в результате их «терминологизации» постепенно снимается. Так, *передовик* имеет еще в СУ помету «разговорное», а *новатор* — «книж-

[2] См.: С. И. Ожегов. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху.— ВЯ, 1953, № 2, стр. 78.

ное». В МАС (1957—1961) оба эти слова даны без стилистических помет. В современной прессе оба слова употребляются в совершенно одинаковых стилистических условиях, иногда рядом друг с другом: «*передовики* и *новаторы* производства» и т. п.

С организацией производства на новой основе, с новыми социальными и экономическими формами этой организации связано появление множества новых понятий, которые также в ряде случаев выражались при помощи лексико-семантических «переносов». Можно отметить возникновение новых значений у таких слов, как *смежник* ‘предприятие, связанное с другим в производстве изделий’; *оснастить* ‘снабдить необходимыми техническими средствами’, ср. *оснастка* и *оснащение*; *рационализация* ‘организация какой-либо деятельности наиболее целесообразными, рациональными способами’, ср. *рационализатор*; *поток* ‘непрерывная система производства’; *недодать* ‘выпустить, произвести меньше, чем требовалось по плану’ и т. п. Возможность мирно трудиться в условиях гражданской войны и интервенции воспринималась как *передышка*. В СУ выделено особое значение этого слова — ‘передышка в вооруженной борьбе, условия, при которых есть возможность мирно работать’.

Можно привести обширный список слов, значения которых видоизменились в сторону выражения ими понятий, возникающих именно в общественной жизни послереволюционной эпохи. Вот несколько примеров:

Прослойка (‘часть общества, не образующая особого класса, а также общественная группа, отличающаяся какими-либо особенностями; группа, входящая составной частью в какой-либо коллектив’); *смычка* (‘совместность чьих-либо действий, согласованность интересов; контакт, союз’); *нагрузить* (‘возложить на кого-либо какую-либо работу, обязанность, поручение’), ср. *нагрузка*, *разгрузить*; *охватить* (‘вовлечь в круг действия, распространить действие чего-либо’); *перековаться* (‘переделаться, преобразиться, перевоспитаться’); *перестроиться* (‘изменить порядок своей работы, направление своей деятельности, свои взгляды’); *перекличка* (‘взаимный вызов для обмена опытом, для осведомления друг друга о чем-либо’); *перебросить* (‘перевести, дав новое задание, назначение’); *проработать* (‘подвергнуть суровой или недоброжелательной критике’); *сигнал* (‘предупреждение, сообщение о чем-либо нежелательном, что совершается или может совершиться’); *заострить* (‘сделать более резким, четко выраженным; подчеркнуть’); *переключить* (‘придать новое направление чему-либо; перевести на иные формы работы, на иную работу’), ср. *переключиться*, *переключение*; *самодеятельность* (‘художественное творчество лиц, не занимающихся искусством профессионально’), ср. *самодеятельный* с относительным значением; *развернутый* (‘осуществляемый, предпринятый в широких размерах’); *развязать* (‘уничтожив преграды, препятствия, дать возможность развиться’); *актуальный* (‘насущный, важный

в настоящее время, злободневный ›); *участок* (‘область, сфера, отрасль какой-либо деятельности ›); *отпочковаться* (‘возникнуть, появиться, выделившись из чего-либо целого ›); *индивидуальный* (‘распространяющийся в отдельности, относящийся в отдельности к каждому ›); *кустарный* (‘примитивный, неискусный, бессистемный ›); *ориентир* (‘направление деятельности, цель, установка, ориентация ›); *шеф* (‘лицо или предприятие, взявшее шефство над кем-либо или чем-либо ›), ср. *шефство* (‘общественная деятельность по оказанию систематической товарищеской помощи кому-либо в производственном, культурном, политическом и т. п. отношении ›); *подшефные*; *смотр* (‘общественная проверка, показ чего-либо ›), ср. грамматическое обособление нового значения: *на смотре* при *на смотру* (*смотр* — ‘официальный осмотр войск командованием ›); *неорганизованный* (‘находящийся вне общественных организаций ›); *отставание* (‘недостаточный уровень, недостаточно быстрый темп развития чего-либо ›); *перегиб* (‘нарушение правильной линии в какой-либо деятельности, вредная крайность ›), ср. *перегибщик*; *подрывной* (‘направленный к разрушению, ослаблению, вредительский ›); *искривление* (‘уклонение, отступление от правильного политического направления ›); *чистить* (‘подвергать проверке с целью освободиться от вредных, ненужных, чуждых элементов ›), ср. *чистка*; *сползти* (‘постепенно перейти к какой-либо неправильной позиции ›).

Список подобных слов здесь не полон; однако его продолжение не внесло бы существенных поправок в ту характеристику, которую можно дать всей этой группе семантических неологизмов. Их образование происходит, во-первых, на основе метафоризации слов с первоначально конкретным, часто «техническим» значением, во-вторых, на основе наполнения отвлеченных терминов общественно-политическим (в широком смысле) содержанием (*индивидуальный*, *актуальный*, *элемент*, ср. *идейный*, *сознательный*).

Не все эти слова в данных значениях являются в полном смысле слова семантическими неологизмами советской эпохи (ср., например, переносное употребление глаголов *перестраиваться*, *охватывать* в дореволюционное время). Однако именно после революции они приобретают общественно-политическое звучание, которое существенным образом преображает их значения.

45. Значительная часть указанных слов сохраняет стилистический отпечаток газетной и деловой речи. Показательно в этом плане обыгрывание некоторых из них в фельетонах, где они разоблачаются как бюрократические штампы; например: Весь день для них безнадежно разбит. Они уже не смогут энергично *охватывать*, *увязывать*, *проталкивать* или *просто работать* (Ю. Алексеев, Бронебойная клюка).

Некоторые из этих слов в указанных значениях почти неупотребительны в настоящее время и выступают в известном смысле

как «примета» предшествующих десятилетий. Например, слово *смычка* характерно главным образом для 20-х годов (*«смычка* города с деревней», *«смычка* крестьян с наукой» и т. п.). Показательно, что злоупотребление этим словом уже тогда вызвало пародирование. Так, в разных номерах за 1924 г. сатирического журнала «Смехач» находим многочисленные примеры его обыгрывания, вроде: Говорю, положение такое, из центра нам ситцы отпущены в *смычке* с парфюмерией, иначе не давали; Перешли сейчас же к *смычке*: Ты, да я, да мы с тобой и т. п.

Вместе с исчезновением соответствующих явлений вышли из активного употребления такие семантические неологизмы, как *уплотнить* (‘заселить плотнее’), *сочувствующий*, *попутчик*, *чистка* и др.

Характерны экспрессивно-стилистические трансформации, которые претерпел глагол *сколотить* (*сколачивать*): его просторечная окраска, в значительной степени стертая в газетной и разговорно-деловой речи в 20-е годы, заменяется в последнее время экспрессивно-оценочными моментами: вместо нейтрального в оценочном плане употребления слова становится преобладающим его функционирование с отрицательным оценочным ореолом («попытка *сколотить* новый агрессивный блок» и т. п.).

Другая часть семантических неологизмов приобрела характер стилистически нейтральных терминов (*нагрузка*, *самодеятельность*, *шефство* и т. д.).

46. Изменения в общественной жизни находят непосредственное отражение не только в пополнении словаря новыми общественно-политическими терминами, но и в смещении и замене терминов, связанных со старым укладом жизни. Таковы в первую очередь группы слов, служившие для обозначения дореволюционных учреждений, привилегий, сословных различий, должностей и т. д., которые нередко недифференцированно и совершенно неправомерно относятся к «устаревшей лексике» или лексическим «историзмам» в современном языке.

Между тем можно отметить по крайней мере три различных направления, которыми определялась судьба этих слов в послереволюционные годы. Некоторые из них действительно стали «историзмами», т. е. закрепились в языке как обозначения тех или иных специфических явлений дореволюционной России, сомкнувшись с другими историзмами, обозначающими исчезнувшие реалии той же эпохи (ср. *камер-юнкер*, *казачок*, *урядник*, *становой*, *городовой*, *земство*, *дума*, *присяжный* и *конка*, *трактир*, *соха* и т. п.).

Другие продолжают употребляться как обозначения соответствующих явлений зарубежной жизни. Таковы, например, *помещик*, *губернатор*, *сенат*, *полиция*, *охрана*, *рента* и т. п.

Произошло своеобразное стилистическое расщепление данных слов: с одной стороны, они примыкают к «историзмам», словам, обозначающим исчезнувшие реалии русской жизни, с другой —

сближаются с теми единицами лексики, которые существуют в языке как наименования специфических явлений, характерных для некоторых других стран (ср. *лорд*, *мэр*, *баронет*, *ранчо*, *бизнесмен*, *матадор*, *гондольер* и т. п.).

Третью группу составляют такие слова, которые были переосмыслены применительно к новым явлениям действительности. Вот несколько примеров.

Прилагательное *знатный* закрепилось в языке в значении ‘известный, выдающийся по своей деятельности’, вытеснившем (и переместившем в разряд «историзмов») прежнее значение слова ‘принадлежащий к знати, к аристократии’.

Для существительного *миллионер* наряду со старым значением ‘обладатель богатства, оцениваемого в миллион, в миллионы (каких-либо денежных единиц)’ в МАС выделены еще два значения: ‘О колхозе, доход которого исчисляется в миллион или в миллионы рублей’; ‘О летчике, налетавшем миллион или миллионы километров’.

Существительное *династия* (‘ряд монархов из одного и того же рода, последовательно сменявших друг друга на троне по праву родства и наследования’, как определяется это слово в МАС) употребляется в наше время и как обозначение представителей разных поколений из одной семьи, выполняющих ту же самую работу, имеющих ту же самую профессию; например, *шахтерская династия*, *рабочая династия* и т. п. Ср.: Немало у нас на заводе таких *династий* рабочих, трудовой стаж которых перевалил за сотню и больше лет (Из газет 60-х годов).

Слова *мещанин*, *мещанство*, *мещанский*, утратив характер сословных терминов, закрепились в качестве морально-оценочных обозначений. Ср. следующие замечания в повести П. Нилина «Жестокость», изображающей сибирскую действительность начала 20-х годов: «Мы поели. Она заспорила со мной, желая уплатить за свой обед. Но я сказал, что это — *мещанство*, и она успокоилась. *Мещанство* — это было такое слово, которое пугало многих в ту пору. И им, этим словом, обозначались иногда понятия, ничего общего не имевшие с подлинным мещанством».

Слово *купец* после революции в сочетании *красный купец*, согласно СУ, служило «шутливым, разговорным» названием «работника советского торгового аппарата». В настоящее время само существительное может иметь только фигуральное применение, точно так же как и обозначения тех сословно-податных разрядов, на которые делилось купечество в дореволюционной России; любопытно, что при этом самые эти обозначения (*купец первой*, *второй*, *третьей гильдии*), приобретя явно фигуральный характер, расширили свои фразеологические связи. Ср.: Братья А. были *посредниками первой гильдии*. Они знали все ходы и выходы. Особенно выделялся Владимир. Этот был прирожденным мастером темных сделок. Никакой другой профессии у него не было (Из газет 60-х годов).

В качестве оценочных слов сохранились в современном языке существительные *вельможа*, *сановник*, *барин* и производные от них.

Характерному оценочному переосмыслению подверглся и ряд других слов, связанных со старой административно-государственной машиной и вообще социальной жизнью. Таковы, например, *бюрократ*, *чиновник*, *казенный*, *церемонный*, *светский* и др.[3] Ср. также *обыватель*, *кустарный*, *либеральный*, *провинциальный*.

47. Исследователи лексики XIX в. отмечают возникновение фразеологически связанных значений у ряда конфессиональных терминов, таких, как *догма*, *догмат*, *пропаганда*, *реликвия*, *фанатизм*, *изувер*, *мощи*, *отщепенец*, *раскол*, *ставленник* [4]. В настоящее время можно отметить окончательную секуляризацию большей части этих слов (ср. также *исповедь*, *священный* и др.). Фразеологически связанные значения, перестав быть таковыми, стали их основными значениями.

Вместе с тем можно отметить метафорическое употребление новых слоев аналогичной лексики, стирающее прежнее «терминологическое» значение соответствующих слов. Например, слова *именины*, *именинник* широко употребительны в разговорной речи в значении ‘день рождения’, ‘новорожденный’. Подобное словоупотребление отражено и в художественной литературе нашего времени.

Словосочетание *духовный отец* употребляется в значении «вдохновитель». Ср.: Русское искусство сложное, огромное, прекрасное, порой противоречивое, но оно все наше, и каждый выбирает в *духовные отцы* того, кто ему всего ближе (Из газет).

Ср. также *поститься* (‘голодать’ или ‘соблюдать диету’), фразеологически связанное употребление слов *обедня* в выражении *испортить всю обедню* и *иконостас* в словосочетании *иконостас орденов*, например: И он спокойно отвернул обеими руками борта темно-синего пиджака, ослепив всех в комнате, в том числе и Клавдию, блеском целого, что называется, *иконостаса* орденов и медалей (А. Калинин, Цыган) и т. п.

Новым содержанием в последнее время наполняются слова *обряд*, *обрядность*, *ритуал*, *традиция*. Вот одно из типичных их истолкований, данное в статье под заглавием «Новая идеология — новые обряды»:

«В процессе формирования новых общественных отношений рождается новая, советская обрядность... Жизнь вносит новый смысл во многие наши традиционные представления. Иное содержание, например, приобрело слово «династия», означающее теперь принадлежность семьи к определенной сфере труда. На предприятиях треста «Коммунарскуголь» в Луганской области широко чест-

[3] С. И. Ожегов. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху, стр. 80—81.

[4] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка 30—90-х годов XIX века. М.— Л., 1965, стр. 35.

вуют рабочие династии... В некоторых городах исполкомы местных Советов присваивают знатным людям звание Почетного гражданина города, их имена заносятся в специальную книгу. Этот ритуал также совершается весьма торжественно... Новые обряды, обычаи и традиции, которые внедряются в быт, дело государственной важности. Необходимо выработать единую систему исполнения обрядов, особенно связанных с прославлением труда... Обряды и ритуалы должны быть едины в масштабах всей страны» (Из газет).

Не во всех случаях отмечаемых изменений значений слов можно говорить о подлинном перенесении названий, а следовательно, и о непрерывности их семантического развития. Иногда более вероятным представляется если не независимое аналогичное образование, то во всяком случае использование существовавшего в языке слова только в качестве готового знака, который наполняется новым содержанием в соответствии с определенным осмыслением его «этимологической формы»[5]. Может быть, это относится и к приведенному выше слову *смежник* в значении 'предприятие, связанное с другим в производстве изделий' по отношению к слову *смежник* в неупотребительном в настоящее время значении 'сосед, владелец смежного участка земли'. Это бесспорно в отношении слова *субботник* в новом значении, которое определяется как 'добровольное коллективное бесплатное выполнение общественно полезной работы' и которое совершенно явно не связано семантически с применением того же образования для обозначения поминальной книги и сектантов (см. СУ).

Ср. развитие нового значения у слова *местничество* (соответственно — *местнический*) 'соблюдение лишь узкоместных интересов в ущерб общему делу': Так местная инициатива без всесоюзной координации оборачивается обыкновенным *местничеством*, а оно наносит народу невосполнимый моральный и материальный урон; Но заскорузлое *местничество* и здесь дает о себе знать. Нездоровая возня началась вокруг вопроса, где будет это управление (Из газет 60-х годов). Ясно, что подобное применение слова связано с новым значением слова *местá* ('периферия, а также периферийные организации, учреждения — в противоположность центру, центральным организациям и учреждениям') и соответственно — *местный*, а не с историческим значением слова *местничество*, которое определяется как 'порядок замещения высших должностей в зависимости не от личных качеств и заслуг, а от знатности рода и важности должностей, занимаемых предками (в Московской Руси XV—XVII вв.)'.

Ср. также употребление слова *западник* в значении 'представитель западного блока держав' (например: Представитель Польши в своем выступлении на сегодняшнем заседании так же, как и глава советской делегации вчера, призывал *западников* приступить к

[5] Ср. подобные процессы в словообразовательном разделе, III, § 104.

практической работе. Но создается впечатление, что именно этого они стараются избежать.— Из газет 60-х годов), которое, естественно, не может рассматриваться как семантическое развитие исторического значения этого слова (западники и славянофилы).

Основные типы семантических изменений в современном русском языке. 48. Перенесение наименований, так же как и другие способы «называния», осуществляется в соответствии с определенными закономерностями, существующими в языке. Лексико-семантическое развитие языка во многом зависит от внешних, внеязыковых факторов, но и оно, как и развитие других сторон языка, несомненно, подчинено некоторым внутренним законам, хотя обнаружить эти законы здесь труднее из-за многообразия самого материала, из-за «внесистемного» характера многих его элементов и разнообразной природы факторов, одновременно влияющих на лексические значения слов.

Сколь бы разнообразным, а в отдельных случаях даже неожиданным и причудливым ни было семантическое преобразование различных слов, в целом семантические процессы, происходящие в русском языке послереволюционной эпохи, не отменяют основных закономерностей развития его лексико-семантической системы.

Изменения значений слов в общем осуществлялись по тем же линиям, по которым они осуществлялись в предыдущую эпоху.

Обычно различают три основных вида семантической деривации: метафорические, метонимические и функциональные переносы наименований. Соответствующие изменения значений слов наблюдаются и в наше время. Возможно, некоторые сдвиги в соотношении данных типов семантических изменений — так же, как и отчасти в их характере — и являются прежде всего результатом воздействия на систему лексики определенных внеязыковых факторов.

Метафорические переносы основаны на сходстве тех или иных предметов и явлений внеязыковой действительности, однако возможность их осуществления во многом обусловлена и внутриязыковыми отношениями, теми связями, которые существуют в самой лексико-семантической системе языка. Особенности семантической структуры и «этимологической формы» слова, его стилистическая прикрепленность, место в определенной лексической парадигме и другие собственно языковые моменты в значительной степени определяют характер метафорического применения данного слова. Вместе с тем для того, чтобы метафорическое употребление слова приобрело более или менее устойчивый характер (т. е. можно было бы говорить не об индивидуальной, а о языковой метафоре), необходимо, чтобы самое ощущение «метафоричности» данного словоупотребления было ослаблено для значительной части говорящих.

Сказанным обусловлено то, что языковые метафоры чаще всего основываются на таких уподоблениях, которые не нуждаются в каких-либо контекстных обоснованиях, вернее — контекстом

для которых служат, с одной стороны, серии аналогичных образований, уже существующих в языке (из наиболее очевидных примеров ср. обозначение различных неодушевленных предметов и их частей при помощи слов, обозначающих части тела, например *хребет*, *нос*, *ножка*, *горлышко*, *спинка* и т. п., и более новые *волосок*, *палец* — в механизме, приборе и т. п.), и, с другой стороны, «заинтересованность» соответствующими явлениями со стороны значительной части говорящих.

То, что в какой-то мере занимает умы говорящих, легко становится источником переносного словоупотребления. Можно указать, например, на переносно-метафорическое употребление спортивных обозначений, таких, как *финиш*, *нокаут*, *эстафета*, *форвард*, *финт*, *ничейный счет*; *цейтнот*, *ход конем* и т. п. Вот несколько примеров:

В протоколе крайне небрежно выполнены арифметические действия. Но цель достигнута: нечестная арифметика *нокаутировала* более сильного противника; Жаль, что училища не ведут учета, много ли из окончивших прижилось в совхозах. Боюсь, что счет будет не в пользу училищ, а часто даже «*ничейный*»: сколько выпустили — примерно столько же и ушло либо переквалифицировалось; *Эстафета* побед (Заголовок в газетах); Но *думать на два хода вперед* умеют только вполне сложившиеся люди. У них есть перспектива, взгляды и планы. Ничего этого нет у чинуши (Из газет 60-х годов); И у нас есть свои коробкины. Да какие! Ваши нашим и в подметки не годятся. Им еще учиться да учиться у наших! Прямо *гроссмейстеры* суесловия! Классики! (В. Овечкин. В том же районе) и т. п.

Активно подвергаются метафоризации обозначения, связанные с авиацией, с радио и т. п., например: — *Приземляйся*! — кивнул Колька на кресло (Э. Шим, Помощник шкипера); А между тем художник, приступая к воплощению своего замысла, должен быть весьма точно *настроен на* идейную *волну* эпохи; Вот почему «круглый стол» явился ответственной деталью всей сегодняшней общественной жизни Ленинграда. Он был *на одной волне* с этой жизнью и отразил тот же экономический склад мышления, который становится у нас чертой народного характера (Из газет 60-х годов).

Активизация тех пластов лексики, которые связаны с общественно важными явлениями, демонстрируется также рядом фактов, относящихся к совсем недавнему времени. Освоение целины, выведение на орбиту спутников, полеты в космос явились стимулом переносного употребления соответствующих обозначений. Вот примеры из газетных текстов:

Мурманск — крупнейший рыбный порт Советского Союза, оплот освоения океанской *целины* на Севере; Северная Атлантика, которую называют «кухней погоды», стала постоянным местом нашего промысла, ареной трудового соревнования покорителей голубой *целины*; Предстоит поднять поистине *целину* нере-

шенных дел; *На орбиту* этой проблемы выводилось уже немало всякого рода комиссий, комитетов и подкомитетов; Так-то вот и выбросили в свет Сидора Махоткина. В Москве пропечатали! Пустили *на орбиту* — на тернистую дорогу возле литературы (Из газет 60-х годов). Ср. метафорическое употребление словосочетаний *стартовая площадка*, *состояние невесомости* и т. п.

49. Активизация определенных слоев лексики, связанная с актуальностью соответствующих явлений в тот или иной момент, представляет собой двухсторонний процесс. Наблюдается не только метафорическая экспансия этой лексики, но и притяжение в ее сферу наименований из других тематических рядов, образующих ряды экспрессивных синонимов. Ср., например, устойчивое переносное употребление многих первоначально военных терминов [6]: *гвардия*, *фронт*, *командир*, *вооруженность*, *перевооружить*, *разоружиться*, *мобилизовать*, *плацдарм*, *торпедировать*, *рейд*, *боеспособный*, *штаб*, *наступление*, *форсировать*, *маневрировать*, *обойма*, *смотр*, *разведка*, *атака*, *командные высоты*, *зарядка* и т. д., с одной стороны, и создание экспрессивных синонимических рядов на основе «бытовой» лексики для обозначения военных реалий в годы войны, с другой. Например, во время Отечественной войны окружение противника называли *котел*, *мешок*, *клещи*, *кольцо*, *подкова*, *обруч*, *крысоловка*, осветительные авиабомбы и ракеты — *фонари*, *люстры*, *лампадки* и т. д.[7] Ср.: В ночь на 9 августа 1942 года над Кисловодском появился фашистский самолет. Он развесил «*лампадки*» над железнодорожной станцией, обстрелял ее трассирующими очередями из пулемета, сбросил несколько бомб (Из газет).

Характерные примеры того же «притяжения» дают спортивные отчеты и обозрения, например: Петросяну для завоевания шахматной *короны* в оставшихся двадцати партиях надо набрать на два очка больше Ботвинника, поэтому ему ничьи менее выгодны (Из газет 60-х годов) и т. п. Ср.: Закончилась хоккейная страда, | И был порыв болельщиков неистов, | Когда в Стокгольме *Королями* льда | Провозгласили наших хоккеистов («Изв.», 22 марта 1963).

50. Те перенесения названий, которые рассматриваются как метонимические, далеко не всегда обусловлены какими-либо сдвигами в значениях самих соответствующих слов. Например, мы можем сказать *читал этого писателя*, *выпил целый стакан*, *об этом узнал весь дом* и т. п. не потому, что слова *писатель*, *стакан* и *дом* имеют среди своих значений такие, как ‘произведение писателя’, ‘содержимое стакана’, ‘жители дома’, а потому, что в языке существуют определенные образцы подобного метонимического

[6] См.: А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926. М., 1928.

[7] См.: А. Н. Кожин. Русский язык в дни Великой Отечественной войны. «Уч. зап. Московского обл. пед ин-та», т. 109. Кафедра русского языка, вып. 7, 1961, стр. 640.

применения соответствующих семантических групп слов. Дело здесь, таким образом, не в изменении значения данного конкретного слова, как и не в каком-либо «сокращении» данного конкретного словосочетания, а в реализации некоторой обобщенной семантической формулы (модели). Новые слова, примыкающие к соответствующим лексико-семантическим группам, следуют тем же формулам, т. е. получают возможность аналогичного метонимического применения. Поэтому точно так же, как можно сказать *читал Державина*, можно сказать и *читал Вознесенского*; как можно сказать *выпил целый стакан* — можно сказать *выпил целый термос*, точно так же, как возможна фраза *об этом узнал весь дом*, возможна и фраза *об этом узнал весь сектор* и т. п.

Таким образом, от собственно метонимических изменений значений отдельных конкретных слов нужно отличать метонимические перенесения наименований, в том числе и неологизмов, осуществляемые в определенных контекстах в соответствии с уже существующими в языке семантическими формулами (обозначение предмета по материалу, из которого он сделан; целого по его части, и наоборот; результата действия — по самому действию и т. д.). Нужно отметить, что «действие» формулы, образца может сохраняться и при смене самих названий. Например, в 1929—1930 гг. было изменено административно-территориальное деление СССР и заменены соответствующие названия административно-территориальных единиц (вместо *губерния*, *уезд* — *область*, *район*). Слово *губерния* употреблялось в просторечии также для обозначения губернского города (см. в «Убежище Монрепо» Салтыкова-Щедрина: «Я вспомнил, что в *губернии* служит ... один из моих товарищей по школе, и отправился в город»), *уезд* — для обозначения уездного города. Аналогично *область* и *район* в разговорной речи могут значить ‘областной центр’, ‘районный центр’. Например:

К нему не то что из *области* — из Москвы приезжают (Протопопов, Хельга); — Это очень похоже на наш колхоз,— сказала Марья Сергеевна.— Был у нас хороший председатель, и забрали его в *район* заведующим сельхозотделом райкома. У нас там чуть проявит себя на работе председатель колхоза, так торопятся выдвинуть его в *район* (В. Овечкин, Районные будни).

Но устойчивость метонимической формулы не означает ее неизменности. Происходят не только изменения в продуктивности тех или иных формул, но возможно и формирование новых. Ср., например, употребление названий ряда организаций, органов и т. д. для обозначения их заседаний, собраний:

Поговорим об этом *на дирекции*; Все это вспоминалось *на* недавнем *исполкоме* областного Совета, где обсуждали бюджет области и финансовый план на будущий год; Обсуждение этого вопроса передали *на профгруппу* (Из газет 60-х годов); Партсобрание, *актив*, пленум — не самоцель. Собрание мы проводили не ради самого собрания, а ради того, чтобы после него комму-

нисты ринулись в бой! (В. Овечкин, В том же районе); Предложишь ему *на бюро* высказать точку зрения по какому-то вопросу,— по персональному делу, что ли,— он встает и начинает метать громы и молнии (Там же) и т. п.

Одним из характерных для современной эпохи видов метонимических переносов является также употребление с предметным значением ряда первоначально отвлеченных существительных, например *мощность, емкость:* Вся масса (вымолоченное зерно и измельченная солома) транспортируется вентилятором в закрытую *емкость*; Свыше 35 тысяч тонн картофеля и овощей предстоит заложить нынче в Челябинске на длительное хранение.— Будем приспосабливать подвалы, котельные, бараки,— говорит заместитель председателя горисполкома ... — Не в первый раз нам выкручиваться. Недостающие *емкости* изыщем,— успокаивает и заместитель начальника городского управления торговли; Необходимо ускорить ввод в действие новых *мощностей* по переработке химических волокон, вооружить текстильные предприятия современным оборудованием; здесь в прошлом году не ввели в действие *мощности* по выпуску вискозного штапельного волокна (Из газет 60-х годов); Тусклым серебром сверкнули баки группового нефтесборного пункта — «*емкости*», как говорят на промыслах, или даже «*емкостя*» (А. Рекемчук, Время летних отпусков).

Процесс образования предметных значений у подобных слов характерен в том отношении, что он связан с общим процессом создания обобщенно-родовых терминов для целого ряда производственных, технических и т. д. понятий. Ср. применение с аналогичным назначением таких слов, как *объект*, *точка*, *пункт*, *узел* и т. п. Например: На строительстве наступила горячка, половину бригады сняли с бани и перебросили на другой *объект* (Э. Шим, Лушка Сапогова).

Несколько иллюстраций из газет 60-х годов: Пользуясь тем, что руководители конторы плохо контролируют работу десятников и прорабов, некоторые из них мало занимаются организацией труда *на объектах*; Такое положение имеет место и в других хозяйствах. Как известно, большинство *объектов* в колхозах и совхозах строится так называемым хозяйственным способом; Б. водил высоких гостей по «торговым *точкам*» центрального проспекта; Затем было составлено специальное «расписание» полетов «Ми-6». Следуя ему, машина в первую очередь должна доставлять узлы на новую *точку* с таким расчетом, чтобы монтаж шел в строгой последовательности; Нашему заводу поручено изготовлять важный *узел* картофелеуборочного комбайна — его большой транспортер; Сложен путь машины от опытного образца до совершенного автомобиля. Проводятся десятки, сотни испытаний, меняются отдельные детали и целые *узлы*, разрабатываются новые принципы; В подвальном помещении, где еще недавно стояли котлы, теперь оборудован тепловой *узел*.

51. Переходя к третьему типу изменения значений слов — к функциональным перенесениям, следует заметить, что функция того или иного предмета, назначение того или иного действия вообще является решающим фактором, определяющим устойчивость значительных пластов лексики. Поскольку назначение тех или иных предметов, действий остается прежним, постольку они могут сохранять прежние обозначения, несмотря на то, что будут изменяться внешние формы предметов, способы осуществления действий, характер их проявления и т. д. Примеры сохранения в языке таких прежних обозначений хорошо известны; они особенно наглядны в случаях противоречия между актуальным значением слова и его «этимологической формой» (*стрелять дробью*, *синие чернила* и т. п.).

В современном русском языке продолжает в общем действовать та же закономерность, но нельзя не обратить внимания на следующий факт: функциональное тождество многого из того, что появляется в наши дни, не становится предпосылкой «перенесения» уже существующего названия. Напротив, в языке ощутимо проявляется тенденция к дифференциации наименований, к отличению функционально сближаемых, но различающихся чем-либо новых предметов и явлений. Причины этого — в качественных изменениях, происходящих в самой внеязыковой действительности.

Множество новых предметов, технических приспособлений и механизмов, материалов и т. д. оказались сосуществующими, в том числе и предметы с тождественным назначением. Когда в городском транспорте появился трамвай, он сменил конку (и в городском просторечии трамвай в течение некоторого времени иногда именовался *конкой*). Но появившиеся вслед за трамваем автобус, троллейбус, метро сосуществуют, поэтому, естественно, перенесение наименований здесь оказывается попросту невозможным. То же самое относится к целому ряду других явлений.

Но, кроме того, технический прогресс, убыстренный темп общественного развития потребовали с о з н а т е л ь н о й номинации многих из новых предметов, учреждений и т. д., при этом чаще всего вводились в обиход именно новые обозначения. Это, по-видимому, также, хотя и косвенно, сказывалось на уменьшении возможности функциональных переносов, вырабатывая у говорящих привычку искать для новой вещи новое имя. Показательны такого рода замечания: В первом этаже — ткани, парфюмерия, телевизоры, мотороллеры, велосипеды, детские игрушки, ружья, блесны, *граммофонные пластинки* (хотя, как известно, *граммофонов* давно уже нет, но пластинки почему-то упорно называют *граммофонными*)... (С. Воронин, Только для себя, 1962). Ср. в терминологической области: — Итак, *химия заменителей* — это генеральное направление в нашей химии? — Терминология «Химия заменителей» довольно распространенная. Однако она неверна. Было время, когда химики, действительно, пытались

заменить, повторить качества дефицитных природных материалов: меди, например, или каучука. Сейчас же химия из поставщика материалов-заменителей превратилась в поставщика незаменимых материалов. Мы теперь создаем синтетические нити прочнее стальных («Лит. газ.», 21 марта 1963).

Изменения в парадигматических и синтагматических связях слов. 52. Изменения в значении слов происходят в речи, которая основывается на отборе и сочетании языковых единиц. Отбор определяется парадигматическими отношениями данных языковых единиц, сочетание их — синтагматическими отношениями.

Представляя собой совокупность обозначений предметов и явлений, принадлежащих внеязыковой действительности, лексика, естественно, постоянно подвержена воздействию внешних факторов развития. Когда исчезает какой-то предмет, выходит из употребления и соответствующее слово или соответствующее значение слова, вместе с изменением внеязыковых связей изменяются связи слов, их лексическая, а часто и синтаксическая, сочетаемость и т. д.

Но вместе с тем единицы лексики не являются просто этикетками, прикрепленными к тем или иным явлениям. Они существуют не изолированно, а во взаимодействии друг с другом, объединенные многообразными грамматическими, синтаксическими и стилистическими связями. В каждом языке один и тот же отрезок действительности, одно и то же смысловое поле членится по-своему; сочетаемость многих слов фразеологически ограничена; возможность синонимических замен для разных словосочетаний различна, что опять-таки во многом определяется теми отношениями, которые сложились в лексике данного языка. Таким образом, лексическое значение определяется не только соотнесенностью слова с известной реалией, но и теми парадигматическими и синтагматическими отношениями, которые обусловливают реальное применение данного слова.

Парадигматические отношения, существующие между лексико-семантическими единицами языка, обычно не отражены непосредственно в каком-либо конкретном тексте; это и понятно, так как конкретный текст является результатом уже произведенного отбора и только сопоставление некоторой совокупности текстов дает возможность обнаружить эти отношения. Синтагматические отношения, напротив, предопределяют характер сочетания слов, и поэтому любой текст, представляющий собой именно сочетание языковых единиц, непосредственно отражает некоторые из синтагматических особенностей языка.

На основании указанного различия было бы неправильно считать, что парадигматика относится к области языка, а синтагматика к области речи. И правила отбора единиц языка, и правила их сочетания как раз и характеризуют структуру языка в целом; другое дело, что они по-разному отражаются в конкретных проявлениях языка, т. е. в речи.

Целый ряд изменений в значении слова, как известно, вызывается влиянием на него так или иначе сопоставленных с ним (семантически) групп слов.

Можно указать на сходное семантическое развитие слов, относящихся к тем же тематическим группам лексики (ср. «расширительное» применение военной лексики, спортивной лексики и т. д.), а также на те более или менее регулярные метонимические переносы, которые характерны для слов, объединяемых каким-либо общим семантическим признаком. Дифференциация значений внутри синонимических рядов слов, вызванная определенным давлением одних из членов этих рядов на другие, наглядна в случае заимствований, когда между синонимическими единицами происходит своеобразное «перераспределение смысла», вызванное появлением новых синонимов. Ср., например, семантическое соотношение между словами *приз — награда*, *поощрение*; *приоритет — первенство*; *репортаж — сообщение*; *рентабельный — доходный*, *выгодный*; *тотальный — всеобщий*; *джемпер — кофта*, *фуфайка*; *пикап — грузовик* и т. д.

На той же линии отбора могут соприкасаться и сталкиваться слова, сопоставляемые говорящими не по значению, а по форме. Сюда относятся такие явления, как переосмысление «внутренней формы» слова (например, по принципу «народной этимологии»), контаминации слов в результате их звукового сходства и т. п. (ср., например, переосмысление глагола *довлеть* в современном употреблении благодаря чисто внешнему сходству со словами *давить*, *давление*).

Другой процесс, связанный с речевым общением,— сочетание слов — находит выражение именно в текстах.

Постоянное или частое употребление слова в определенных сочетаниях, в определенных речевых контекстах может отразиться на его значении.

В устойчивых контекстах иногда формируется новое значение слова, которое затем как бы вычленяется из словосочетания и закрепляется за словом как таковым. Ср. процессы такого расширения связей у прилагательного *узкий*: *узкий круг*, *узкие места*, *узкий взгляд*, *узкий вопрос* и т. д.

Интересно развитие новых семантических связей прилагательного *большой*, которое может служить иллюстрацией того, как на основе более или менее изолированных фразеологических применений слова (ср. *Большой театр*, *Большая земля*, *большая дорога*, *большой свет*, *большая публика*, *большая пресса*) складывается новое относительно самостоятельное значение. Ср. *большая наука*, *большая химия*, *большая литература*; *большой алюминий*, *большой хлопок*, *большая нефть*; *большой футбол*, *большой баскетбол* и т. д. Вот несколько примеров из газет последних лет:

Кинопублицистике *большой* экран; Сезон *большого* асфальта в разгаре; *Большой* хлопок завоевывается упорным трудом; Пора *большого* новоселья; Пора *больших* овощей; думать о *большом*

мясе и молоке и т. п. Ср. также: Согласно энциклопедическому толкованию, «спорт... одно из средств и методов всестороннего развития человека...» Толкование охватывает две типично современные разновидности спорта — так называемый «*большой*» и «*обычный*». «*Большой*» спорт зиждется на базе «обычного», питается им, если под этим последним понимать энциклопедическую трактовку («Изв.», 14 июля 1965).

53. Синтагматические связи, обусловленные в целом семантическими, синтаксическими и фразеологическими возможностями слова, в ряде случаев испытывают очевидное воздействие со стороны собственно социальных факторов. Употребление слова в каких-то более или менее устойчивых контекстах обычно связано с актуальностью именно данного словоупотребления для определенных социальных или профессиональных групп носителей языка, для определенных жанров письменности и т. д. При этом уточняющие данное слово определения (в широком смысле) становятся излишними с чисто коммуникативной точки зрения, поскольку они устойчиво детерминированы самой ситуацией. В таких случаях можно наблюдать семантическое стяжение словосочетания: определяющее опускается, определяемое выступает в значении всего словосочетания. Например, *мирное урегулирование* (отношений), *нарушать* (закон, порядок) и *нарушитель*, *внедрить* (в производство, в практику) и т. п. Станет ли подобное словоупотребление в каждом конкретном случае общеязыковым фактом, сформулируется ли на его основе самостоятельное значение слова, зависит от многих причин, в том числе и от социальных факторов, а именно — от заинтересованности общества в называемой данным словом реалии, во-первых, и от общественно-речевой оценки той среды, в которой возникло данное словоупотребление, во-вторых. Стилистическая окраска большей части стяжений, возникших в современной речи, определяется теми речевыми ситуациями, в которых они возникли.

Отпечаток производственно-деловой речи отчетливо сохраняют такие широко отраженные в газетных текстах стяжения, как *ввести* (вместо: ввести в действие, в строй, в эксплуатацию; ср. *ввод*), *пустить* (в ход; ср. *запустить*, *пуск*), *довести* (до необходимого уровня; ср. *доводка*) и под. Например:

Ни одного квадратного метра кооперативной жилой площади не *введено*, например, в Азербайджанской, Таджикской и Армянской ССР; В Москве, например, план *ввода* площади в кооперативных зданиях предусматривал двести тысяч квадратных метров, а возводится почти вдвое больше (Из газет 60-х годов).

В сфере устной разговорной речи — за границами строго литературного словоупотребления — появились стяжения вроде *осознать*, *переживать*, *изображать из себя*, *зарабатывать*, *получать* и т. п. Например:

— Нехорошо получается. *Осознаешь*? — *Осознаю*, конечно (Из газет); — Иди, не бойся. Он *изображает* только *из себя*.

А парень хороший (С. Антонов, Тетя Луша); А врача если взять — это же каторжный труд! Только профессора, которые на весь Союз прославились, прилично *получают* (И. Жданов, Взморье); Муж Сергей хорошо *зарабатывал*, им хватало (И. Грекова, Первый налет) и т. п.

Как разговорные трансформации административно-канцелярских формул выступают такие стяжения, как *снять* (с занимаемой должности) и *освободить* (от занимаемой должности), *неоправдавший* (доверия) и *необеспечивший* (руководством), *вовлекать*, *внедрять*, *выдвигать* и др. под.

54. Изменение значения слова отражается на его сочетаемости с другими словами. Это касается не только лексической, но и синтаксической сочетаемости. Часто здесь с достаточной очевидностью проявляются моменты языковой аналогии, действие новых семантических связей, в которые вступает слово, видоизменяя свое значение.

Например, глагол *равняться* в значении 'становиться (в строю) на одну линию с фланговым' в наше время получил возможность переносного употребления, постепенно приведшего к формированию нового значения, которое толкуется в МАС следующим образом: 'стараться следовать чьему-либо примеру'. Глагол в «исходном» значении имеет дополнение с предлогом *по* и дательным падежом имени: *равняться по фланговому*. В новом, переносном значении глагол связывается с иной формой управления: *равняться на кого-либо*,— например, *равняться на передовиков*, *равняться на старших товарищей* и т. п. Такое управление возникло не сразу. В СУ указано: *равняться по кому-либо*. В МАС уже даны две формы: по кому и на кого. Можно заметить, что в последнее время явно преобладает *равняться на кого-либо*. Изменение форм управления глагола явилось следствием того, что он был вовлечен в новые смысловые связи: *держать курс на*, *ориентироваться на кого-либо*, *что-либо* ('определять направление своей деятельности, линию своего поведения в зависимости от кого-, чего-либо, рассчитывая на кого-, что-либо').

Ср. развитие новых значений у слов *сигнал*, *сигнализировать* («Кулебякинские эпистолы принадлежат к разряду «жалоб» и «*сигналов*». *Сигнализирует* Евгений Яковлевич неустанно.— Б. Егоров, фельетон «Деловые качества») и появление такого управления: *сигнал на* по аналогии с *жалоба на кого-либо*, например: Поэтому закономерно *на вас поступают сигналы* (Н. Катков, фельетон «Мизантроп»).

Новое управление слов, вызванное изменением их семантики и ассоциациями с новыми рядами слов, активно проникает в современную речь, в частности в язык газет, например: Боевой опыт советских воинов убедительно опровергает лживые утверждения битых гитлеровских генералов и многих американских и английских военных историков, фальсифицирующих *факты о* «сезонности» успехов Красной Армии; Их программа разоружения...

не дает никаких *перспектив к* ликвидации угрозы ядерной войны (Из газет 60-х годов).

В то же время вполне естественно, что нарушение привычной сочетаемости слова, закрепленной за ним при его употреблении в «основном» значении, обычно воспринимается частью носителей языка как «неправильность», как отступление от литературной нормы, как проявление языковой безграмотности. Например, в фельетоне В. Карбовской «Принципиальный товарищ» описан такой эпизод:

Однажды начальник сказал: — Мне некогда, а экономист Близиров увольняется с завода, напиши-ка на него характеристику. Как обычно. Я потом отнесу на подпись.

«Во-первых,— хотела сказать Валя...— во-первых, надо стараться говорить правильно. А разве это правильно: «Характеристика на кого-то»? Ведь не говорят же: «Описание на Эльбруса». И разве вы когда-нибудь слышали: «Статистика на нашего города»? Наша Анна Петровна за это поставила бы двойку» («Крокодил», 1962, № 14). Героиня фельетона рассуждает, конечно, правильно. Но вместе с тем следует заметить, что для ее начальника-бюрократа это слово ассоциируется, по-видимому, с иным лексико-семантическим рядом (ср.: «завести дело на кого-нибудь», «жалоба на кого-нибудь» и т. п., ср.: — А разве не работа, что я разоблачаю шайку воров и преступников и бесплатно уже третий год пишу *на них заявления.*— «Пр.», 19 дек. 1962); этой «профессиональной» ассоциацией и объясняются приобретаемые словом синтаксические связи. Ср. употребление той же конструкции в газетной речи. Например:

В характеристике он, конечно, и «идейно выдержан» и «инициативен», и всякое такое прочее, сугубо положительное. Но, во-первых, характеристика выдана была до того, как Емельянов начал свои «художества». Во-вторых, адвокат будет теперь знать, как штампуются подобные *характеристики на* аспирантов, и будет оперировать ими осмотрительней. Так штампуются порой даже кандидаты наук («Лит. газ.», 5 февр. 1963).

Точно так же неодинаковы по своей стилистической значимости, как уже говорилось выше, различные случаи стяжения. В книге К. И. Чуковского есть такие замечания о современном употреблении глагола *переживать*: «... молодежью стал по-новому ощущаться глагол *переживать*. Мы говорили: «я переживаю горе» или «я переживаю радость», а теперь говорят: «я так переживаю» (без дополнения), и это слово означает теперь: «я волнуюсь, а еще чаще: «я страдаю», «я мучаюсь».

Такой формы не знали ни Толстой, ни Тургенев, ни Чехов. Для них *переживать* всегда было переходным глаголом. А теперь я слышал своими ушами следующий пересказ одного модного фильма о какой-то старинной эпохе:

— Я так переживаю! — сказала графиня,

— Брось переживать! — сказал маркиз» [8].

Между тем употребление глагола *переживать* как непереходного глагола широко отражено в современной литературе (обычно все же в речи персонажей). Вот несколько примеров:

Набоков сидел за письменным столом, опустив голову.— *Переживаешь*? — тихо спросил его Григорий Савельевич (С. Антонов, Новый сотрудник); Ишь, чувствительный какой, оказывается! Из-за матери *переживает*! (А. Адамов, Последний «бизнес»); В армии он тоже быстро освоился; иные *переживали*, терзались, не могли сразу войти в армейскую колею, ссорились со старшинами. А Миша за всю службу огорчился один-единственный раз — когда остригли ему шевелюру (Э. Шим, Белое, черное) и т. п.

То же самое происходит с рядом других глаголов, однако речевые ситуации, а следовательно, и стилистическое звучание различных случаев стяжения различно. Например, в фельетонах последних лет в явно иронических контекстах показано употребление без дополнений глаголов *осознать*, *охватить*, *согласовать*, *проникнуться*, *увязать* и т. д.

Напротив, уже вполне нейтрально в рамках разговорной и деловой речи звучат такие «стяжения», как *снять*, *освободить*; например:

Повышение в должности или рассказ о том, почему опять *сняли* Владимира Петровича; Тажибаева внезапно *сняли*. Но вот учреждение, бывшее его вотчиной, продолжает существовать; Когда его, наконец, *освободили* за провалы в работе и очковтирательство, он был удивлен и требовал объяснения: на каком, дескать, основании, по каким причинам меня *освобождают*; На каких только должностях не побывал инспектор Е., и отовсюду его *освобождали* (Из газет).

Возникновение подобного словоупотребления довольно прозрачно. Словосочетания *снять с работы*, *освободить от занимаемой должности* подвергаются сокращению, как бы передавая свое общее значение входящим в них глаголам (следует напомнить, что такова же судьба глагола *уволить* в русском языке, который сам по себе устойчиво закрепился именно в данном значении).

Каждое из семантических «стяжений» связано с какой-либо определенной сферой речевого общения. От ее общественной значимости зависит судьба подобных новообразований, их способность войти в общелитературное употребление.

55. Отбор и сочетание слов определяются не только особенностями лексико-семантической системы языка, но и предметно-логическими ассоциациями, которые в известном смысле лежат в основе самой этой системы. Семантические изменения, связанные с «переносным» употреблением слова (метафорическим и

[8] К. И. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1962, стр. 8.

метонимическим), с изменениями в лексической (а в конечном счете и синтаксической) сочетаемости слова всегда в какой-то степени вытекают из фактов внеязыковой действительности. Следует заметить, что и те изменения в значении слов, которые могут рассматриваться как результат развития самого языка (например, когда семантические изменения регулярны в языке или когда они явно зависят от устойчивого и преобладающего применения слова в определенных речевых контекстах), связаны, естественно, с общественной потребностью, с речевыми вкусами носителей языка и т. д.

56. Парадигматические и синтагматические отношения, существующие в лексике, не могут оставаться неизменными, когда в словарь включаются новые обозначения. Даже, казалось бы, внешнее пополнение словаря названиями новых реалий отражается на тех связях, которые существуют между отдельными словами и целыми рядами слов, и нередко приводит к хотя и незаметной на первый взгляд, но существенной перегруппировке различных единиц лексики.

Так, появление радио, телефона, телевидения и т. д. повлекло за собой не только включение в словарь названий самих данных реалий, но и изменило сферу применения многих слов; ср. употребление слов *волна*, *позывные*, *эфир*, *программа*, *передача*, *настроить*, *звонить*, *шумы*, *трубка*, *набрать*, *постановка* (*радиопостановка*, *телепостановка*), *журнал*, *обозрение* и т. д. Даже смысловое содержание таких слов, как *застать*, *поймать*, *смотреть*, *соединять*, *вызывать*, *включать* и других подверглось известным сдвигам, поскольку изменились их синтагматические связи, появились сочетания типа *звонить и не застать дома*, *поймать радиостанцию*, *смотреть телевизор* и *смотреть парад и т. д. по телевизору* и т. п.

Легко заметить, что не все из подобных применений соответствующих слов остаются в рамках уже существовавших ранее значений. В некоторых случаях перед нами сознательный перенос наименования, т. е. осуществление одного из способов номинации новых предметов (волна, приемник и под.), в других — постепенное возникновение нового значения в результате резкого расширения его синтагматических связей. Примером такого формирования нового значения может служить семантическое развитие глагола *звонить*. Употребление этого глагола в словосочетании «звонить по телефону (куда-то или кому-то)», в связи с актуальностью ситуации, обозначаемой данным словосочетанием, сопровождалось семантическим стяжением,— значение словосочетания перешло к самому глаголу *звонить* («Я звонил ему», «Я звонил на завод» и т. п.)

Изменения «стилистического ореола» слов. 57. Экспрессивно-стилистическая окраска слова определяется не только собственно языковыми факторами, нередко она связана с социально закрепленной оценкой соответствующего явления, причем в ряде

случаев от этой, так сказать, надъязыковой характеристики слова зависят возможности его переносного — в широком смысле — применения.

После Октябрьской революции обобщенно-метафорическое значение приобрели слова, символизирующие труд рабочих и крестьян: *молот*, *кузница*, *горн*, *станок*, *плуг*, *серп* и некоторые другие. «Высокое» стилистическое звучание этих слов отразилось на семантическом развитии и некоторых других обозначений. Можно думать, что символический ореол, который был придан этим словам, поддержал вовлечение в сферу переносного употребления ряда слов, примыкающих к той же тематической группе. Таковы, например, получившие широкое распространение в языке послереволюционной эпохи в переносном значении слова *подковать*, *перековать* (*подковаться*, *перековаться*), *сплав*, *спайка*, *спаянный*, *сколотить* ('организовать'), *обработать* (кого-либо), *смычка*, *закалка* (о физическом воспитании) и др. Характерна активизация образно-переносного употребления слов, связанных с трудом рабочих; метафорическое употребление терминологии, относящейся к сельскохозяйственным работам, в общем осталось в тех же стилистических и фразеологических рамках, которые существовали ранее: *на ниве просвещения*, *сеять смуту*, *сеять сомнения* и т. п.; *пожинать лавры*, *пожинать плоды своих* (*или чужих*) *трудов* и т. п. Исключение — слово *целина*, пережившее два этапа метафорического оживления (в конце 20-х и в середине 50-х годов).

К символам революционной борьбы (*красный*, *баррикада*,— ср. у В. Маяковского: «Товарищи! На баррикады! — баррикады сердец и душ») в годы восстановления народного хозяйства присоединялся ряд терминов, символизирующих строительство новой экономики и новых общественных отношений; расширенно-метафорическое значение приобрели (вовлеченные в сферу поэтического языка) слова вроде *стройка*, *бетон*, *железобетонный*, *цемент* (ср. *цементировать*), *рычаг*, *мотор* и т. п.

Метафорическая символизация отдельных слов наложила на них как бы терминологический отпечаток. Соответствующее их употребление интерпретируется как отражение определенных общественно-политических взглядов. Показательны многочисленные в периодической печати наших дней высказывания о метафорическом осмыслении слова *винтик* в предшествующее время: «Известно, что и для идеологии, и для практики культа личности характерна именно н е д о о ц е н к а л и ч н о с т и (выделено газетой), индивидуума, отдельного человека, которому отводилась роль «*винтика*» в огромной «машине» социализма» («Лит. газ.», 12 мая 1964). В газетных статьях последних лет говорится о «пресловутых винтиках», о том, что «строители коммунизма — не винтики», что «человек не винтик, он — личность», что «люди — не безликие винтики» и т. п. Ср.: Слишком много в последнее время написано о «*винтиках*», которые на самом деле вовсе

не *винтики*, и не хотелось бы повторяться! И все-таки... («Пр.», 14 янв. 1963).

Идеологической переоценке подвергаются не только такие метафоры, как «винтики», «обойма», но и ряд выражений с достаточно стертой образностью, которые осуждаются, так как отражают «несозвучные духу нашего времени» методы руководства, например, «спустить план», «дать команду». В рецензии на роман Б. Полевого «На диком бреге...», опубликованной в «Литературной газете», о герое романа говорится: «Ему ненавистен отвратительный термин «рабочая сила», который прилип к нам из буржуазной политэкономии. Строители для него не рабочая сила, а мыслящие индивидуальности, живые люди. В Литвинове все противостоит культу личности с его словечками,— увы! — не редкими в лексиконе, такими, как «хозяин», «сам», «дал команду».

— Разве на командах далеко уедешь? — говорит он друзьям,— «Хозяин приказал», «дал команду». Разве это коммунистическое? Слова эти не коммунизмом — казармой пахли».

58. В области поэтических символов можно отметить мало заметную на первый взгляд, но существенную эволюцию, которую претерпело метафорическое употребление слова *ветер*. После революции образ ветра в поэтическом языке — это олицетворение стихийных и необузданных сил революции. Ср. названия произведений о гражданской войне (Б. Лавренев — «Ветер», Вс. Иванов — «Цветные ветра»). В дальнейшем этот же образ постепенно становится символом уже не стихийных, а сознательных перемен, обновляющих сил, определенных веяний и т. д.[9] «Ветер» перестает быть стихийно разрушительным (хотя и освежающим) началом, каким он был представлен в литературе первых послереволюционных лет.

Различное метафорическое осмысление сопровождало в разные периоды и такие «погодные» обозначения, как *потепление*, *оттепель*, *заморозки* и т. п.

59. В сфере отвлеченной лексики осмысление и истолкование самих понятий играет решающую роль при словоупотреблении. Не только слова, непосредственно примыкающие к общественно-политическому словарю, отражают здесь различное понимание тех или иных явлений разными членами общества или смену оценок в различные периоды. С развитием советского общества из-

[9] В фельетоне Б. Егорова «Предвидение» рассказывается о предусмотрительном оформителе журнала, который еще до поступления материалов (и не зная, какие они будут) заказывает художнику-шрифтовику заголовки: «Оформитель посмотрел в потолок и начал диктовать: — Значит, так: «Ветер в лицо», «Навстречу ветру», «Свежий ветер»... Ветра, наверное, хватит.— Он сделал паузу.— Дальше: «Первые шаги»...» и т. д. В письме библиотекаря Б. Езерской, опубликованном в «Литературной газете» под рубрикой «Ох, уж эти читатели», говорится: «Северный ветер... Ветер с юга... Соленый ветер... Буйные ветры... Веют ветры.. Пусть не подумает читатель, что это сообщения бюро погоды. Нет, это названия книг советских писателей» («Лит. газ.», 27 дек. 1959).

менялось отношение к традициям (показательны словосочетания типа *новые традиции*, *создание новых традиций*, *новые обычаи* и т. п.), изменялись представления о нормах отношений между людьми, в связи с чем видоизменялось, в частности, содержание таких слов, как *непримиримость*, *гуманизм*, *доброта* и т. п.

В повести С. Воронина «Две жизни» герой рассказывает, как он испытал чувство жалости к героине: «Сколько было жалкого и беспомощного в ней! Я всегда знал, что жалость чувство плохое, унижающее того, кого жалеют, и только сейчас понял, что это ложь. Жалеть надо! Жалеть — это прекрасно! Это значит не оставаться равнодушным и черствым, обнадежить человека, прижать его к себе, если это ему нужно...» Ср. у В. Тендрякова в повести «За бегущим днем»: «— ... Я почувствовал, что я честен по своей натуре, что я добр... Да, и добр! ...Доброта... Мы как-то забыли это слово в своем первозданном значении. Добрый, добренький — в наших устах стало почти ругательством. Суровая эпоха не должна быть оправданием черствости». Ср. в газетной статье учительницы Л. Захаровой: «Но всегда ли мы, педагоги, бываем озабочены тем, чтобы ребята росли гуманными людьми? Я уже не решаюсь сказать по-старомодному «добрыми»; это слово у нас вообще иногда произносится не в похвалу, а как бы в укор: «Ишь какой добрый!» («Лит. газ.», 22 авг. 1963).

Совершенно ясно, что в подобных случаях от оценки понятия зависит и экспрессивная значимость слова, а в конечном счете и его семантическая характеристика.

Наряду с более или менее внешними поводами для переносного применения слов (например, применение слова *редиска* в 20-х годах для обозначения замаскированного врага — сверху красный, а внутри белый, применение слова *плесень* в 40-х годах и т. п.) наблюдаются и более сложные причины их метафорического развития, коренящиеся в тех или иных изменениях парадигматической сопоставленности определенных слов. Эти изменения также могут быть связаны с переосмыслением стилистической и экспрессивной значимости этих слов. Например, целая группа устаревших заимствований, употреблявшихся в литературном языке с XIX в. в качестве шутливо-иронических синонимов к исконным словам, приобретает в настоящее время новые сферы применения, а соответственно и новые «оттенки значения». *Баталия* употребляется (главным образом во множественном числе) применительно к спортивным состязаниям, *вояж* — применительно к поездкам, цель которых осуждается, оценивается отрицательно и т. д.

Перераспределение собственно стилистических и экспрессивно-оценочных элементов в различных пластах лексики—один из активных процессов развития лексического состава современного русского языка (см. об этом в четвертой главе).

Некоторые тенденции развития лексико-семантической системы современного русского языка. 60. В языке существуют бо-

лее регулярные и менее регулярные образования, между различными единицами того или иного уровня языка могут быть более регулярные и менее регулярные отношения, причем степень регулярности тех же самых образований и отношений должна оцениваться по-разному, в зависимости от того, под каким углом зрения они будут нами рассматриваться[10]. Например, метонимические перенесения названий, которые сами по себе в значительной своей части являются регулярными, т. е. одинаковы для слов, принадлежащих той же семантической группе, в то же время способствуют увеличению полисемии, нарушающей в целом регулярность лексико-семантических отношений (отдельное значение — отдельное наименование).

Но не только в случаях регулярных метонимических перенесений названий семантическая деривация может быть источником одновременно и усиления и ослабления регулярности внутрилексических отношений, или, точнее сказать, разных типов этих отношений. Например, терминологизация общеупотребительных слов, увеличивая многозначность последних, вместе с тем ведет к увеличению терминологических, т. е. системно организованных в семантическом плане, регулярных по своей сущности, полей в словаре, что нередко хотя бы косвенно отражается на связях, существующих и в общеупотребительной лексике, способствуя росту системности ее единиц.

Увеличение в наши дни удельного веса в составе общеупотребительной лексики терминологических обозначений, проникающих в повседневную литературную речь через самые разнообразные каналы (научно-популярные статьи в газетах и передачи по радио, публичные лекции на научные темы, внедрение в производство достижений науки, распространение специальной литературы, широкая сеть партийного просвещения и т. д.), влияет известным образом на внутреннюю организацию и некоторых нетерминологических групп слов, вызывая их перераспределение в соответствии с более регулярной схемой семантической парадигмы.

Однако регулярность последней очень часто увеличивается в языке в ущерб ф о р м а л ь н о - л е к с и ч е с к о й регулярности.

Для заполнения пустующих клеток лексико-семантической «матрицы» создаются составные, т. е. расчлененные, наименования, противоречащие требованию единства между формой и содержанием наименования.

61. Движению к большей регулярности словаря в целом препятствует не только указанное противоречие между разными аспектами этой регулярности, но и постоянно проявляющаяся в речи тенденция к созданию новых экспрессивных наименований. Не только потребности номинации новых предметов и яв-

[10] О понятии регулярности в лексике см. II, § 3.

лений действительности, но и стремление говорящих к экспрессивности в широком смысле, отталкивание от привычных речевых средств выражения поддерживает постоянный процесс семантической деривации.

Самое распространение терминологической лексики способствует не только усилению системных связей в словаре, но имеет и обратные последствия, вызывая метафорическое употребление ряда терминов, их детерминологизацию (см. об этом II, глава пятая).

62. Общее направление лексико-семантических изменений определяется, таким образом, в основном двумя противоречивыми, хотя и не прямо противопоставленными друг другу тенденциями.

Первая из этих тенденций — тенденция к регулярности. Она обусловлена знаковым характером языка как средства общения, средства выражения и сообщения мыслей. Языковые единицы имеют не самодовлеющую ценность, а только в связи с тем, что выступают обозначениями чего-то: поэтому в идеале каждому отдельному значению соответствует отдельный языковой знак в его материальном воплощении. Этой тенденции противостоит другая, тенденция к экспрессивности, обусловленная стремлением говорящих преодолеть языковой автоматизм, основанный именно на регулярности одно-однозначных соответствий. Обе эти тенденции сложно взаимодействуют на разных уровнях языковой системы, причем их действие сталкивается и с качественно иными движущими силами, значение которых возрастает вместе с закреплением в сознании говорящих представления о языковой норме, языковом стандарте. Эти силы, силы литературной традиции и «образца» литературной речи, препятствуют многим экспрессивным смещениям в языке, и они же удерживают в литературном языке целый ряд нерегулярных образований, от которых давно освободились менее связанные традицией просторечие и диалекты.

63. Многочисленные в языке случаи семантического стяжения и «семантической конденсации» (ср. *электрический поезд — электричка*; *выходной день — выходной* и т. п.) нужно рассматривать как одно из проявлений этого процесса, связанного с общей тенденцией к регулярности внутриязыковых соотношений, в том числе между формой и содержанием языковых единиц, — регулярности, способствующей языковому автоматизму.

Однако стремление к экспрессивности, к разрушению языкового стандарта постоянно приводит к созданию двучленных и многочленных обозначений вместо уже существующих одночленных: *белое золото*, *голубая целина*, *люди в белых халатах*, *труженики стальных магистралей*, *сержанты индустрии* и т. д.— все эти описательные обороты, непрерывно возникающие в газетной речи, представляют именно расчленение целостных смысловых единиц и выступают вместо нерасчлененных по форме обоз-

начений [11]. Описательные обороты столь же характерны и для разговорной и для художественной речи, и если они во многих случаях не становятся фактами языка, то тем не менее показательны, так как отражают стремление говорящих к созданию экспрессивных и оценочных обозначений. В самом же языке устойчиво закреплены многочисленные фразеологические словосочетания, также являющиеся экспрессивными синонимами уже существующих нерасчлененных обозначений предметов, действий и т. д., причем фразеологический состав языка непрестанно пополняется.

Фразеологические словосочетания, как известно, нередко подвергаются сокращению, но это не изменяет их общего характера как таких единиц языка, в которых предельно обнажено стремление говорящих заменять в определенных случаях регулярные слова-названия экспрессивными описательными оборотами.

Таким образом, тенденция к регулярности встречает противодействующую ей тенденцию к экспрессивности, ведущую к нарушению «закона» конденсации.

64. Для лексики важно соотношение данного наименования с другими наименованиями, с которыми оно так или иначе сопоставлено по смыслу (а иногда и по внешней форме). Если справедливо, что значение каждой языковой единицы не существует независимо от значений каких-то других единиц и, следовательно, собственное лексическое значение слова определяется не только его непосредственным «предметным содержанием», но и семантической соотнесенностью с рядом других слов,— то необходимо взглянуть на факты семантической (и формальной) расчленимости многих существующих в языке наименований с точки зрения их парадигматических связей внутри определенного смыслового поля.

Расчлененные наименования оказываются вполне закономерными в языке и обычно не подвергаются «конденсации» в тех случаях, когда их семантическая (и формальная) расчлененность соответствует семантической структуре лексической парадигмы, членами которой они являются. Например, *белый хлеб — черный хлеб, мягкий вагон — жесткий вагон, начальная школа — средняя школа — высшая школа* и т. п.

«Термины родства» еще более показательны в этом отношении. Они действительно являются «терминами» по своей пара-

---

[11] Понятно, что многие из подобных описательных оборотов, постоянно встречаясь в газетных текстах, утрачивают для читателя всякий отпечаток экспрессивности, воспринимаются уже только как шаблонные перифразы. Однако речь идет не об их экспрессивной значимости в тех или иных текстах, а о мотивах их появления в речи. Кстати, именно перифразы (так же, как и метафорические обозначения и синонимы с ярко выраженной стилистической окраской) и приобретают при повторном употреблении характер шаблонных средств языка, что как правило не может угрожать их стилистически нейтральным «нерасчлененным» эквивалентам (ср. *хлопок, океан* и т. д.).

дигматической организации, так как симметрично противопоставлены друг другу по строго определенным дифференциальным признакам и расчленяют без остатка соответствующее «семантическое пространство». Четкостью их парадигматических противопоставлений определяется их четкая членимость на семантические компоненты. Это обстоятельство как раз и способствует вытеснению прежних — именно нерасчлененных (семантически и по форме) — наименований аналитическими обозначениями. Так, в современной русской речи очевидно преобладание описательных наименований типа *брат жены*, *сестра жены*, *сестра мужа*, *брат мужа*, *муж сестры* и т. п., заменяющих старые *шурин*, *свояченица*, *золовка*, *деверь*, *зять* и т. п. Ср. оставшиеся общеупотребительными названия *двоюродный брат*, *двоюродная сестра* при социально и диалектно ограниченных, несмотря на их «нерасчлененность», *кузен*, *кузина*, *братан*.

Факты, которые могли бы свидетельствовать об известном усилении аналитизма[12] в лексике современного русского языка, неоднородны, а отчасти и противоречивы. Тем не менее они достаточно многочисленны, чтобы их можно было игнорировать.

Прежде всего можно указать на хорошо известные случаи замены глагольных наименований составными глагольно-именными сочетаниями (типа *оказать помощь*, *дать указание*, *произвести расследование*, *возыметь действие* и т. п.). Многие исследователи отмечали распространение этих сочетаний в русской речи послереволюционной эпохи; если отвлечься от стилистической оценки подобных конструкций, следует признать, что их основная функция — в частичном устранении лексической многозначности глаголов, т. е. в некотором корректировании семантического несоответствия между соотносительными обозначениями предмета и действия (ср. *указание — дать указание* и *указывать*, *гудок — дать гудок* и *гудеть*, *операция — произвести операцию* и *оперировать*, *осмотр — подвергнуть осмотру* и *осмотреть* и т. д.; этому способствует и неограниченная возможность расчленения глагольно-именного обозначения при помощи определений в других случаях: ср. *помочь* и *оказать неотложную медицинскую помощь* и т. п.). Не менее характерны для современного русского языка составные наименования типа *транспортные средства*, *торговые точки* и т. п.

Показательно, что в большей части многочисленных и разнообразных печатных выступлений по вопросам культуры речи отмечается наплыв подобных новообразований (и содержится их решительное осуждение). Вот один из возможных примеров. В брошюре «О родном нашем языке», опубликованной издательством «Известия» в 1961 г. после проведенного газетой широкого обсуждения вопросов культуры русской речи, разными авторами осуждаются такие наименования, как *торговая точ-*

[12] О тенденции к аналитизму в современном русском языке см. IV, § 2.

ка, *материальные ценности*, *транспортные средства*, *продукты питания*, *гужевой транспорт*, *отделение связи*, *головные уборы*, *постельные принадлежности* и т. д. «Раньше,— не без иронии пишет автор одной из статей,— строительные материалы, например, грузились в вагоны, на платформы, автомобили, телеги, повозки. Но к чему такое обилие слов? Теперь это все заменили понятием «транспортные средства». Навоз, когда его вывозят на поля, точно так же грузится в «транспортные средства»...» (стр. 57).

Каковы же причины распространения составных наименований этого типа в наши дни? Прежде всего следует заметить, что, осуждая подобные описательные обороты, многие рассуждают именно так, как автор приведенной цитаты: в языке есть слова *шапка*, *шляпа*, *кепка*, *берет*, *платок* и т. п., вместо того чтобы выбрать нужное слово, небрежные к своей речи люди начинают говорить *головной убор*; не затрудняя себя выбором нужного слова из группы *город*, *село*, *деревня*, *поселок* и т. д., эти же люди, привыкшие к «казенному языку», довольствуются сочетанием *населенный пункт*; они же «обезображивают» язык такими наименованиями, как *пищеблок*, *плавсредства*, *человекопосещения*, *стройматериалы* и т. д. Однако нетрудно заметить, что приведенные новообразования, какими бы неуклюжими они ни казались, в значительной своей части вовсе не являются «лишними» в языке. В определенных условиях говорящему как раз требуется дать обобщенное, «родовое» обозначение предмета, и тогда ему нельзя ограничиться выбором слова из ряда *вагон*, *платформа*, *автомобиль*, *телега*, *повозка* или *шапка*, *шляпа*, *кепка* и т. д., точно так же, как затруднительно давать перечисление этих «видовых» обозначений.

В отличие от экспрессивных описательных оборотов сочетания слов *головные уборы*, *транспортные средства* и т. д. представляют собой такие составные наименования предметов действительности, которые могут рассматриваться как аналитические формы лексем. Их появление в языке вызвано именно тенденцией к семантической регулярности, но в данном случае эта тенденция оказывается несовместимой с тенденцией к лексической цельнооформленности смысловых единиц, т. е. тенденцией к формально-лексической регулярности, и вступает с ней в противоречие.

В собственно семантическом плане тенденция к регулярности проявляется в образовании устойчивых наименований (расчлененных или же нерасчлененных по форме) с наиболее симметричным распределением дифференциальных семантических признаков, т. е. образующих, так сказать, заполненную и иерархически организованную лексико-семантическую парадигму. «Термины родства» представляют образец такой парадигмы в сфере бытовой лексики. Но в большей части случаев обиходные слова образуют несимметричные и прерывистые парадигмы.

Возьмем названия одежды. Само слово *одежда* неоднозначно в русском языке. Оно может обозначать, согласно определениям толкового словаря, и 'совокупность предметов (из ткани, меха и т. д.), которыми покрывают, облекают тело', и 'совокупность предметов, которые надевают поверх белья'. Таким образом, в первом случае словом обозначается также и белье и обувь, во втором случае оно вместе с соответствующими словами обозначает видовые понятия. Ср.: Он был добрый,— мог отдать последние деньги, *сапоги*, *шапку*, потом забывал об этом и носил неизвестно чью *одежду* (Э. Шим, Пикет 200); Он был студентом-стипендиатом своего кавалерийского корпуса — получал от него и денежное содержание, и *одежду*, и обувь (Из газет).

Логические родо-видовые отношения оказываются, следовательно, в данном случае, как и в ряде других, не выраженными в языке с достаточной определенностью. В то же время те реальные особенности предметов, которые оказываются семантически значимыми, поскольку определяют лексическое содержание каждого из слов группы (т. е. в лексико-семантическом плане выступают как дифференциальные признаки, по которым противопоставлены соответствующие обозначения внутри данной парадигмы), различные по своей природе, неравноценны и в отношении детализации значений (именно эта сторона и существенна для лингвистической характеристики той или иной тематической группы слов, а не описание самих реалий). Ср., например, соотношение нескольких слов, обозначающих верхнюю одежду: *пальто*, *плащ*, *пыльник*, *куртка*, *ватник*, *кожанка* и т. д. Признаки, выделенные при различении указанных предметов, по большей части индивидуальны для каждого слова (например, *пальто* определяется в МАС как 'род верхней одежды, обычно ниже колен, надеваемой поверх платья, костюма и т. п.', *куртка* как 'мужская верхняя наглухо застегивающаяся короткая одежда', *кожанка* же как 'кожаная куртка, пальто' и т. д.). Даже при учете непоследовательности многих словарных толкований бросается в глаза несоотносительность (и несимметричность) существенных для отдельных значений признаков.

При дальнейшем рассмотрении слов указанной тематической группы мы обнаруживаем то же самое. Значения слов *сапоги*, *башмаки*, *туфли* и т. д. покрываются значением слова *обувь*. Для слов же *шапка*, *картуз*, *шляпа*, *кепка* и т. д. такого обобщающего отдельного слова нет. Вместе с тем здесь опять-таки обнаруживается несоотносительность существенных признаков, определяющих эти значения, точно так же, как и их неравнозначность с точки зрения возможностей нейтрализации тех или иных элементов значения. Так, слово *шапка* при необходимости принимает на себя роль обобщающего названия (ср. в контекстах вроде *ходить без шапки*, *шапки долой* и т. п.), хотя в других случаях выступает как «видовое» название, сопоставленное с други-

ми из данного ряда (ср. в примере из романа Л. Леонова «Дорога на океан», приводимом в цитированном «Словаре»: — «Я тебе купила *шапку*, принесла. Ты примерь потом! Это глупо, таскать *картуз* в такую стужу»).

Чаще всего в условиях обычного речевого общения это не ощущается как какое-либо неудобство. Для многих тематических групп слов вообще характерна такая же ситуация: видовые понятия не объединены каким-либо реально существующим в языке родовым обозначением, причем его недостаток отчасти восполняется тем, что одно из видовых обозначений имеет одновременно и более общее значение, так же как в случае со словом *одежда*. Ср. с этой точки зрения соотношение внутри таких парадигматических рядов, как *уехать* и *уплыть*, *улететь*, *дорога* и *шоссе*, *автострада*, *проселок*; *улица* и *проспект*, *переулок* и т. д. и т. п. Тот дифференциальный признак, по которому слова семантически противопоставлены друг другу внутри соответствующего ряда, у одного из них легче нейтрализуется в определенных позициях, и оно получает возможность выступать как бы представителем всего ряда.

Однако в современных условиях жизни возникает целый ряд ситуаций, когда подобное словоупотребление становится неудобным и может привести к двусмысленности. Кроме того, наряду с существующими возникают новые предметы, а вместе с ними потребность в обобщенных наименованиях. Появление составных наименований для обозначения родовых понятий отражает как раз стремление к семантической регулярности, отвечая определенным общественным потребностям (например, организация плановой и планомерной торговли требует дифференцированных родо-видовых обозначений).

Другое дело, что целый ряд подобных наименований представляются многим из говорящих уродливыми, чуждыми духу русского языка. Иногда они действительно неудачны, но, разумеется, по большей части это не просто порождение бюрократического словотворчества (как, например, в случае с «палочными изделиями», которые справедливо высмеял К. И. Чуковский), а результат закономерного семантического развития языка, регулируемого общественными потребностями. Опять-таки другое дело, что самый характер общественных потребностей предопределяет стилистические границы применения данных наименований, и нарушение этих границ не может быть оправдано с точки зрения культуры речи.

65. Тенденция к семантико-парадигматической регулярности названий определяется потребностью не только обобщений, но и дифференциации. «На фоне активных процессов номинации развивается широкая терминологизация речи. Эта тенденция выражается в многообразных формах, получая опору в условиях нашей общественной жизни. Плановое хозяйство и хозяйственный учет, связанный с фиксацией каждой отдельной операции, далеко иду-

щее разветвление наук, производств, дифференциация труда и трудовых процессов, необходимость соблюдения определенного порядка в общественной деятельности вызвали потребности точной квалификации и удобной для обобщения номинации отдельного акта, деятеля, явления, операции»[13]. Все это также может приводить к нарушению «формально-лексической» регулярности. Характерный пример — применение сочетания *ливневые дожди* в метеосводках вместо *ливни*. Ср. *шоссейная дорога* наряду с *шоссе*, *пищевые продукты* наряду с *пища*, *отделение связи* наряду с *почта* и т. д. Большая же часть составных наименований связана, естественно, с новыми предметами и явлениями (*стиральная машина*, *шагающий экскаватор*, *товарищеский суд*, *общественное поручение* и т. п.). Как неоднократно указывалось в литературе, особенно характерными для современной эпохи являются различные виды сложных (в том числе с усеченной первой основой) обозначений, часть которых обозначает, как отмечалось выше, «родовые» понятия (*плавсредства*, *стройматериалы*, *стеклотара* и т. п.), но, по-видимому, основная масса служит названиями именно новых предметов и явлений (*электробритва*, *фотолаборатория*, *гидродобыча*, *радиолокатор*, *автопутешествие*, *лесохимия* и т. д.). При большей формальной цельности, чем составные наименования предыдущего типа, они сохраняют отчетливо мотивированную семантическую членимость.

Можно думать, что статистические подсчеты подтвердили бы эмпирические наблюдения над возрастающей по сравнению с суффиксальными образованиями ролью подобных наименований. По-видимому, это находится в общем русле того, что «в словообразовании и в словоизменении действуют единонаправленные тенденции: ослабить некоторые постфиксальные показатели у имен» [14].

Непосредственное ощущение говорящих как будто свидетельствует о том же. Характерны, например, сетования писателя А. Югова: «С помощью суффиксов орудийности можно легко, и вполне в духе языка, создавать новые понятия для какой угодно области производства, для любой отрасли науки. А то ведь у нас народное искусство — создавать новые производственные русские термины — уже настолько заброшено, что кажется, что и нету других способов, как только через производство сложных слов... Что ж, и это неплохой и плодоносный способ, но ведь он отнюдь же не единственный и не главный! А вот овладеть нехитрым, но забытым уменьем оснащать корень слова суффиксом орудийности — это совершенно необходимо людям самых разных призваний»! [15]

---

[13] «Русский язык и советское общество. Проспект». Алма-Ата, 1962, стр. 14.

[14] Там же, 59.

[15] А. Югов. Судьбы родного слова. М., 1962, стр. 129—130.

«Мотивированность» или «немотивированность» слова, уже существующего в языке,— это факт, который говорящие вынуждены безоговорочно принять.

Но когда перед говорящими новое слово, оно почти неизбежно воспринимается как «придуманное» кем-то, и говорящие чувствуют себя вправе принять или отвергнуть его. Этим приятием или неприятием в конечном счете и определяется языковое развитие. Поэтому протесты против «засорения языка» теми или иными новообразованиями, равно как и соображения в их защиту, идущие и от нелингвистов, в целом представляют несомненный лингвистический интерес,—разумеется, при условии, что они не отражают только личные вкусы отдельных индивидуумов. Другое дело, что — обычно безымянные — авторы лексических нововведений имеют в современных условиях мощные средства воздействия на широкие массы носителей языка, такие, как радио, телевидение, различного рода объявления, этикетки и инструкции к выпускаемым товарам и т. д.

В эпоху, подобную нашей, когда в жизни общества произошли крупнейшие социальные сдвиги, когда появились и появляется множество новых предметов, формируется целый ряд новых понятий, требующих особых наименований, вопрос о «мотивированности» новых обозначений играет существенную роль. Наиболее жизненными оказываются или слова с предельно (в соответствии с возможностями языка) мотивированной формой, или же, наоборот, вообще исключающие анализ «внутренней формы». К последним относятся заимствования и образования на основе иноязычных морфем (или по подобию иноязычных, ср. ряд научных терминов, технических названий и т. д.), форма которых свободна от непосредственных «этимологических» ассоциаций, а потому и не вызывает сама по себе сомнений (разумеется, этим не исключаются сомнения в оправданности самого заимствования, но это уже иной вопрос). На другом полюсе находятся сложные и составные наименования, смысл которых как бы раскрывается самой аналитической формой. Суффиксальные же образования часто оказываются как раз недостаточно «мотивированными» из-за присущей значительной части словообразовательных суффиксов многозначности и семантической перегруженности производящих основ. Наиболее естественными из этих образований кажутся те, которые не только следуют наиболее однозначным моделям, но и получают, условно говоря, вторичную семантическую мотивировку в системе определенных тематических подсистем лексики. Сложные и составные наименования не знают такого рода ограничений, чем и объясняется, в частности, их распространение в наши дни.

Глава четвертая

Стилистические изменения в лексике. *Обостренно-напряженное протекание стилистических процессов в современной русской лексике. «Нейтрализация» стилистически окрашенной лексики. Утрата стилистической окрашенности словами, пришедшими в литературный язык из просторечной лексики и жаргона. Перемещение слов, стилистически нейтральных, в группы книжной, торжественной или же, наоборот, разговорной лексики. Приобретение словами оценочных функций. Изменения стилистических процессов в разные периоды развития современной лексики.*

Причины стилистических преобразований в разные периоды: изменение состава носителей литературного языка и способов его усвоения, эмоционально напряженная жизнь общества, изменение коллективной оценки многих общественных явлений и др. Действие этих факторов в разные периоды развития современной лексики.

66. Вполне закономерно, что в эпоху крупных социальных преобразований, стремительного расширения круга носителей литературного языка экспрессивно-оценочная и стилистическая значимость отдельных слов и целых групп слов подверглась значительным изменениям.

Новые контексты употребления многих слов, обусловленные социальными переменами в стране, вызывали переосмысление этих слов применительно к данным контекстам.

Типические контексты употребления тех или иных языковых единиц, отражая внешние по отношению к языку условия жизни общества, связаны в то же время с собственно языковой характеристикой данных единиц — с фразеологическими и стилистическими особенностями их сочетаемости. Изменение последней — естественный и неизбежный процесс, зависящий от непрерывного применения языка в самых разнообразных сферах жизни общества, в различных социальных коллективах. Усвоение языка новыми поколениями говорящих всегда приводит к стилистической переоценке отдельных языковых единиц. То, что в послереволюционную эпоху активными носителями литературной

речи становились все новые и новые слои общества, ранее владевшие диалектной речью или городским просторечием, не могло не способствовать изменению сочетаемости некоторых слов и вследствие этого стиранию у ряда слов тех стилистических и экспрессивных оттенков, которые поддерживались прежней литературно-речевой традицией.

67. Выше говорилось о том, что многие из социально-политических, государственно-административных и т. д. терминов представлялись непригодными для функционального перенесения на новые явления, хотя через некоторое время — в конце 30-х и в 40-е годы — часть из них была вновь «легализована» и заменила собой соответствующие новые обозначения.

Сложнее обстояло дело с переоценкой стилистических норм словоупотребления.

Стремление некоторых пишущих противопоставить литературно-нормированному языку необработанный «язык масс», как известно, не встретило широкой общественной поддержки и в общем не поколебало установившуюся литературно-языковую традицию. Однако во многие сферы речевого общения в различных дозах проникли нелитературные слова и выражения, на первоначальную стилистическую окраску которых наслаивались в связи с этим новые экспрессивно-стилистические оттенки. Диалектная, жаргонная или просторечная прикрепленность ряда таких слов начинала восприниматься носителями литературного языка сквозь призму новых применений этих слов в определенных жанрах письменности или определенных ситуациях устного общения.

В конце 20-х годов Б. М. Эйхенбаум констатировал: «Прежнее созданное усилиями XIX века единство литературного языка распалось. У нас опять — многослойность, многостильность: смесь диалектов и жаргонов, политические термины, газетная речь, ораторские штампы, мещанская фразеология и т. д. Отсюда — развитие комических жанров (Бабель, Зощенко), выдерживающих нагрузку всех этих элементов. Идет перелицовка старых речений на новые в связи с ощущением нового быта и даже с комическим оттенком: вместо «домашнего очага» — «домашний примус». Мы, по-видимому, двигаемся постепенно к выработке нового «среднего стиля»...» [1]

Наплыв в письменную речь 20-х годов диалектных и просторечных, даже вульгарных слов оказался поверхностным и временным, хотя и имел определенные последствия для дальнейшего развития литературного языка. Некоторые из этих слов, относящиеся преимущественно к бытовым явлениям, в силу своей «грубости», подчеркнуто внелитературной окраски вызвали в дальнейшем как бы обратную реакцию со стороны говорящих — своеобразную «гиперкоррекцию вежливости». Ср., например, упот-

[1] «Читатель и писатель», 1928, № 17.

ребление глагола *шамать* в нейтральных контекстах 20-х годов и употребление пресловутого *кушать* в настоящее время [2].

68. Внутри той группы проникших в газетную и вообще письменную речь слов, которые носителями литературно-нормированного языка в 20-е годы воспринимались как резко окрашенные просторечные слова, принадлежащие «языку деревни, фабрики, низких городских слоев» [3], уже, по-видимому, с середины 30-х годов обозначился отчетливый водораздел, размежевавший слова, в значительной степени утратившие отпечаток своей стилистической инородности, и слова, которые совершенно явно остались в просторечии. Так, с одной стороны оказались *парень*, *ребята*, *склока*, *склочник*, *нехватка*, *учеба*, *афера*, *сколотить*, *разбазарить*, *подстегнуть*, *лодырничать*, *одернуть*, *зря* и т. п., с другой — *буза*, *трепач*, *сволочь*, *хай*, *глотничать*, *выпереть* (откуда-нибудь), *пешедралом*, *припаять*, *взять за жабры*, *гнать норму* и т. п.

Естественно, что в 20—30-е годы происходило заметное перемещение слов из различных стилистически окрашенных групп в состав лексики нейтральной.

Уже в 20—30-х годах распространилось нейтральное восприятие разговорных слов *верхушка* ('руководящая часть какой-нибудь организации'), *вожак*, *проработать*, *увязать* ('согласовать'), *беспрерывно*, *жилье* [4] и т. п.

Из числа оценочных слов (§ 77), подвергавшихся стилистической нейтрализации [5], отметим слово *выпятить* 'выделить, сделать заметным'. Ср.:

---

[2] Например: Обеденный перерыв. Быстро *пошамали*, и Маруся — молодая работница — по обыкновению берется за газету. — Слушайте, бабочки, сегодня о колдоговорах («Работница», 1926, № 22); Во время полета я жил и работал по программе, составленной на земле. Очень много внимания уделял различным опытам и экспериментам. *Кушал* четыре раза в сутки. Питание было обычное земное («Лит. газ.», 28 мая 1963).

[3] См.: А. М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928, стр. 70 и след.

[4] Изменение восприятия слова *беспрерывно* подтвердилось при массовом опросе: лица самого старшего поколения (опрошено 250 человек) дали 30,3% ответов, свидетельствующих о восприятии этого слова как нейтрального, остальные возрастные группы дали 43,8% таких ответов (всего опрошено больше 1000 человек). Слово *жилье* в СУ отмечено как просторечное. СО характеризует его как разговорное, а в последнее время это слово стало употребляться и в деловой речи. Слово *вожак* 'руководитель': лица самого старшего поколения дали 40,4% ответов, свидетельствующих о восприятии его как нейтрального, остальные возрастные группы — в среднем 62,8% таких ответов. Широкое распространение в начале 30-х годов нейтрального восприятия слова *вожак* 'руководитель' отметил СУ (*вожаки* ударных бригад). Утрата окраски слова *вожак* в указанном значении сопровождалась изменением его предметного содержания: как нейтральное это слово употребляется только по отношению к руководителям каких-нибудь организаций, общественных движений и т. п.

[5] Под «стилистической нейтрализацией» тех или иных лексических единиц здесь понимается утрата ими стилистической отмеченности, их включение в состав нейтральной в стилистическом отношении лексики общелитературного языка.

Диалектика марксизма-ленинизма... дала возможность нашей партии выделить, *выпятить* руководящую основу противоречивого развития в условиях нэпа («Под знаменем марксизма», 1931, № 1); Театр должен был найти пути и средства, чтобы *выпятить*, подчеркнуть элементы социальной сатиры в пьесе («Изв.», 10 апр. 1935).

О стилистической нейтрализации книжных, возвышенных слов в 20-х годах говорит А. М. Селищев: «В течение времени некоторые из этих слов с распространением в широких кругах становились терминами обиходной речи, равнозначащими с прежними словами, близкими к ним по значению» [6]. Вот некоторые из приведенных им примеров употребления книжных слов в разговорной речи: Какие *предпосылки* для этого? Я не *мыслю*, чтобы это было так. Мы еще не знаем, *поскольку* (=потому что) секретарь отсутствует (Из речи рабфаковца).

В 20-е годы стилистическая нейтрализация протекала достаточно интенсивно. Важность, значительность пережитых событий, коренная ломка вызвали необычайно эмоциональное, оценочное отношение нового общества к окружающей действительности. Высказываниям о величии задач революции, о коммунистических идеалах, о достижениях и трудностях в строительстве новой жизни был свойствен патетический, торжественный тон. Выражением резкого осуждения, гнева, презрения, насмешки сопровождались высказывания о происках врагов, о действиях, наносящих вред советскому строю, и т. п. Стремление давать предмету эмоционально-речевую оценку распространялось и на самые разнообразные бытовые события и факты.

Из высоких слов и архаизмов наиболее часто служили для придания речи возвышенного эмоционального тона слова *вкупе*, *воздать*, *вотще*, *всуе*, *все и вся*, *гордыня*, *грядет*, *десница*, *доколе*, *зиждется*, *приемлет*, *стезя*, *тем паче*, *уготовить*, *узреть* и др.

69. Активизация в устной и письменной речи 20-х годов книжной лексики была вызвана стремлением народных масс к культуре, в частности к овладению нормами литературного языка. Это стремление активно поддерживалось тем обстоятельством, что многие авторитетные деятели революции были представителями интеллигенции. Как отмечает А. М. Селищев, «после революции 1917 г. языковые черты речи революционеров стали распространяться весьма интенсивно, проникая в широкие слои населения городского, фабрично-заводского и отчасти деревенского» [7].

Активизация экспрессивно-стилистической лексики создавала условия для перемещения экспрессивно-окрашенных слов в состав нейтральной лексики.

---

[6] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 47, 51.
[7] Там же, стр. 27.

Как известно, частое употребление стилистически окрашенных слов приводит к тому, что их стилистическая окраска перестает ощущаться говорящими и слушающими; такие слова начинают восприниматься лишь как привычная (и даже в какой-то мере обязательная), но не несущая особой стилистической нагрузки принадлежность определенных устойчивых контекстов.

70. Развитие стилистической системы в дальнейшем отчасти сохранило тенденции, наметившиеся в 20-е годы, отчасти же их изменило. В 40—50-е годы утрачивают стилистическую отмеченность новые ряды слов, относившихся к высокой лексике. К числу их принадлежат, например, возвышенные слова *воин*, *останки*, *прах* (тело умершего) и «реставрировавшиеся» в литературном языке в 40—50-х годах слова *воочию*, *врачевать*, *ныне* (в СУ они отмечены как устаревшие). Вот некоторые примеры употребления их в текстах, исключающих торжественный тон речи:

К нам приходит много демобилизованных *воинов* с довольно смутным представлением о рыбацкой профессии; Об этом свидетельствуют бронзовые горняцкие орудия труда, найденные рядом с *останками* древних людей; По другой версии, Грозный был отравлен. Действительно, анализ *праха* выявил в нем два отравляющих вещества: мышьяк и ртуть; Что он *поведал* мне? Производственное управление освободило его от заведования фермой в совхозе «Кальпинский»; Накануне сева условились платить свекловодам за каждый центнер собранных корней по рублю (*ныне* по 75 копеек); Неизбежный отход этого производства — азот. *Ныне* его выбрасывают в атмосферу; Наконец, до войны было немало специальных учреждений — диспансеров и лечебниц, лечебно-трудовых колоний, где алкоголиков и *врачевали*, и воспитывали трудом; Женщины и дети *воочию* увидели, как сыщики вели закованного в наручники Освальда (Из газет 60-х годов) [8].

Ср. также употребление книжных слов *надобно* и *нежели* в речи, отличающейся сниженным стилистическим тоном: Еще *надобно* купить садовых ядов и перечислить за бензин и покрышки (В. Лукашевич, Перепеловский председатель, 1955); Легче отработать две смены подряд, *нежели* добраться на работу или с работы (Из письма в «Изв»., 17 апр. 1965).

71. Наблюдается повторное перемещение в состав нейтральной лексики некоторых слов, получивших стилистическую отмеченность в советское время. Так, вновь стало обычным употребление за пределами фамильярно-окрашенных текстов слова *газетчик*. Ср.: Газета берет человека всего, и тот, кто познал атмосферу редакционного дома, полюбил свежий, пахнущий типограф-

---

[8] Стилистическая нейтрализация слов, приведенных в этих примерах, однако, еще не закреплена в языке, она еще достояние речи, и будет ли закреплена в языковых нормах — покажет будущее.

ской краской газетный лист, нашел друга-читателя, тот человек станет *газетчиком* на всю жизнь («Пр.», 17 февр. 1956)[9].

Часто используются как нейтральные в оценочном отношении слова *вмешиваться*, *зачинщик*, *соучастник* и некот. др., перешедшие в состав оценочных к началу 30-х годов [10] (о понятии «оценочная лексика» см. далее, II, § 77). Ср., например:

Я считаю работу месткома хорошей. Местком, например, постоянно *вмешивается* в работу профоргов (Из устной речи, 1963); Он был *зачинщиком* переписки между пятигорскими ребятами и пионерами одной из школ города Герлица в ГДР; Этот инженер... — бывший *соучастник* предприятий группы короля калифорнийской военно-судостроительной промышленности Кайзера (Из газет 60-х годов).

Частое употребление стилистически окрашенных слов в условиях, противопоказанных лексике этого типа, говорит о восприятии таких слов многими носителями языка как нейтральных. Это подтвердил и массовый опрос. Так, выяснилось, что в настоящее время не ощущают торжественной окраски у слова *ныне* 90,2% информантов; больше половины информантов воспринимают как неоценочные слова *останки* (67,5%), *расчетливость* (65,2%), *зачинщик* (59,9%), *огласка* (57,6%) и др. В других случаях процент ответов, свидетельствующих о нейтральном восприятии подобных слов, сравнительно невелик (например, для слова *соучастник* он составляет 24,6%, для слова *вмешиваться* — 23,4%), но зато обнаруживается, что нейтральное восприятие этих слов больше распространено среди лиц младшего возраста.

72. Для современной деловой и газетно-публицистической речи характерно, в частности, своеобразное совмещение различных рядов слов, относимых, с одной стороны, к разговорной, с другой — к высокой, или книжной, лексике. Эти слова перестают быть противопоставленными друг другу в плане стилистических разгра-

---

[9] Слово *газетчик* 'газетный работник, журналист' «Русско-французский словарь» под ред. Л. В. Щербы (М., 1936; далее сокращенно: СЩ) отмечает как нейтральное, а в СУ оно дано с пометой *разг. фам.* Разница в пометах к слову *газетчик* в СЩ и СУ не случайна: СЩ отражает стилистическое восприятие этого слова, имевшее распространение в дореволюционный период и частично сохранившееся к началу 30-х годов, СУ — более новое его восприятие. Приведенное ниже высказывание В. Маяковского позволяет судить о времени и о причинах приобретения словом *газетчик* фамильярной окраски: «Чистые литераторы орут — газета снижает стиль, газета повседневностью оттягивает от углубленных тем. «*Газетчик*», с легкой руки Тальникова, начинает становиться в определении писательских размеров чуть ли не бранным словом» («Журналист», 1929, № 4).

[10] В СУ слова *вмешиваться*, *зачинщик*, *соучастник* уже отмечены как оценочные. Ср. примеры, свидетельствующие о былой нейтральности слова *зачинщик*: Непосредственно решает *зачинщик*, руководитель, гегемон-пролетариат («Изв.», 5 марта 1925); В часы унылого безделья, | Когда тоске пределов нет, | Он был *зачинщиком* веселья | И строгих длительных бесед (А. Безыменский, Петербургский кузнец, 1937—1939); Пионерский отряд в Ключевском колхозе Васильевского сельсовета явился *зачинщиком* культурных мероприятий («Изв.», 9 окт. 1935).

ничений, стилистическая же окраска в ряде случаев становится экспрессивно-оценочным элементом их семантики. Ср. употребление в стилистически однородных контекстах таких слов, как *свершения*, *деяния*, *чаяния*, *ратный*, *сугубый*, *поприще*, *воистину*, *доколе*, *достояние*, *заточить*, *возгордиться*, *зиждется* и т. д., с одной стороны, и таких, как *неувязка*, *волокита*, *волынка*, *зажим*, *дутый*, *перегиб*, *зазнаться*, *поправить* (кого-либо), *продеть* (в газете и т. п.), *шумиха* и т. д., с другой. Экспрессивно-оценочные моменты отодвигают в сторону собственно стилистическую значимость этих и подобных им слов.

Стилистическая нейтрализация в деловой и газетно-публицистической речи книжных и разговорных элементов словаря приводит к перемещениям и внутри синонимических рядов, между членами которых возникают новые парадигматические отношения. Появляется возможность конкретного совмещения разностильных синонимов, как, например, в сочетаниях типа *пойти по пути сокрытия и замазывания недостатков*, *возгордился и зазнался*, *передовики и новаторы производства* и т. п. В то же время газетно-публицистический и деловой стили речи оказывают в настоящее время, как отмечалось исследователями, все большее влияние на собственно разговорную речь, что проявляется в основном как раз в области лексики. Разговорные элементы, таким образом, возвращаются туда в стилистически и экспрессивно преображенном виде.

73. Экспансия жаргонных и профессиональных (не специальных) слов встречает в настоящее время сильный отпор со стороны значительной части носителей языка. Поэтому крайне немногочисленны случаи вхождения подобных слов в общелитературный язык. За исключением фельетонов, они почти не проникают в письменную речь.

Несколько свободнее включаются в речь, ориентированную на «правильность», слова и выражения, получившие лишь некоторое семантическое видоизменение в профессионально-жаргонном употреблении, но не оторвавшиеся при этом от своего первоначального смыслового стержня. Ср., например, употребление слов *координаты* ('местонахождение'), *вариант* (в значениях 'возможность', 'предложение', 'план'), возникшее, может быть, в среде геологов-изыскателей. Например:

Заехал бы хоть внука посмотреть, если жить со мной не хочешь. Вот мои *координаты*.— И Николай написал адрес (С. Антонов, Дедушка); Диспетчер записала фамилию, имя, отчество, «*координаты*» и даже, на всякий случай, ученое звание посетителя (Из газет 60-х годов); — Пошли в пельменную, там посидим, а потом у меня есть один *вариант*...— Олег многообещающе ухмыльнулся и подмигнул (Н.Дубов, Жесткая проба);А почему обращаться непременно к соседям? Что, если обратиться к Наташе?— Вот это *вариант*! — обрадовался Валера (А. Добровольский, Угловая комната); Впрочем, мы не настаиваем на этом предложении.

Как говорят, возможны *варианты* (А. Вихрев, Коварство и любовь).

Нетрудно заметить, что вообще в ряде случаев употребление слова в переносных значениях (с сохранением яркой внутренней образности) ограничивается разговорной речью, не приобретая права «литературности» (*загорать*, *голосовать*, *дикий*, *левый* и т. п.). При воспроизведении этих слов (в переносных значениях) в письменной речи они обычно берутся в кавычки, чем как бы отмечается окказиональность их значений.

Довольно значительное число слов, имеющих (помимо «общелитературных») специальные значения, образовано именно на основе последних серий экспрессивных синонимов (*вкалывать*, *накладка*, *накачка*, *пропесочить*). Подобные образования обычно ограничены сферой фамильярной речи.

74. Наряду с утратой стилистической окраски рядом слов в советский период происходило перемещение слов из состава нейтральной лексики во все группы лексики стилистически окрашенной; шел также и обмен между различными группами стилистически окрашенной лексики [11].

Из состава нейтральной лексики слова перемещались в группу лексики разговорной [12]. Эти перемещения сопровождались сокращением употребительности слов, и от того, насколько сокращалась употребительность, зависела степень интенсивности приобретаемой словами разговорной окраски. При резком сокращении употребительности нейтральные слова уходили за пределы литературного языка, в просторечие. В разряд просторечных переходили и разговорные слова.

Так, например, слова *отвертывать* (*-ся*), *повертывать* (*-ся*), *давеча*, *зачать* (‘начать’) в наше время имеют интенсивную разговорную окраску. В дореволюционный период все эти слова без какого-либо особого стилистического задания естественно включа-

---

[11] О перемещении в советское время слов, стилистически нейтральных, в состав стилистически окрашенной лексики свидетельствуют: а) более частое использование этих слов в текстах, противопоказанных стилистически окрашенной лексике того или иного типа в досоветский период по сравнению с нашим временем; б) более частое употребление слов в такого рода текстах в советское время лицами, языковые нормы которых сложились до революции, в сравнении с лицами, языковые нормы которых сложились после революции; в) более широкое распространение восприятия слов как нейтральных в наше время среди лиц первой из указанных возрастных групп, чем среди лиц второй возрастной группы (по результатам массового опроса); г) материалы словарей, последовательно дающих словам стилистическую характеристику: Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940), Русско-французского словаря под ред. Л. В. Щербы (1936) и Словаря русского языка С. И. Ожегова (1-е изд., 1949).

Свидетельства участия слов в процессе стилистической нейтрализации дают материалы массового опроса, данные словарей и высказывания современников.

[12] Под разговорной лексикой понимается лексика, составляющая специфическую принадлежность устной речи, обслуживающей обиходно-бытовую сферу общения.

лись не только в разговорную речь лиц из интеллигентской среды, но и в произведения на научные или общественно-политические темы. Так же употреблялись эти слова и в советское время. Например:

Я просто указываю на вопиющие жизненные факты, от которых ни один уважающий себя русский человек не смеет *отвертываться* («Север», 1888, № 4); Оценив Бетховена и его титаническую силу, он вместе с тем *отвертывается* от него, потому что Бетховен ничего не говорит его душе (А. Луначарский, В мире музыки, 1921); Когда мы говорим «подсолнечник», мы совсем не думаем о том, что цветок этот *повертывается* «под солнцем» (С. Карцевский, Повторительный курс русского языка); Что может иметь своим последствием образование на месте ядра, в котором бы *зачалось* единение вместо розни, взаимная поддержка вместо постоянной борьбы? («Русская мысль», 1883, кн. 1); В свою очередь это пришло от парижских новинок, любования импрессионизмом и *зачинавшегося* еще только неоимпрессионизма (И. Грабарь, Моя жизнь).

Ср. употребление слова *давеча* в речи персонажей — представителей образованных слоев общества при общении их с лицами своего круга:

— Я тебе уже *давеча* раз уступил,— опять стукая молотком в землю, кричал Игнатий,— ты еще *давеча* нарушил правила (И. Бунин, На даче, 1895); *Давеча* я тут говорил... Все это можно было сказать иным тоном, конечно (М. Горький, Чудаки, 1910). В авторской речи: Когда я писал *давеча* об языке Островского, я тогда же подумал о гр. Толстом («Северный вестник», 1886, № 6); Шепот, который Авилов слышал *давеча* за стеной, перешел в сдержанный, но довольно громкий разговор (А. Куприн, Ночлег, 1895); Приятное возбуждение, то самое, с каким он *давеча* танцевал мазурку и слушал музыку, теперь томило его и вызывало в нем множество мыслей (А. Чехов, Черный монах, 1894).

Слова *отвертывать* (*-ся*), *повертываться* (*-ся*) в СУ отмечены как нейтральные. Это свидетельствует о том, что восприятие их как разговорных распространилось в среде носителей литературного языка, вероятно, сравнительно недавно. Но СЩ дает и слово *давеча* без стилистических помет, как слово, принадлежащее к нейтральному слою лексики литературного языка (слово *зачать* в значении ‘начать’ в этом словаре отсутствует).

75. Для советского времени был характерен также переход ряда слов из состава нейтральной и разговорной лексики в состав лексики книжной[13]. Этого рода

[13] Под книжной лексикой понимается лексика, составляющая специфическую принадлежность тех речевых разновидностей, обслуживающих общественно-политическую, научную и т. п. сферы общения, для которых наиболее типична письменная форма речи.

В составе книжной лексики выделяются группы слов, закрепленных за конкретными разновидностями и жанрами книжного стиля (научно-деловым, официально-канцелярским, газетно-публицистическим).

перемещения также были связаны с сокращением употребительности слов; при резком сокращении употребительности слова переходили в разряд устарелых.

Из числа слов, закрепившихся в советское время за книжным стилем в целом, можно отметить слова *чрезвычайно* и *принудить*; из слов, которые закрепились за различными разновидностями научно-делового стиля, — *декорировать*, *интенсивный*, *отстоять* ('находиться на каком-нибудь расстоянии'); слово *уведомить* принадлежит к числу слов, переместившихся в состав официально-канцелярской лексики [14].

76. Характерным явлением советского времени было также приобретение нейтральными и общекнижными словами торжественной окраски [15].

Так, на переход слова *меж* в состав возвышенной лексики указывает СУ: он отмечает это слово как устарелое и торжественное. Цитатный материал свидетельствует, что торжественную окраску слово *меж* приобрело в послереволюционный период:

В 1889 году я проплыл *меж* Жигулей в лодке (В. Короленко, Современная самозванщина, 1896); — Что спорить? Сама по себе артель, разумеется, дело хорошее,— говорит Даев, стройный парень с черною бородою и презрительно-надменною складкою *меж* бровей (В. Вересаев, Поветрие, 1898); Узкие дороги *меж* плетней с весенних дней до заморозков лежали над болотцами (К. Федин, Города и годы, 1924); Мечик уже видел японцев: они наступали несколькими цепями, перебегая *меж* кустов (А. Фадеев, Разгром, 1927).

К числу переместившихся в состав возвышенной лексики относятся также слова *овеять* 'обдать' (струей воздуха, ветра и т. п.), *огласить* 'наполнить звуками', *озарить* 'ярко осветить' [16]. Ср. использование их писателями досоветского времени и советскими писателями старшего поколения в текстах, где торжественный или поэтический тон речи не соответствует заданиям авторов:

Гостиница была уже близко... Лицо Самгина *овеял* теплый запах съестного (М. Горький, Жизнь Клима Самгина, 1927—1936; Пряное дыхание закусок *овеяло* стол (К. Федин, Похищение Европы, 1934); Взрыв хохота *огласил* комнату (К. Станюкович, Василий Иванович, 1886); Сверлильные станки *оглашали* воздух

[14] В СУ слово *уведомить* дано с пометой *офиц.*; слово *интенсивный* — с пометой *книжн.*; остальные отмечены как нейтральные (слово *декорировать* дается с пометой *книж.* в СО).

[15] Торжественная (или возвышенная, высокая) лексика составляет особую группу внутри лексики книжной. Сфера ее применения ограничена по преимуществу речью публицистической, ораторской, поэтической. Однако своеобразие этой лексики не в сфере ее употребления, а в ее эмоциональной окраске: возвышенная лексика служит для придания речи торжественного, приподнятого эмоционального тона, для выражения поэтического настроения. Именно характер эмоциональной окраски возвышенных слов обусловливает сферу их закрепленности.

[16] У слова *озарить* изменилось и предметное содержание: как нейтральное оно употреблялось в значении 'осветить'.

нестерпимым, тонким и резким визжанием (А. Куприн, Молох, 1896); Это тусклый и лучистый, желтоватый блеск замерзшего окна, за которым вокзальный фонарь. Он мутно и неприятно *озаряет* сумрак вагона (И. Бунин, Новая дорога, 1901) и т. п.

77. В советский период происходило также перемещение нейтральных в оценочном отношении слов в разряд оценочной лексики. Таким путем пополнялись оба вида этой лексики — и лексика интеллектуально-оценочная, и лексика эмоционально-оценочная[17]. Например, в наше время имеет широкое распространение восприятие как интеллектуально-оценочных слов *взвинтить* 'привести в состояние возбуждения, взволнованности' (а также его производных), *насаждать*, *сговор*. В досоветский период было широко распространено восприятие их как нейтральных в оценочном отношении. Об этом свидетельствуют как указания словарей, так и многочисленные литературные примеры:

Это зависит только от *сговора* членов Думы между собой. Если члены сговорятся между собой насчет того, чтобы выбрать 60 человек крестьян на 100, то фактически это может быть проведено при том способе, который предлагается (Стенографические отчеты Государственной думы, 1907); Тов. Евгения Бош, став Нарсекретарем по внутренним делам Украины, распорядилась, без всякого предварительного *сговора* со мною, устранить назначенных мною комиссаров (В. Антонов-Овсеенко, Записки о гражданской войне, 1924); Нужно развивать производственные силы страны, нужно расширять сеть железных дорог, нужно *насаждать* школы (Стенографические отчеты Государственной думы, 1907); Можно ли было в 1912 году, во время процесса Бейлиса, представить себе, что через шесть лет гражданин Виппер будет сотрудничать в Калужском продовольственном комитете и способствовать *насаждению* советского социалистического строя (Н. Крыленко, Обвинительные речи, 1919); Проект этот является началом осуществления грандиозной программы в области *насаждения* специального образования среди широких рабочих масс («Кр. газ», 15 янв. 1920); Дядя всю дорогу поддерживал во мне *взвинченное* настроение. Лучшего спутника и желать было нельзя (П. Боборыкин, За полвека. Мои воспоминания, 1913); Он очень любил эту вещь, она действительно имела свойство *взвинчивать* души, чувства и нервы (Т. Кузминская, Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, 1927); Романтический пафос молодежи того поколения блестяще воскре-

[17] Интеллектуально-оценочная лексика выражает мнение говорящих о желательности или нежелательности данного типа явлений, о соответствии или несоответствии его каким-либо нормам, требованиям. Эмоционально-оценочная лексика выражает субъективную эмоциональную оценку конкретного обозначаемого предмета, лица или явления — презрительное, ласковое и т. п. отношение к нему. В принципе такая оценка не основана ни на общественной значимости (положительной или отрицательной) данного типа обозначаемых реалий, ни на субъективном мнении говорящего о его достоинствах или недостатках.

шен стилем этой главы. Он *взвинчен*, патетичен до отказа («Лит. газ.», 14 февр. 1934); Я или *взвинчиваюсь* на здоровую горячую работу, или не могу взять перо в руки, чтобы написать хотя бы короткое письмо (Вл. Немирович-Данченко, Письмо М. Горькому 4 февр. 1936).

Данные, полученные с помощью вопросника по лексике, подтверждают, что в советское время происходило перемещение слов *насаждать* и *сговор* в состав оценочной лексики: лица тех возрастных групп, языковое сознание которых в основном формировалось в советское время, дали 91,9% ответов, подтверждающих оценочность слова *насаждать*, и 84,5% ответов, подтверждающих оценочность слова *сговор*; лица старшего возраста дали таких ответов меньше — 75,8% по слову *насаждать* и 71,7% по слову *сговор*.

Из числа слов, перемещавшихся в советское время в состав лексики эмоционально-оценочной, можно отметить слова *красивость*, *писание*, *сборище*. В СУ слово *сборище* дано с пометкой „пренебр.“, характеристика слова *писание* заключает в себе указание на перемещение этого слова в состав оценочной лексики (отмечается, что во множественном числе слово обычно употребляется пренебрежительно), к слову *красивость* оценочной пометы не дано. Ниже приводятся примеры, которые свидетельствуют, что у старшего поколения слова *писание*, *сборище*, *красивость* пренебрежительной окраски не имели:

«Посредник»... изо всей новейшей литературы останавливавшийся на вещах, заключавших в себе наиболее гуманные идеи, больше всех нашел таких *писаний* у Чехова (С. Семенов, О встречах с А. П. Чеховым, 1913); Цель подбора этих первоизданий — установление хронологического творческого ряда всех *писаний* («Вестник АН СССР», 1933, № 8—9); Банкету должна была предшествовать громадная торжественная процессия, к участию в которой приглашены были народ и национальная гвардия. *Сборище* предполагалось на площади Магдалины («Русская мысль», 1883, № 2); При значительных *сборищах* гостей обоего пола по различным торжественным дням... моей матери приходилось оставаться на своей половине (Н. Морозов, Повести моей жизни, 1906); Я не признаю в нем большой творческой силы, но у него есть изящество, *красивость* в гармонии и вкус (П. Чайковский, Письмо Н. Ф. Мекк, 26—27 ноября 1879); Мы уже требуем *красивости* в костюме («Женск. журнал», 1928, № 3) и т. п.

78. В 20-х годах создались особенно благоприятные условия для процесса стилистического окрашивания слов. Активизации процесса стилистических перемещений способствовало в первую очередь изменение состава носителей литературного языка.

Некоторые слова, широко употребительные в литературном языке, были мало распространены в языке широких народных масс. Изменение состава носителей литературного языка привело в одних случаях к уменьшению, в других—к увеличению употребитель-

ности слов. Сокращение употребительности, особенно при наличии дублетов, способствует приобретению словами стилистических функций или уходу их за пределы литературного языка.

Именно в советское время и именно в 20-е годы окончательно решилась судьба многих из дублетных слов. Так, по-видимому, в основном указанной причиной был вызван переход в разряд просторечных слов *взаправду*, *далече*, *ежели*, *загодя*, *задаром*, *зачинать* ('начинать'), *избечь*, *изготовить* (о пище), *кабы*, *в крайности* ('в крайнем случае'), *по крайности*, *мамаша* ('мама'), *отписать* ('написать'), *родитель* (*-ница*), *самоличный*, *из себя* ('собой'), *скидать* ('сбрасывать'), *склизкий*, *сподручный*, *сработать* ('сделать, изготовить'), *стращать*, *обхватить* (о пламени; о чувствах, состояниях), *отворотить* (*-ся*), *поворотить* (*-ся*), *своротить* ('свернуть' и др.); в состав разговорных слов — *выкидывать* (в совершенном виде разговорная окраска ощущается слабее), *откидывать*, *скидывать*, *выпирать* ('выталкивать' и 'выдаваться'), *давнишний*, *завлекательный*, *зараз*, *разом*, *обставить* ('обеспечить, создать условия для проведения чего-нибудь'), *однолеток*, *ослабнуть* (*слабнуть* — о человеке дано в СУ с пометой „простореч.", о канате и т. п. — без пометы), *отместка* и др. [18]

После перехода этих слов в разряд просторечной или разговорной лексики в литературном языке как правило оставались соответствующие им по значению нейтральные слова. Не осталось таких синонимов после ухода за пределы литературного языка слов *давеча* (заменяется указанием времени, когда совершалось событие), *застить* (заменяется сочетанием слов *загораживать свет*), прилагательных с *само-*, соответствующих по значению слову *самый* (например, *самобеднейший*, *самоважнейший*, *самонужнейший*, *самоновейший*, *самопонятнейший* и т.п.), после приобретения разговорной окраски словами *вперед* в значении 'впредь' (слово *впредь* принадлежит к книжному стилю), *плутать* ('бродить в поисках дороги') (соответствующее ему по значению слово *блуждать* также принадлежит к книжному стилю) и в некоторых других случаях.

79. Усвоение литературного языка представителями народных масс шло в основном не через непосредственный контакт с интеллигенцией, а через письменные источники или же через публичную, ораторскую речь.

Переход значительного количества нейтральных и разговорных слов (в частности, слов иностранного происхождения) в состав книжной лексики, завершившийся, как можно судить по данным СУ, уже к началу 30-х годов, был вызван преимущественно этой причиной. Вот некоторые из таких слов: *вследствие*, *докторальный*, *избегнуть*, *избрать* ('отдать предпочтение'), *импонировать*, *импровизировать* ('говорить случайно пришедшее в голову'), *импровизированный* ('устроенный без приготовлений, наскоро'), *импульсивный* ('порывистый, действующий под влиянием случай-

[18] О времени перехода этих слов в разряд просторечной или разговорной лексики можно судить на основании того, что в 30-х годах СУ уже сопровождает такие слова соответствующими пометами.

ных импульсов'), *индифферентный*, *инертный* ('бездеятельный, вялый'), *интенсивный* ('напряженный, усиленный'), *крайне*, *непрестанный*, *обаятельный*, *обитать*, *обнажить* (*-ся*), *ординарный* ('обыкновенный, заурядный'), *первоначальный*, *помпезный*, *понудить*, *пред*, *преддверие* ('первая пора чего-н.'), *претенциозный*, *профанировать*, *радикальный* ('решительный'), *располагать* ('иметь в своем распоряжении; распоряжаться чем-н.'), *ряд* ('некоторое количество'), *сношение* ('связь, общение'), *сообщить* ('придать какое-н. свойство'), *соотечественник*, *тотчас*, *третировать*, *утрировать*, *фатальный*, *чрезвычайный*, *шокировать*, *экспансивный*, *экстраординарный* ('необычный'), *эксцентричный* и т. д. Ср. также слова *вменить*, *воспретить*, *за* (предлог с тв. падежом для указания причины), *оповестить*, *отбыть*, *таковой*, *уведомить* и др. Их переход в состав официально-канцелярской лексики объясняется тем, что представители народных масс знакомились с ними через официальные, деловые документы.

80. Причиной перехода слов в состав оценочной лексики было изменение (в связи с социальным переворотом) коллективной оценки некоторых явлений. Так, отрицательное отношение нового общества к таким явлениям, как стремление к обогащению, к получению чего-нибудь без труда, к личному успеху по службе и т. п., послужило причиной приобретения оценочных функций словами *барыш*, *нажива* и *нажиться*, *расчетливость*, *карьера* и др.[19] Причем в ряде случаев в литературном языке не оставалось близких по смыслу неоценочных слов. Ср. слова *карьера*, *карьерист*, *официоз*, *официозный*; при необходимости назвать обозначаемые ими явления без оценки, закрепленной в этих словах, говорящие вынуждены прибегать к описательным оборотам.

81. Судить о том, как отмеченные выше факторы изменяли восприятие слов поколением, языковые нормы которого сложились в дореволюционный период, нет возможности: мы не знаем широту распространения того или иного восприятия в среде носителей литературного языка и во внелитературной среде до революции. Очевидно только то, что в 20-х годах происходило взаимное влияние старого и нового контингента носителей языка, приводившее к сглаживанию различий. «При всяком таком изменении «человеческого (или социального) субстрата» (так мы условимся называть экономически предопределенный коллектив, нуждающийся в единообразном языке и потому всегда фактически и достигающий именно в своих пределах языкового единообразия) целью сопут-

[19] Ср. употребление слов *нажива*, *карьера*, *расчетливый* в текстах, не преследующих цели осуждения: Несмотря на свое временное пристрастие к хозяйству и к *наживе*, на него [Л. Толстого] вдруг нападала хандра, разочарование в том, что он делал, чем был увлечен (Т. Кузминская, Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, 1927); Смирнов — молодой, лет 23, с высокими идеалами, положительного, спокойного характера, доверчивый и делающий *карьеру* (Там же); Кстати сказать, в денежных расчетах Антон Павлович был до щепетильности аккуратен. Терпеть не мог должать кому-нибудь, был очень *расчетлив* (Вл. Немирович-Данченко, Чехов, 1936).

ствующего (данной социально-экономической перегруппировке) языкового развития является создание единообразного языка для его нового «социального субстрата», т. е. для нового объема коллектива» [20].

Однако данные, полученные с помощью вопросника по лексике, позволяют судить о влиянии этих факторов на формирование стилистического восприятия слов у молодого поколения. У лиц разного социального происхождения (рабочих, служащих, интеллигентов), родившихся в 1911—1920 годах, изменения в стилистической оценке слов (сравнительно с оценками лиц старшего возраста) идут в одном общем направлении.

Характерно также, что интенсивность стилистических изменений в речи детей интеллигентов по данным вопросника иногда была больше, чем у детей служащих, рабочих и крестьян.

82. В дальнейшем (в 30—40-е годы) влияние факторов, вызывавших в 20-х годах стилистические перемещения, ослабело или прекратилось совсем. Утратил значение фактор изменения состава носителей литературного языка. Состав носителей литературного языка стал с этого времени пополняться в основном за счет молодого поколения — совместно обучавшихся в советской школе детей представителей всех социальных групп.

Поскольку перестали действовать факторы, актуальные для 20-х годов, изменяется и процесс стилистических перемещений, о которых говорилось выше.

Начиная с 30-х годов случаи перехода слов в состав функционально-стилистической лексики стали гораздо более редкими. Судить об этом можно на основании того, что слов, которые в наше время принадлежат к разряду разговорных (а также к разряду просторечных) и книжных, но в СУ еще не имеют соответствующих помет [21], сравнительно немного. Вот некоторые из них: п р о с т о р е ч н ы е — *легчать*, *мол*, *неравно*, *никак* (‘как будто’); р а з г о в о р н ы е — *выказать*, *житье*, *литъ* (‘течь сильно или непрерывно’), *масса* (‘большое количество’), *малолетство*, *морозить* (‘губить, подвергая действию холода’), *напоследок*, *наутро*, *неволить*, *основательный* (‘дельный, положительный’), *отдавать* (‘пахнуть’), *отлучиться*, *отходить* (‘вылечить тщательным уходом’), *охотник* (‘любитель чего-н.’), *сильно* (‘очень’), *сорганизовать*, *худой* (‘плохой’) и ряд других [22]; к н и ж н ы е (общекнижные и закрепленные за конкретными разновидностями книжного стиля) — *вне*, *ввиду*, *декорировать*, *доминировать*, *имитировать*, *наличность* (‘наличие чего-н’.), *отстоять* (‘быть

[20] Е. Д. П о л и в а н о в. Русский язык сегодняшнего дня.—«Литература и марксизм», 1928, № 4, стр. 176.

[21] Речь идет о словах, стилистическая характеристика которых в СУ подтверждается цитатным материалом.

[22] Ни в одном из словарей русского литературного языка последнего времени не отмечена разговорная окраска у слов *сильно*, *худой*, что свидетельствует о недавнем переходе их в состав разговорной лексики.

расположенным на каком-н. расстоянии от чего-н.'), *трактовать* ('рассуждать, обсуждать что-н.'), *увлажнить*, *удалиться* ('уйти откуда-н.'), *фибры*, *члены* ('части тела'), *экивоки* [23] и др.

83. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. вновь усилила потребность в экспрессивно-стилистических средствах языка, особенно в средствах, придающих речи торжественный, патетический тон. В связи с этим началась реставрация устарелой лексики. К концу 40-х годов восстановились в литературном языке в качестве высоких слов *армада* (часто употреблялось в сочетаниях типа *грозная армада*, *стальная армада* и т. п.), *блюсти* (ср. *блюсти интересы государства*, *блюсти дисциплину труда* и т. п.), *ввергнуть* (ср. *ввергнуть в пучину войны*), *возглавлять*, *во всеоружии* (*встретить врага во всеоружии*), *дерзновенный*, *деяние*, *злодеяние* (*злодеяния фашистов*, *тяжкое злодеяние*), *изведать*, *лепта* (*трудовая лепта*, *внести свою лепту в победу над врагом*), *множить*, *мужать* (ср. слова песни о Ленинграде: «*Мужал* в боях наш светлый город»), *нетленный* (*нетленная слава советского оружия*), *неувядаемый* (*неувядаемая слава героической Советской Армии*, *неувядаемая человеческая правда и красота*), *самозабвенный* (*самозабвенный труд советских людей*), *свершение* (*свершение небывалых в истории подвигов*, *эпоха неслыханных свершений*), *явить* (*Советская Армия явила миру образцы доблести и военного искусства*) и др. [24]

84. В 50—60-х годах активность книжной лексики не уменьшилась. Примечательна в этом отношении газетная речь, в которой книжная лексика и фразеология часто используются в сообщениях об обычных событиях и фактах, даже о бытовых явлениях и т. п. Вот некоторые примеры из периодической печати последнего времени [25].

Но *надобно* помнить, что хотя сценарий предлагается на суд будущего зрителя, работа над ним еще будет продолжаться; *Коль скоро* речь зашла об избирательных округах, мне хотелось бы подчеркнуть одну важную организационную деталь; *Ревнитель* чистоты [о дворнике]; Они ... думают (в этом признался Анатолий Хомяков) ... о том, что всего лишь второй раз в жизни выйдут в субботу, 11 августа, на зеленое *ристалище* лужниковского гиганта; Прошло несколько мучительных минут. Змея и человек молча *взирали* друг на друга. Затем к человеку вернулась способность соображать.

Параллельно в 50—60-е годы продолжается активное вовлечение в письменную речь новых пластов разговорной и вообще «сни-

[23] В СО помету «книжн.» имеют слова *декорировать*, *доминировать*, *трактовать*, *фибры*, *экивоки*; слово *наличность* имеет помету «офиц.»; остальные слова даны без стилистических помет.

[24] Все эти слова, отмеченные в СУ как устарелые, в СО даются с пометой «высок.».

[25] Проявление тех или иных тенденций в периодической печати имеет особое значение, так как газеты, журналы, так же как и радио, являются в наше время одним из основных воспитателей в области стилистических норм.

женной» лексики. Использование этой лексики в тексте газет, часто вызванное стремлением к преодолению «газетного штампа», и приводит к постепенному изменению у некоторых из просторечных и разговорных слов их первоначальной стилистической окраски. Можно указать на такие слова, как *простыть*, *задумка*, *заприметить*, *подмога*, *понаторетъ*, *подсобить*, *впрямь*, *довестись*, *нынче*, *подчас*, *покуда*, *поспевать* ('успевать') и др. Например:

На одной из строек создалось тяжелое положение. *На подмогу* решили попросить квалифицированную бригаду бетонщиков из другого управления; Он подбадривающе улыбнулся и *подсобил* (Из газет); К ней и направлялась лодка, к их полю, где *нынче* впервые посеяли турнепс (О. Маркова, Шест у двора); *Нынче* на востоке страны предстоит убрать урожай с десятков миллионов гектаров; *Подчас* высокие показатели роста производительности труда и освоения мощностей оказываются сведенными на нет при необоснованном снижении сменности работы оборудования. Но задание по вводу в эксплуатацию основных производственных фондов он выполнил лишь на 12 процентов. *Стало быть*, капитальные вложения *застряли* в незавершенном строительстве, нужной отдачи государство не получило (Из газет 60-х годов).

85. Стилистические перемещения в лексике, происходившие в советский период, подчинялись определенным закономерностям. Эти закономерности выявляются при сопоставительном изучении слов, перемещавшихся из состава лексики нейтральной в различные группы стилистически окрашенной лексики и из различных групп стилистически окрашенной лексики в состав лексики нейтральной.

Наблюдения над стилистическим употреблением слов в речи и высказывания современников дают основания для общего вывода о двух этапах процесса стилистических перемещений в изучаемый период. На первом этапе интенсивно протекал и процесс стилистического окрашивания, и процесс стилистической нейтрализации слов, для второго наиболее характерен процесс стилистической нейтрализации. Особенно активизировался этот процесс приблизительно с 40-х годов. Случаи употребления стилистически окрашенных слов без специальной мотивировки за пределами тех разновидностей речи, за которыми такие слова закреплены, с этого времени стали довольно частыми. Определился круг слов, наиболее часто встречающихся в таких условиях.

Совпадение результатов массового опроса с выводами, основанными на наблюдениях над речью и на высказываниях современников, позволяет использовать эти результаты для детализации хода стилистических изменений в лексике советского времени.

Стилистическое восприятие отдельных слов может меняться на протяжении жизни у каждого человека. Но изменения, протекавшие в пору интенсивного усвоения тем или иным лицом родного языка, оставляют в его языковом сознании наиболее глубокий след. Период наиболее интенсивного формирования языковых лек-

сических норм длится приблизительно до семнадцати — двадцати лет. У лиц, родившихся до 1911 г. (I возрастная группа), этот период падает в основном на дореволюционное время, у лиц 1911—1920 гг. рождения (II возрастная группа) — в основном на 20-е и 30-е годы, у лиц 1921—1930 гг. рождения (III возрастная группа) — в основном на 30-е и отчасти на 40-е годы, у лиц 1931—1940 гг. рождения (IV возрастная группа) — в основном на 40-е и 50-е годы, у лиц 1941—1950 гг. рождения (V возрастная группа) — на 50-е годы. Сопоставление ответов информантов этих пяти возрастных групп на вопросы, имеющие целью выявить стилистическое восприятие слов носителями литературного языка, дает возможность установить разницу между тенденциями стилистических изменений в разные периоды развития современной русской лексики.

Для наглядности результаты массового обследования 30 слов с помощью вопросника по лексике представлены в виде гра-

Таблица 1

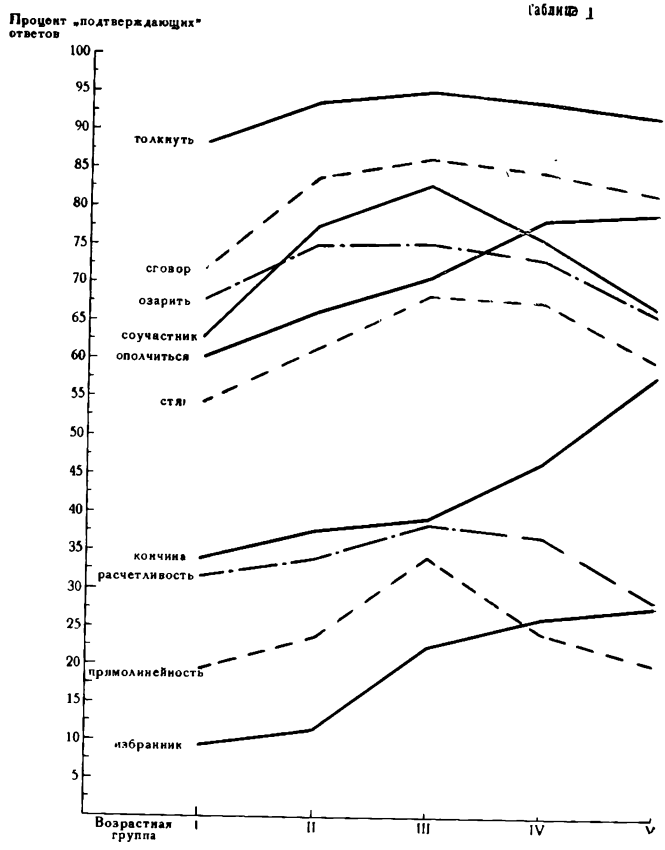
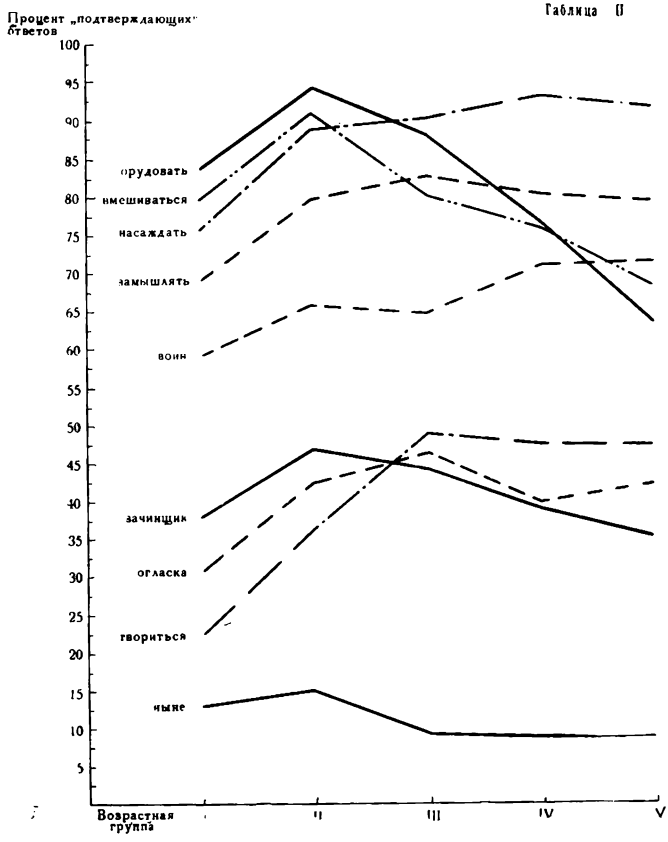

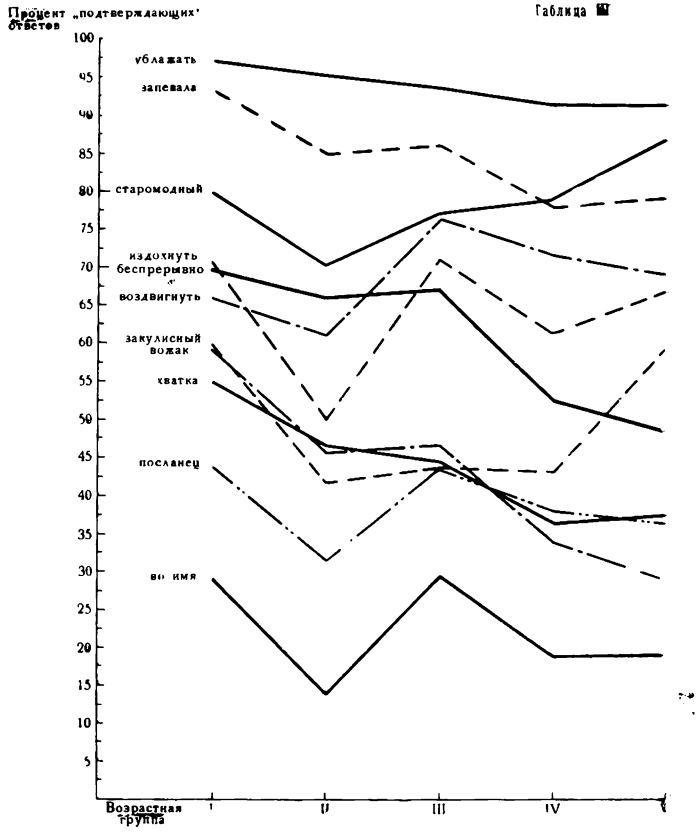
Таблица II

фиков. Графики строились следующим образом: по пяти вертикалям откладывался процент ответов, подтверждающих восприятие слов как стилистически окрашенных [26] представителями каждой из названных выше возрастных групп (в дальнейшем такие ответы будем условно называть «подтверждающими»).

На таблицах I и II даны графики слов, по которым у представителей II возрастной группы наблюдается увеличение процента «подтверждающих» ответов, что свидетельствует о происходившем в 20—30-х годах перемещении этих слов в состав соответствую-

[26] Проверялось: восприятие как возвышенных слов *воин*, *воздвигнуть*, *во имя*, *избранник*, *кончина*, *ныне*, *оварить* (‘осветить’), *посланец*, *стяг*; восприятие как разговорного слова *беспрерывно*; восприятие как фамильярных слов *вожак* (‘руководитель’), *запевала* (‘инициатор’), *орудовать* (‘использовать для доказательства’), *хватка*; восприятие как оценочных слов *вмешиваться*, *законник*, *вакулисный* (‘тайный’), *замышлять*, *зачинщик*, *издохнуть* (‘о человеке’), *насаждать*, *огласка*, *ополчиться* (‘выступить против кого-нибудь’), *прямолинейность* (‘простота, откровенность’), *расчетливость*, *сговор*, *соучастник*, *твориться* (‘делаться’), *толкнуть* (‘заставить сделать что-нибудь’), *ублажать*.

щих групп стилистически окрашенной лексики (конечно, взяты на выбор немногие слова, которые представляют, однако, целый лексический пласт в языке). В большинстве случаев процент таких ответов увеличивается и у представителей III возрастной группы (отражающей в наиболее полной степени лексические нормы 30—40-х годов). Исключение — слова *ныне*, *зачинщик*, *воин*, *вмешиваться*, *орудовать* (почти все они принадлежат к числу слов, активно «нейтрализующихся» в наше время, поэтому уменьшение процента «подтверждающих» ответов у представителей данной группы может быть следствием позднейших изменений). У представителей IV и V возрастных групп процент «подтверждающих» ответов увеличивается только у слов *избранник*, *кончина*, *ополчиться*, *насаждать*, *воин*; как правило же он становится меньше.

На таблице III даны графики слов, по которым у представителей II возрастной группы наблюдается уменьшение процента «подтверждающих» ответов, что свидетельствует о происходившей в

20-х годах стилистической нейтрализации этих слов. У представителей III возрастной группы процент «подтверждающих» ответов заметно увеличивается у слов *воздвигнуть*, *издохнуть*, *посланец*, *старомодный* (и в меньшей степени у слов *запевала*, *беспрерывно*, *закулисный*, *вожак*). У представителей IV возрастной группы процент «подтверждающих» ответов почти во всех случаях вновь уменьшается.

Более пестры данные V группы, что, очевидно, говорит о еще неустоявшемся характере стилистических норм у этого поколения.

Обобщая материалы таблиц I и II, с одной стороны, и табл. III, с другой, можно сделать такие выводы (при ограниченности материала они, естественно, носят предварительный и в значительной степени предположительный характер). В 20—30-е годы одна группа слов стилистически сильно окрашивалась, другая утрачивала стилистическую окраску. В 40—50-е годы у слов первой группы (ранее резко усиливших свою окраску [27]) замедляется темп их стилистического окрашивания, т. е. медленнее увеличивается круг лиц, которые на основании своей речевой практики, на основании восприятия этих слов в массовых, типических контекстах оценивают их как стилистически окрашенные (а иногда круг этих лиц и уменьшается).

У слов второй группы (нейтрализовавшихся в 20-е годы) в 30-е годы процесс стилистической нейтрализации заметно ослабевает; некоторые из них вновь обретают стилистическую окрашенность.

86. Процесс стилистического окрашивания проходит незаметно для современников. Ограничение сферы употребления слова, уместного во всех условиях общения, какой-нибудь одной разновидностью речи не может вызвать возражений со стороны тех, кто продолжает воспринимать слово как нейтральное. Не может смутить таких лиц и использование слова с целью создать тот или иной стилистический эффект: задание говорящего попросту останется не понятым ими.

Иное дело — процесс нейтрализации.

Даже активизация стилистически окрашенной лексики, способствующая стиранию стилистической окраски слов, вызывает возражения современников. Характерны в этом отношении 20-е годы. Неумеренное использование стилистически окрашенных слов, превращающее их в штамп, осуждалось в это время в многочисленных статьях и заметках о языке как порча, искажение русского языка, подвергалось сатирическому осмеянию в периодической печати и в художественной литературе.

Тем более неприемлемой для тех, кто воспринимает то или иное слово как стилистически окрашенное, оказывается его нейтрализация, проявляющаяся в употреблении этого слова в необычных

---

[27] «Усиливших свою окраску» — т. е. в восприятии многих лиц ставших стилистически окрашенными, см. таблицы I и II.

условиях, за пределами той разновидности речи, за которой оно закреплено. Такое употребление расценивается как ошибочное.

Следовательно, перспективы перемещения слов из состава лексики стилистически окрашенной в состав лексики нейтральной ограничены даже в тот период, когда для таких перемещений имеются благоприятные условия. Естественно, что с прекращением действия причин, вызывающих нейтрализацию слов, возникает тенденция к возврату этих слов в состав стилистически окрашенной лексики.

Глава пятая

Развитие разных способов наименования в области научно-технической терминологии. *Нерасчлененные и расчлененные наименования. Терминологические матрицы. Специализация и дифференциация моделей — характернейшая особенность терминообразования. Ярко выраженная тенденция к регулярности новообразований (к единообразию обозначений). Тенденция к мотивированности наименований в этой области. Контроль общества. Соотношение сознательного и стихийного в терминологиях.*

Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века. *Процесс «терминологизации» общего языка как новое явление, вызванное изменениями в социальной действительности. Многообразие способов включения научно-технических терминов в общелитературный язык. Актуализация терминологии в разных жанрах речи. Большое значение процесса метафоризации научных терминов. Использование научно-технических терминов в художественной литературе. Особенности процесса детерминологизации на современном этапе развития русского языка. Значение этого процесса для общелитературного словаря.*

Развитие разных способов наименования в области научно-технической терминологии. 87. Научно-техническая терминология является самой подвижной, гибкой и быстро изменяющейся частью общенародной лексики. Бурный рост науки и техники вызывает острую необходимость в наименованиях новых явлений и понятий [1]. На глазах одного поколения возникли новые науки, созданы новые отрасли техники и целые системы терминологий. Так, в начале XX в. возникла радиотехника, в 30—50-е годы — ядерная физика, в 50—60-е годы — химия синтетических волокон. Появились такие перспективные науки, как теория информации, кибернетика, бионика и др. Новое требует себе фиксированного

[1] По подсчетам чешского лингвиста К. Сохора, 90% новых слов в чешском языке составляют термины (K. S o c h o r. Příručka o českém odborném názvosloví. Praha, 1955, стр. 8). Нет оснований считать, что в современном русском языке термины составляют меньшую часть общенародной лексики

имени, точного и определенного, и в разных языках тысячи специалистов создают имена научных понятий и явлений — термины, которые заполняют терминологические поля и образуют стройные терминологические системы[2].

Этот процесс массовой номинации носит ярко выраженный социальный характер, так как нигде так определенно, как в области специальной терминологии, не проявляется сознательное отношение к языку и отдельным его единицам. Терминологические обозначения постоянно находятся под контролем общества и отражают языковые навыки и привычки определенных социальных групп. Большое число терминов имеет известную «родословную» и своего автора. Так, Эно-Пельтри принадлежит термин *астронавтика*, Маркони ввел термин *антенна*, Б. Понтекорво назвал открытую им частицу *нейтрино* и т. д. и т. п.

88. Термины разных наук четко подразделяются на два типа — наименования нерасчлененные и наименования расчлененные, в зависимости от того, является ли общее значение лексемы неразложимым или же составляется из значений компонентов наименования.

К нерасчлененным наименованиям относятся в терминологиях прежде всего разного рода заимствования — из общелитературного языка и из других языков.

Процесс терминологизации слов литературного языка идет обычно двумя путями. Первый путь,— очень распространенный в терминологиях, в частности в современных русских терминологических системах,— состоит в том, что у слова как бы отсекают его лексическое значение и «привязывают» к нему строгое, точное определение — дефиницию. Значение каждого слова распадается на ряд дифференциальных признаков. Терминологи выбирают несколько из них или даже один и кладут эти признаки в основу научного определения. Так, термин *сигнал* в теории информации использует дифференциальный признак, выражающий «идею сообщения», и этот признак ложится в основу строгого определения: *сигнал* — 'изменяющаяся физическая величина, отображающая сообщение'. Характерно построение в этой же науке терминов *шум* ('помеха, добавляющаяся к сигналу') и *канал* ('совокупность средств, предназначенных для передачи сигнала'). Такие важные понятия электро- и радиотехники, как *искажение*, *затухание*, *усиление*, *сопротивление*, *колебание*, *смещение* и под., именуются посредством слов, давно известных языку и общераспространенных.

Часто признаки научного понятия совсем не включают в себя те признаки, которые составляют значение общелитературного слова. Так, в химии слово *дым* определяется как 'гетерогенная система, в которой дисперсная фаза находится в твердом, дисперсионная же среда в газообразном агрегатном состоянии'. Термину *пена* приписывается такая дефиниция: 'гетерогенная система, дисперсная фаза которой находится в газообразном агрегатном сос-

---

[2] Термин — это такая единица наименования в данной области науки и техники, которой приписывается определенное понятие и которая соотнесена с другими наименованиями в этой области и образует вместе с ними терминологическую систему. Ср.: «... Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т. е. или является средством четкого обозначения, и тогда оно — простой знак, или средством логического определения, тогда оно — научный термин» (В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., 1947, стр. 12—13). См. также: К. А. Левковская. О некоторых особенностях терминологии (на материале немецкого языка). «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IX, 1959, стр. 358.

тоянии, а дисперсионная среда — в жидком'. Эти термины оказались включенными в матрицу, которая построена на таких признаках,как гомогенность-гетерогенность, состояние дисперсной фазы и свойства дисперсионной среды. Ни один из этих признаков не входит в лексическое значение общераспространенных слов *дым* и *пена* (ср. в СО: *дым* — летучие продукты горения с мелкими частицами угля; *пена* — пузырчатая жидкая масса).

Поэтому, очевидно, целесообразнее и точнее говорить в данном случае о заимствовании слов литературного языка разными терминологиями, а не о «смещении» (сужении, расширении) значения общелитературного слова. Ср. высказывание акад. Н. Н. Семенова: «Поиски фундаментального взаимодействия сейчас идут в физике параллельно с поисками фундаментальных, истинно элементарных частиц. Сейчас нам известно что-то около 200 частиц. Это в сущности означает, что понятие «элементарность» потеряло свой смысл. Не может же вся эта масса частиц быть элементарными «кирпичами» мироздания» [3]. Термин *элементарная частица* вступает в противоречие с общим значением слова *элементарный*. Недаром в научно-популярной литературе особо оговариваются и разъясняются именно такие термины, которые являются омонимами к словам общелитературным.

Включая те или иные слова в терминологические системы, иногда используют те же самые дифференциальные признаки, которые входят в лексическое значение слова, но им придается еще и строгая математическая или физическая определенность (выражаемая количественно в единицах разных измерений).

Например, семантическое поле, выражающее понятие величины скорости, делится в современной ядерной физике на строго расчлененные секторы, и за каждым из них закрепляется одно название: *медленный — быстрый — сверхбыстрый — мгновенный* (*быстрые, сверхбыстрые и мгновенные* нейтроны). Граница между смежными понятиями очерчена строго математически, что исключает хоть какую-нибудь возможность неопределенности.

89. Другой способ заимствования слов из общелитературного языка состоит в том, что при построении термина используется сходство одного предмета или явления с другим. Происходит перенос наименования — термин выступает как метафора или метонимия по отношению к породившему его слову общелитературному. Например, метеорологи различают такие виды снежинок, как *пластинки, ежи, звездочки, столбики, иглы, пушинки*. В сульфатном производстве циркуляционный сборник именуется *кастрюлей*, испаритель для возгонки — *сковородой*. Одна из форм полярных сияний называется *драпри*, особый вид молодых льдин — *щенками*. В ядерной физике группа ионов, образуемая вторичным электроном, названа *шпорой*, дефектный электрон — *дыркой*. Вид радиолокационного эха, обусловленный резким изменением диэлектрической постоянной проницаемости вне облаков, именуется *ангелом*. *Жадность кислот* в химии обозначает силу, с которой одна кислота вытесняет из соли другую. Детали ракетного двигателя названы *седлом, сухарем, рубашкой*, определенный вид телевизионного изображения назван *снегом*; в ядерной физике встречаемся с такими терминами, как *летаргия, донор, вакансия* (*атом-донор, летаргия ионов*) и под.

В исключительных случаях термины заимствуются из просторечия, жаргонов. Ярким примером является физический термин *урка-эффект*, использующий воровское арго (так обозначается в русском языке один из видов радиоактивного распада). Иногда для научного обозначения используется спортивная терминология (*хук-эффект* в современной ядерной физике), но такие случаи единичны.

90. Очень распространенным в терминологиях середины нашего века типом наименований является заимствование из иностранных языков. Например, *дрейф* (плазмы, прибора, нуля — в физике), *грид-лик* ('утечка сетки в радиотехнике'), *джиггер* ('трансформатор связи'), *фэдинг* ('исчезновение приема'), ср. англ. drift, jigger, fading, grid leak; или *пеленг, импеданц, дю-*

[3] Н. Н. Семенов. Наука и будущее. «Наука и жизнь», 1963, № 1.

бель, *флинтглас* — ср. нем. Peilung, Impedanz, Dübel, Flintglas; *каботаж*, *кабестан*, *карбюратор*, *верньер*, *шасси* — ср. фр. cabotage, cabestan, carburateur, vernier, châssis; *скарн* — ср. швед. skarn и т. п.

Однозначность и определенность этих слов, а также стремление к международной стандартизации терминологий ведут к тому, что процент заимствований по всем русским терминологиям сейчас значительно выше, чем в общелитературном языке.

91. К нерасчлененным наименованиям следует, очевидно, отнести и терминологические фразеологизмы — формально разложимые, но семантически не членимые словосочетания [4]. Сюда входят такие термины, как, во-первых, *апрельская погода* (это не погода в апреле, а 'неустойчивая погода в холодной воздушной массе в тылу циклона'; для нашей полосы наиболее характерна как раз в мае) или *атомный номер* ('число протонов в ядре'); во-вторых, такие экспрессивные обороты, как *голая частица*, *черная граница*, *синяя вуаль*, *серый клин*, *черный ящик*, *червивое изображение*, *белый шум* (бо́льшая часть этих обозначений образована в 50—60-е годы); в-третьих, такие сугубо терминологические наименования, как *допущение Бора*, *излучение Вавилова — Черенкова*, *ньютоновское время*, *брэгговское рассеяние*, *анализ Фурье*, *уровень Ферми*, *постоянная Больцмана*, *эффект Оже*, *фактор Вант-Гоффа*, *принцип Ле Шателье*, *дымкомер Шаронова*, *закон Вейкова*, *ускорение Кориолиса*, *болезнь Литтля*, *коэффициент Пуассона*, *потенциал Юкава*, *резьба Витворта* и под. Эта последняя разновидность играет довольно видную роль при наименований новых явлений, так как здесь действуют многочисленные международные правила, предписывающие называть тот или иной прибор, явление или эффект именем его изобретателя [5].

Такой модели фразеологизма нет в общелитературном языке. Сочетания *закон Ломоносова*, *анализ Фурье* означают в общем языке: закон, открытый Ломоносовым, и анализ, проведенный Фурье (или — по методу Фурье). Это — расчлененные, нефразеологические обозначения. Но в терминологиях значение их иное, семантически нерасчленимое. Например, *принцип Гюйгенса* в физике — это приближенный метод решения задач о распространении световых волн.

Среди фразеологизмов в современных терминологиях есть и кальки. Например, нем. Aprilwetter — *апрельская погода*, англ. dead time — *мертвое время* и др.

92. Расчлененные, аналитические наименования, четко семантически делимые, играют ведущую роль в современном терминообразовании. Стремление к аналитизму, к конструированию таких наименований, в которых общее значение составляется из фиксированных значений его компонентов, является главной характерологической чертой всех современных терминологических систем. К этим аналитическим формам лексем

---

[4] Фразеологическим сочетаниям не свойственна самостоятельная парадигматическая противопоставленность значений внутри сочетаний. См. об этом: Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, стр. 218.

[5] Ср.: «В. Ф. Гантмахер отметил, что из де Гааз-ван Альфен-эффекта узнаются экстремальные площади плоских сечений Ферми-поверхности, из циклотронного резонанса — эффективные массы, а из размерного эффекта, так же как из поглощения ультразвука в магнитном поле,— размеры Ферми-поверхности в некотором направлении. П. А. Капица спросил, не назвать ли это дело *эффектом Гантмахера*... А. А. Абрикосов сказал, что обязательно надо назвать этот эффект именем Гантмахера. Он его придумал и открыл, так что дело чистое» (из протокола заседания Ученого совета Физического института АН СССР, приведенного в «Лит. газ.» 27 авг. 1963).

относятся свободные словосочетания разного рода, описательные обороты, некоторые аббревиатуры.

Свободные сочетания слов могут состоять из двух, трех и более слов в зависимости от тех классификационных отношений, в которые вступает данный термин. Например: *пульсирующий ток*, *меченые атомы*, *реактор на быстрых нейтронах*, *несущая частота*, *первичное излучение*, *реле расхода*, *линейное предсказание*, *естественный радиационный фон*, *слой половинного ослабления*, *абсолютное сечение ослабления интенсивности*, *охлаждающая тяга с принудительной воздушной тягой* и т. д. Нетрудно заметить, что составные термины именно потому так распространены в разных терминологиях, что целиком покрывают понятийное поле данной системы и по мере накопления признаков могут теоретически бесконечно увеличивать состав своих компонентов. Теоретически — но не практически. Длинные термины очень неудобны в обращении. Не случайно даже в официальных сборниках Комитета технической терминологии встречаем рядом с длинными развернутыми наименованиями их более сжатые, имплицитные формы. Так, *количество информации, содержащейся в одной случайной величине относительно другой случайной величины*, официально «разрешается» называть короче: *количество информации*. *Ускоритель заряженных частиц* называют «ускорителем», *оптическую плотность отработанного светочувствительного слоя* — «оптической плотностью». Все это — совершенно обычные стяжения. Естественно, что в устной речи такого рода сокращений и стяжений словосочетаний еще больше, и даже двусловные сочетания подвергаются сокращениям. Например, в рецензии на «Метеорологический словарь» читаем: «Совершенно в устной речи не употребляется «анероидный барограф», принято говорить «барограф» [6].

Таким образом, создается известное напряжение: длинные составные термины выгодно строить с точки зрения регулярности системы и невыгодно с точки зрения употребительности. Это напряжение ликвидируется в терминологических системах благодаря возможности строить словосочетания несколько другого плана — при помощи аналитических форм прилагательных и особых аналитических частиц. Этот тип сочетаний слов является чуть ли не самым активным и перспективным способом образования терминов в середине XX в. Речь идет о таких агглютинативных элементах, как *радио-*, *алло-*, *изо-*, *баро-*, *термо-*, *аэро-*, *био-*, *зоо-*, *микро-*, *макро-*, *орто-*, *пара-*, *мета-*, *гидро-*, *видео-*, *космо-*, *суб-*, *гипер-*, *ультра-*, *супер-*, *анти-*, *дис-*, *диа-*, *би-*, *интер-*, *транс-*, *контр-* и т. п.[7] Предельная агглютинативность этих слов дает простор необыкновенно широкой сочетаемости их с разными словами, при которой проявляются строго однозначные соотношения между разными частями таких словосочетаний. При этом они компактны и очень

[6] Н. Я. Мягков. [Рец.] Н. А. Хромов, П. А. Мамонтова. Метеорологический словарь.— Изв. АН Туркменской ССР, 1956, № 6, стр. 97.

[7] Грамматический анализ этих единиц дан в IV$_2$ § 82—83.

удобны в употреблении (ср. недавно созданные термины: *биомасса зоопланктона*, *субэлемент*, *сурдокамера*, *барокамера*, *радиопеленгатор*, *термопреобразователь* и т. п.). Часто такие словосочетания составляют целые терминологические поля. Например, в метеорологии при помощи слова *изо-* (греч. «равный») составлена большая группа терминов. *Изолинии* ('линии одинаковых значений некоторой скалярной величины') подразделяются на такие виды: *изодинама* ('диаграмма силы ветра'), *изоаврора* ('изолиния равной повторяемости полярных сияний'), *изостера* ('изолиния равновесия атмосферы'), *изотерма* ('изолиния летней температуры'), *изохимена*, *изогеотерма*, *изогелия*, *изогиета*, *изофана*, *изостата*, *изопекта*, *изопага* и т. д.

93. Широко распространено в современном терминообразовании также и с л о в о с л о ж е н и е (*взрывостойкость*, *тканеэквивалентность*, *фазовращатель*, *волновод*, *токовращатель*, *кристаллодержатель* и под.). Очень характерны сложные прилагательные в составе словосочетаний, которые значительно «укорачивают» наименование и делают его гибким (например, *фазочувствительный выпрямитель*; *плоскополяризованная волна*; *зарядово-сопряженная частица*; *газоразрядная трубка*; *аналого-цифровая машина* и т. д.).

Средним, промежуточным звеном между свободным сочетанием и сложным словом являются такие расчлененные наименования, как *шум-генератор*, *тон-контроль*, *моль-ион*, *пресс-ножницы*, *рентген-эквивалент*, *реактор-конвертор*, *вектор-функция*, *бактотстойник*, *аэрограмма-поиск*, *блок-эффект*, *нуль-детектор*, *конус-рупор*, *штрих-пунктир*, *дизель-мотор*, *калибр-шайба*, *скин-эффект* и т. п. Эта группа терминов становится все более частотной в разных терминологиях. Например, в ядерной физике при помощи таких единств создаются целые матрицы (в первой части этих словосочетаний стоит имя элементарной частицы: *альфа-распад*, *гамма-лучи*, *альфа-облучение*, *бета-ветвь*, *бета-фон*, *гамма-поле* и т. д.).

К расчлененным, аналитическим способам наименования примыкает также и аббревиация. По форме это слитные, единые наименования, но семантически они четко распадаются на определенные части, соотносясь с соответствующим словосочетанием. Наиболее распространены сейчас «инициальные» аббревиатуры: *АСИ* — амплитудный селектор импульсов; *АЭС* — атомная электростанция; *ГУП* — гамма-установка промышленная; *НИВ* — нейтронный измеритель влажности; *ЗС* — замедляющая способность; *ИК* — инфракрасный; *ВВР* — водо-водяной раствор; *МН* — магнитное насыщение; *ШАЛ* — широкий атмосферный ливень; *МГД-электростанция* — магнито-гидродинамическая и т. п.

Эти аббревиатуры выступают как имплицитные формы соответствующих им эксплицитных наименований. Некоторые из частотных аббревиатур переходят в разряд наименований нерасчлененных (например, *лавсан*).

94. Промежуточную зону между расчлененными и нерасчлененными наименованиями в терминологиях занимают слова, созданные путем аффиксации (деривации) на базе общенародных и отчасти заимствованных морфем. В эту группу входят слова, образованные именно в терминологических системах,— такие, например, как *заземление*, *петлистость*, *фоновость*, *обессеривание*, *замер*, *пучность*, *задатчик*, *крыльчатка*, *завихрение*, *выщелачивание*, *сумматор*, *шквалистость*, *заборник*, *налепь*, *размерность*, *зашкаливание*, *жестчение* (*жестчить*), *цветность*, *окомкование*, *напрессовка* и т. п.

Семантическая расчлененность слов как правило связана с составными наименованиями (см. об. этом II, § 64—65), наименованиями неоднословными. С этой точки зрения слова, образованные деривационным путем, казалось бы, надо было отнести к наименованиям нерасчлененным.

Однако терминологическое словообразование во многом отличается от общелитературного. Аффикс всегда включает термин в определенную систему, в определенную матрицу, и семантическое наполнение его в связи с этим иное, чем в общелитературном языке,— более конкретное, более определенное. Слова-термины менее фразеологичны (вернее: в сущности своей антифразеологичны), более аналитичны, и именно строгий аналитизм структуры термина приближает его к словосочетанию.

В терминологиях активны и продуктивны такие модели, типы образования слов, которые непродуктивны или совершенно заморожены в языке общелитературном. Ср.: *наморось*, *впай*, *уставка* и под. Ср. также прилагательные «вторичного образования», активно рождающиеся ныне в терминологиях разных наук и чуждые языку общелитературному: *яркий — яркость—яркостный*; *жидкий — жидкость — жидкостный*; *разный — разность—разностный*; *стойкий — стойкость — стойкостный*; *плоский — плоскость—плоскостный*; *емкий — емкость — емкостный*; *прочный — прочность—прочностный*; *кислый — кислота — кислотный*; *пустой — пустота — пустотный*; *частый — частота — частотный*; например: *яркостный сигнал*, *пустотная лампа*, *жидкостный амортизатор* и т. п.

Кроме того, терминологическое словообразование характеризуется гораздо большей специализацией и дифференциацией моделей, большей стандартизацией аффиксальных отношений. Характерны примеры «новой жизни» аффиксов в лексемах, заимствованных из литературного языка, когда слово подпадает под действие закономерностей, специфичных для терминообразования. Ср., например, дифференциацию прилагательных на *-н-ый* и *-ов-ый* в метеорологии. В 30-е годы терминологическая комиссия Института прогнозов указала на то, что в специальной литературе термин *снежный* следует употреблять только в том случае, когда данный объект состоит из снега (*снежный покров*, *снежная лавина* и т. п.). Термин же *снеговой* должен обозначать, что данный объект имеет

отношение к снегу, но не состоит из снега (*снеговая линия*, *снеговое питание* и т. п.). Соответственно специализируются термины *ледяной* и *ледовый*. Таким образом, соотношение этих пар прилагательных не соответствует их соотношению в литературном языке (ср. *снежная погода*, *снежный человек*, *ледяной ветер* и под.) [8].

К последней группе терминов примыкают кальки. Они играют незначительную роль в современном русском терминообразовании, так как терминологии предпочитают, как правило, прямые заимствования. Примеры ка́лек немногочисленны. Например, *перевозбуждение* (нем. Überregung), *громкоговоритель* (нем. Lautsprecher), *ветвление* (англ. branching), *облагораживание* (нем. Veredelung), *полупроводник* (англ. semi-conductor), *старение* (металла) (нем. Älterung) и др.

95. Все названные выше способы наименований как таковые сложились в системах русских терминологий уже к началу XX в. (ср. старые термины: *гигрометр*, *гидростатика*, *термодинамика*; *вашгерд*, *драга*, *дюбель*; *водоизмещение*, *дноуглубитель*; *валкость*, *взброс*; *винторезный*, *светокопия*; *вольтова дуга*, *донка-помпа*, *волк-машина*, *фильтр-пресс*; *коэффициент рассеивания*, *момент сил*, *рельсовыгибной станок* и др.) [9]. Однако отдельные примеры того или другого способа номинации, которые мы находим в терминологиях прошлого века, не складывались еще в систему соотношений наименований расчлененных/нерасчлененных и находились под влиянием других тенденций.

В конце XIX в. в русской технической терминологии еще сильно чувствовалось влияние старой терминологии ремесла: значительная часть терминов представляла собой диалектно-областную лексику, более частотны были просторечные элементы, параллельно международным терминам широко бытовали разного рода народные обозначения. Ср. старые строительные, металлургические и общетехнические обозначения: *болтень*, *ведило*, *брюхо*, *реторты*, *водопер*, *вырвань*, *долготье*, *дуплешка*, *опекиши*, *ладыга*, *пешня*, *ровняк*, *тютень*, *закраина* и т. п. [10]

Терминологическая лексика XX в. не знает диалектного влияния. Правда, в ней бытуют некоторые слова областного происхождения, но это все старые, традиционные термины, а не вновь образуемые наименования.

96. Для технической терминологии начала нашего столетия характерна гораздо большая вариативность, чем это принято в терминологических системах наших дней. Терминологические сочетания обычно были не устойчивыми, а свободно варьируемыми, ино-

---

[8] Н. В. Сагатовский. В терминологической комиссии Центрального института прогнозов. «Метеорология и гидрология», 1962, № 12, стр. 62.— Характерно, что выражения *снежная белизна* и *ледяная вода* названы здесь образными и метафорическими.

[9] П. П. Андреев. Русский технический словарь. СПб., 1899.

[10] Эти термины широко употреблялись в специальной литературе начала века и зафиксированы в указанном выше словаре П. П. Андреева.

гда это были даже не термины в строгом смысле слова, а описания,— так сказать, некое изложение, изображение научно-технического понятия (например, были эквивалентными обозначения: *дно карьера*, *почва карьера*, *карьерное дно*, *основание карьера*, *подошва поверхности разреза* — в горном деле). Термины — иностранные слова также имели разные варианты, часто отражающие их устную и письменную форму или восходящие к разным языкам. Например: *монжу*, *монтжюс*, *монжус* ('подъемник'; фр. montjus); *инжекция*, *инъекция* (фр. injection, лат. injectio). Для заимствованных терминов, вошедших в употребление в течение XX в., характерна, как правило, фонетическая и морфологическая стабильность.

История становления русской научно-технической терминологии в XX в. — это неустанная борьба за единообразие, стандартизованность терминологических обозначений, за их однозначность и определенность. Но это связано не только с деятельностью разного рода терминологических комиссий и комитетов, а прежде всего с теми общими закономерностями развития терминологий, которые объединяют, цементируют различные типы номинации в этой области, организуют их и дают толчок к дальнейшему развитию. Какие же это общие тенденции?

97. Наиболее мощной, всеохватывающей и наиболее значимой является в терминологиях т е н д е н ц и я к р е г у л я р н о с т и о б р а з о в а н и й. Регулярность терминологических обозначений воспринимается специалистами разных областей как важнейшее свойство терминов. Если термин «выбивается» из системы, его сразу стараются упорядочить, поставить в общую шеренгу. Характерен такой пример. В технике сам процесс сопротивления материалов и прибор, испытывающий материалы на сопротивление, именуются одинаково — *сопротивление*. В одной из физических лабораторий этот прибор стали называть «сопротивлóметром» (название «неофициальное», окказиональное, но зато не выбивающееся из ряда названий приборов такого рода: *амперметр*, *спектрометр*, *вольтметр* и т. п.) [11].

Все терминологии тяготеют к речевым шаблонам, образцам. В каждой из них существуют свои парадигмы со строго распределенными признаками. Если термин выбивается из такой парадигмы, он, как правило, долго не живет. В этом смысле жизнь термина в соответствующей терминологической системе можно сравнить с жизнью пчелы в улье: пчелиная семья, по современным воззрениям,— это «сверхорганизм», и каждая пчела не индивид, не особь, а только орган, часть целого, внешне лишь напоминающая отдельный организм. Пчела не может существовать вне улья,— так же, как не может существовать изолированно рука или нога у человека. Так же и термин. По форме это отдельное слово. По существу же и дефиниция, приписываемая ему, и функция терми-

[11] Пример сообщен Г. П. Мельниковым.

на целиком зависят от места его в соответствующей терминологической системе. Только «номером» в соответствующей парадигме можно объяснить такие инкорпорации в современном научном языке, как *мезон-мезонное взаимодействие*, *диполь-дипольное взаимодействие*, *векторно-векторное произведение*, *четно-четное ядро*, *водо-водяной реактор*, *одно-однозначные отношения*, *нуклон-нуклонные пары* и т. п. Целиком от места в терминологической матрице зависят в каждом случае избранный тип деривации, модель сложного слова, распределение компонентов в словосочетании (ср., например, недавно образованные названия разных ускорителей: *беватрон*, *бетатрон*, *космотрон*, *синхротрон*, *синхрофазотрон*, *синхроциклотрон*, *фазотрон*, *циклотрон*). Господство агглютинативных способов образования слов сильно поддержано именно этой тенденцией к регулярности [12].

Стремление к единообразию охватывает в терминологиях даже такие в принципе нерегулярные типы наименований, как метафорические переосмысления. Одно образное наименование тянет за собой другие, «смежные», и даже иногда образуются терминологические поля, заполненные целиком такого рода переносами. Например, в ядерной физике: *радиоактивное семейство*, *дочерние атомы*, *материнское вещество*, *время жизни изотопа*, *поколение нейтронов*, *возраст нейтронов*, *заселенность уровней*, *вырождение вектора ядерного спина*, *чужеродный атом*. Но, как правило, переносные наименования находятся вне досягаемости тенденции к регулярности. Это — антиштампы, экспрессивные образования, часто как раз выбивающиеся из строгих парадигм.

Экспрессивных образований в любой терминологии значительно меньше, чем регулярных. Это противотечение — слабое, но все же неуклонно действующее. Характерно, что многие экспрессивные термины воспринимаются терминологами как вульгаризмы, своего рода «вольность». Неоднократно отмечалось, что они вызывают «ненужные ассоциации». Но как бы ни боролись сторонники строгой регулярности с такими терминами, они живут. Вряд ли это можно считать случайностью, аномалией. Очевидно, весьма существенно то, что все экспрессивные термины — наименования мотивированные (пусть эта мотивировка часто бывает внешней, неполной и даже «уводящей», но она живо воспринимается всеми, кто говорит на русском языке).

[12] Строгая стандартизованность отношений характеризует не только форму слова, но и саму дефиницию. Лексические парадигмы строятся в терминологиях по строго заданным схемам. Так, в метеорологии *жидкие осадки* выделяются и классифицируются по трем признакам: 1) характер облаков, из которых они выпадают; 2) диаметр капли; 3) скорость падения капли в м/сек. Таким образом, дефиниция каждого термина в этой парадигме состоит из трех дифференциальных признаков + родовое название (например, *морось* — вид жидких осадков, выпадающих из облаков St и Sc, диаметр капель 0,1—0,2 мм, скорость падения — 0,25 м/сек.). Эти признаки строго размежевывают такие термины, как *сильный дождь* и *ливень*. В свою очередь, «жидкие осадки» входят в более общую парадигму «осадки», где различаются *осадки жидкие*, *снежные*, *ледяные* и *смешанные*.

98. Стремление к мотивированности обозначений присуще терминологиям в значительно большей степени, чем литературному языку. Степень мотивации бывает разной — от выражения внутренней логической структуры понятия до указания на внешнее сходство данного предмета с другим предметом. Все расчлененные наименования мотивированны; подпадает под действие этой тенденции и большое число терминов, созданных путем деривации.

Однако из-под влияния этой закономерности выходит громадное число заимствованных терминов — иностранных слов, не мотивированных в русском языке (*суппорт*, *зуммер*, *транзистор*, *дюбель*, *пеленг*, *тензор* и т. д.). Правда, крайности сходятся — заимствованные слова хороши уже тем, что не дают ложной мотивировки [13], но все же перегруженность заимствованиями воспринимается всегда очень болезненно. Терминологическая система обладает значительно большей частотностью иностранных слов, чем язык общелитературный, но специальная лексика, возможно, знает и какой-то предел, порог заимствований (разный в разных научных областях). Этот порог интуитивно осознается специалистами разных областей. «Перенасыщая раствор», эти немотивированные наименования «выпадают в осадок». И начинается общественная реакция —дискуссии, полемика в специальных изданиях или даже в центральной прессе. Срочно предлагается заменить иностранные термины русскими. Например, журнал «Кокс и химия» предлагает вместо термина *эвапоратор* употреблять «испаритель», вместо *меланжеры* — «смесители», вместо *решофер* — «подогреватель» и т. д. («Кокс и химия», 1960, № 9).

Иногда сознательное отталкивание от немотивированных наименований отвечает конъюнктурным соображениям (так было в 50-е годы во время борьбы с «космополитизмом»). Именно в эти годы Терминологическая комиссия при Ленинградском технологическом институте предлагала заменить термины *аэратор*, *акселератор*, *крекинг*, *сепаратор*, *меланжер* и даже *глинизация* соответственно на термины «воздушная мешалка», «ускоритель», «расщепление», «отделитель», «мешалка» и «покрывание глиной». Однако никакие мероприятия по массовой «очистке» терминологий от иностранных заимствований не могли сколько-нибудь заметно снизить их число в разных терминологических системах и тем более уничтожить уже прижившиеся старые обозначения.

Заимствования трудно уничтожить: они поддерживаются все укрепляющейся международной координированностью в терминологиях. Международная координация терминологической работы — фактор прежде всего социальный, но, кроме того, также и внутриязыковая тенденция (терминологические системы призваны объединять научные исследования в разных странах и, по выра-

[13] См.: Д. Н. Шмелев. О некоторых тенденциях развития современной русской лексики.— В кн.: «Развитие лексики современного русского языка». М., 1965, стр. 15—16.

жению акад. В. В. Виноградова, являются «зоной международного словесно-понятийного соответствия)» [14].

В научных областях издавна принято «согласовывать» новые наименования. Существует интернациональный фонд терминологии и большое количество международных систем, кодов и правил, которыми руководствуются при создании новых терминов. Очень часто уже укоренившийся русский термин вытесняется заимствованным (обычно тогда, когда термин употребляется не в одном, а в нескольких языках). Например, русское слово *пищик*, распространенное в начале века, было вытеснено в радиотехнике термином *зуммер*; метеорологи в последнее время вместо термина *смерч* употребляют *тромб* и т. д. Наиболее интернациональными в русском языке являются наименования, составленные из русских и греко-латинских элементов или только из элементов греческих и латинских.

Важной чертой современных терминологических систем является их взаимопроницаемость. Если различные области науки и техники в XIX в. характеризовались большой замкнутостью и автономностью, то этого нельзя сказать о научно-технических системах XX в. Сейчас определенные открытия и изобретения в одной науке часто значительно трансформируют и видоизменяют систему взглядов в другой, иногда очень далекой, науке. Широко известно воздействие теории информации и кибернетики на биологию. Вообще XX век, особенно 50—60-е годы, характеризуется математизацией ряда наук, прежде чисто гуманитарных. Математическая терминология и фразеология получают новую сферу употребления, входят в новые терминологические поля и вытесняют в некоторых случаях старые терминологические обозначения.

Наиболее живучими и продуктивными оказываются в наше время такие способы наименования, которые лежат в точке пересечения трех или хотя бы двух главных тенденций. Объединяют все три тенденции агглютинативные аналитические, часто «гибридные» сочетания (типа *сверхпарамагнетизм*, *антигиперон*, *ферродиэлектрик*, *гидромонитор*, *пневмоавтоматика*, *электрокардиотопокопия*, *термобиметалл*, *полимер*), и именно они так активно растут в разных терминологиях. Регулярность и мотивированность объединяют в себе свободные сочетания; регулярность и международность — заимствования, и это все очень продуктивные способы номинации.

То общее, что характеризует главное направление движения во всех терминологиях,— это стремление к аналитизму, резкое возрастание аналитических форм лексем и рост агглютинативных элементов. Для всех новых терминологических систем характерно стремление к конструированию таких форм, которые могут отражать одно-однозначные соотношения в матрице.

---

[14] «Литературная газета», 19 октября 1965.

Рост аналитических прилагательных и частиц в современных терминологиях — яркое тому свидетельство. Если в XIX в. эта морфологическая категория слов существовала лишь в химической номенклатуре (а в технической это были лишь эмбрионы будущих классов слов, так как термины *гидропульт*, *гидростатика*, *термодинамика*, *термолампа*, *термостат*, *фотосфера*, *фотогравюра* и некот. под. уже существовали, но не было регулярных рядов таких наименований, и с морфологической точки зрения это были еще сложные слова), то теперь ни одна наука или отрасль техники не обходится без таких обозначений. Ср. новые слова (аналитические прилагательные) *вибро-*, *ракето-*, *пневмо-*, *перфо-*, *видео-* и т. д. Новая ветвь метеорологии названа *мезометеорологией* (ее терминология: *мезоциклоны*, *мезоантициклоны*, *мезообъекты*, *мезомасштабы*, *мезопроцессы*, *мезоанализ* и т. д.).

99. Необходимо подчеркнуть, что каждая из названных «движущих сил» терминообразования общественно осознается. И поэтому борьба и взаимодействие этих тенденций — процесс не только стихийно-внутриязыковой, но и во многом социально-опосредствованный.

Терминологическая работа в нашей стране ныне проходит под строгим государственным и общественным контролем [15]. Но важно подчеркнуть, что работа многочисленных терминологических комиссий оказывается плодотворной только в том случае, если учитываются закономерности, действующие в терминологических системах. Терминологические системы, если это действительно системы, представляют собой единый организм, который имеет свой узус, сложившуюся традицию употребления, и в котором нарушение одной части неизбежно влияет на другие компоненты терминологического поля. История терминологий показывает, что борьба с тем или иным одиночным термином, вошедшим в научно-технический обиход, обычно оказывается бесплодной, несмотря на всю логичность и мотивированность возражений. Еще в 1931 г. Д. С. Лотте выступал против термина *коробка скоростей*, «иска-

[15] Первые попытки нормализации технической терминологии относятся к началу XX в., когда русский Электротехнический комитет Международной электротехнической комиссии (JEC) издал особые сборники, где сообщал о решениях JEC, о принятых обозначениях, величинах, единицах и понятиях. Но это было лишь частной инициативой. Планомерная и обязательная терминологическая стандартизация началась в нашей стране с 30-х годов. Появляются отраслевые справочники (резиновой, полиграфической, радиотехнической, торфяной, химической, лесной промышленности, и некот. др.), технические двуязычные словари. Отдельные научно-исследовательские институты образовали специальные комиссии для унификации терминологии. Вопросами стандартизации терминологии занимался IX Всесоюзный электротехнический съезд в 1928 г. и Астрономо-геодезический съезд в 1934 г. При СТО был создан Всесоюзный комитет стандартизации, и, наконец, в АН СССР в 1933 г. была образована специальная Комиссия по технической терминологии, преобразованная в 1938 г. в Комитет технической терминологии (КТТ), который возглавил терминологическую работу в стране. Терминологи изучают процесс терминообразования и активно влияют на него. Сборники КТТ официально признают одни термины и не рекомендуют другие.

жающего техническую идею». Был предложен и введен другой термин — *коробка перемены передач*. Однако до сегодняшнего дня оба термина сосуществуют, старое название даже более распространено (особенно в устной речи). Нельзя не заметить, что в терминологиях существует стремление к сохранению старых обозначений, иногда даже в таких случаях, когда старое наименование превращается в результате развития науки в свою противоположность (так случилось с физическим термином *атом* — греч. atomos 'неделимый'; коренным образом в наше время изменили свое содержание термины *ядро*, *кванты* и др.).

Вся история становления русской научно-технической терминологии в советское время — эта неустанная борьба за стандартизацию научных обозначений. Всесоюзный комитет стандартизации начал свою работу с того, что принимал меры к устранению разных обозначений одного и того же предмета в разных отраслях техники (речь идет о таких случаях, когда один и тот же предмет называется в авиации *помпой*, а в автомобильном деле — *насосом* или в технике самолето- и автомобилестроения *жиклером*, а в тракторостроении — *форсункой* и т. п.).

Деятельность по разработке и упорядочению систем научно-технических терминов и определений в нашей стране направляется рекомендациями и постановлениями Комитета технической терминологии АН СССР, который руководствуется рядом четких и принципиально верных положений. Так, любое описание терминологической системы начинается с классификации основных понятий данной области науки или техники и с выделения основных классификационных признаков. При установлении рекомендуемого термина предпочтение отдается термину, отражающему признаки, наиболее характерные для определяемого понятия. Однако комитет постоянно сталкивается с необходимостью считаться со степенью внедрения термина в научный обиход, с его распространенностью. И тут кроется целое поле для ошибочных рекомендаций, бесплодной борьбы и ненужной полемики.

«Осязаемость», сиюминутность создания научного термина создает иллюзию беспредельной власти инженеров и техников над своим техническим языком. И его стараются иногда не только корректировать и направлять, но и резко изменять, пытаясь немедленно заменить те или другие термины и даже целые терминологические серии новыми обозначениями. Выше уже писалось о неразумных и надуманных рекомендациях 1948—1950 гг. по «массовой очистке» терминологий от иностранных терминов. Они не оставили в русском техническом языке сколько-нибудь заметного следа.

Споры вокруг терминов в основном группируются по трем пунктам:

1) выбор русского или иностранного обозначения (*миксер* или *мешалка*, *барботер* или *подогреватель*, *бастр* или *побочный продукт*); 2) выбор эксплицитной или имплицитной формы термина

натяжение арматуры до затвердения бетона или *предварительное натяжение*; *предварительно напряженный железобетон без анкеров* или *струнобетон*); 3) выбор «строгого» термина или термина-метафоры (*глухари* или *закрытые прибыли*; *солдатики* или *деревянные палочки* — в литейном производстве).

Во всех случаях речь идет именно о выборе, отборе, так как специфические условия создания нового научно-технического обозначения приводят к одновременному появлению нескольких терминов (разные научные школы, разные производственные условия, разные страны, разные национальные традиции и т. д.). Сначала возникает как бы несколько черновиков будущего термина, которые некоторое время сосуществуют и конкурируют, а затем умирают, уступая место «беловику». Совсем недавно были созданы синтетические волокна, а для обозначения эластичных нитей (одно и то же понятие!) существуют такие разные названия, как *текстурированная нить*, *текстурная*, *объемная*, *структурная*, *модифицированная*, *извитая*, *фасонная*... [16] В этих названиях отражаются как разные признаки предмета (отражение тенденции к мотивированности обозначений), так и разные традиции — русская производственная (*извитая*, *фасонная нить*) и международная (*текстурированная* от лат. textura 'строение, ткань').

Борьба с некоторыми укоренившимися терминами приобретает иногда характер затяжной войны. Так, более двадцати лет ведется теоретиками литейного дела борьба с термином *земля* и его производными (*формовочная земля*, *формовка в землю*, *земляные раковины*, *земледелка*, *горелая земля* и под.) [17]. Разъясняется, что этот термин «искажает сущность понятия», предлагается заменить его повсеместно термином *смесь* (*горелая смесь*, *смесеприготовительное отделение*, *формовочная смесь* и т. д.). Однако литейщики не принимают этих новых обозначений, и терминологам приходится, как пишется в названных работах, «только удивляться живучести этого мертвого уже термина» [18]. А удивляться тут нечему. Как ни специфична научно-техническая терминология, она входит в общенациональную лексику русского языка и подчиняется ее законам. Как ни сильно в терминологиях стремление к мотивированным обозначениям, они подвержены общему закону утраты внутренней формы слова в процессе употребления. И действие этого закона иногда жизненно важно для терминологий, которые так изменчивы и так быстро развиваются, ибо сохраняет какой-то п о с т о я н н ы й ф о н д терминологии, создавая преемственность в научных теориях и изысканиях. Под напором новых (необходимых!) понятий и представлений рушатся старые теории и взгляды, но терминологиче-

[16] К. Н. М а с л е н н и к о в. О классификации и терминологии высокообъемных и эластичных нитей. «Стандартизация», 1963, № 7, стр. 17.

[17] См., например: «Литейное дело», 1941, № 1, «Литейное производство», 1961, № 5.

[18] Л. И. Л е в и, М. Н. С о с н е н к о. О технической терминологии в литейном производстве. «Литейное производство», 1961, № 5, стр. 45.

ские обозначения лишь видоизменяются и приспосабливаются к новому, а не отбрасываются в сторону.

Таким образом, развитие терминологических систем вовсе не так прямолинейно и «предсказуемо», как может показаться с первого взгляда. С одной стороны, терминологии тяготеют к штампам, речевым образцам и подчиняются тенденции к регулярности обозначений. С другой стороны, стремление к мотивированности наименований постоянно поддерживает тенденцию к экспрессивности. С одной стороны, терминологии стремятся постоянно обновляться и перестраиваться вслед за развитием научной мысли. С другой стороны, они трудно отказываются от старых обозначений, предпочитая скорее ввести новое определение понятия, чем новый термин. С одной стороны, терминологии сознательно строятся и управляются теми или другими социальными группами или лицами. С другой стороны, терминообразование — во многом именно стихийный процесс, трудно регулируемый. Но во всей своей изменчивости и во всем своем многообразии терминологии разных наук стремятся к систематичности, соподчиненности наименований и к образованию семантически однородных рядов терминов.

Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века. 100. На современном уровне развития науки каждая ее область имеет хорошо организованный словарь, состоящий из десятков и сотен тысяч терминов. Терминологические системы все более и более специализируются и замыкаются в себе и в то же время все более и более взаимодействуют с общелитературной лексикой и влияют на нее. Это две стороны одного процесса. Именно контрастность специального и неспециального языка делает столь значимым их столкновение.

В наше время происходит «терминологизация» общелитературного языка: в него входят не одиночные термины, порвавшие связи со своим терминологическим полем, а целые группы, серии терминов. Они во многом сохраняют свои прежние терминологические отношения и связи и оказывают сильное структурно-семантическое давление на общелитературную лексику. Это влияние обычно идет в русле тенденции к регулярности обозначений в языке.

Главные причины и движущие факторы процесса терминологизации речи содержатся в самой социальной действительности, т. е. это факторы экстралингвистические — бурный рост науки и техники, резкое возрастание роли науки в жизни общества, повышение уровня грамотности, широкая пропаганда научных знаний по радио, кино и телевидению и т. д.

Способы и цели включения научно-технических терминов в общелитературный язык различны. С точки зрения функциональной можно выделить: а) ситуационные включения, обусловленные требованиями темы и жанра сообщения; б) включения, обусловленные определенным стилистическим заданием; в) включения терминов в образно-переносном употреблении, обусловленные ассоциа-

тивным характером мышления и стремлением к обновлению фразеологии; г) случайные «инкрустации».

101. Приемы использования терминов науки и техники в неспециальных контекстах, как и более общие процессы взаимодействия терминологической лексики с общераспространенной, имеют в русском языке сравнительно недавнюю историю. Только в прошлом столетии научные термины начали выходить за пределы специальных трактатов и сочинений, причем активизация процесса проникновения терминологической лексики в общелитературный язык происходила в 60—50-х годах XIX в. [19] XX век внес существенные коррективы в функционирование терминов, изменил удельный вес терминологии в общем языке; стали иными и те каналы, по которым специальная лексика проникала в общее употребление.

Ситуационные включения научно-технических терминов в разные жанры общелитературного языка зависят, кроме темы сообщения, от господствующих в ту или другую эпоху типов описания событий и фактов научной и производственной жизни. Естественно, что сами типы, способы описания фактов такого рода изменчивы и целиком обусловлены образовательным и общелитературным уровнем читателя, слушателя, зрителя, его привычками и навыками.

Научно-популярный жанр как таковой начал складываться в России в XIX в. В работах М. И. Сеченова, И. И. Мечникова, А. М. Бутлерова и других разрабатывались приемы толкования специальных слов, способы подачи строгих научных понятий, отыскивалось наилучшее соотношение «научного» и «популярного». Однако адресовались книги и статьи этого жанра сравнительно узкому кругу интеллигенции и студенчества.

После Октябрьской социалистической революции изменился состав читателей как научно-популярной, так и газетно-публицистической литературы (тоже насыщенной терминами). Изменение состава носителей литературного языка привело к значительной трансформации научно-популярных жанров. Новый адресат требовал особой доходчивости, простоты изложения. В 20-е годы из газетных статей и информаций, из популярных брошюр изгоняются слишком трудные, специальные термины, сложные номенклатурные обозначения. Научно-популярные жанры начинают отсчет с нуля. История становления советской научно-популярной литературы — это история борьбы за повышение культуры населения в нашей стране.

Вот, например, описание нового изобретения в газетной информации начала 30-х годов, ориентированной на читателя-рабочего:

---

[19] Об истории функционирования терминологии в русском литературном языке XIX в. см.: Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.— Л., 1965.— Проводя аналогии и сопоставления лексики предшествующего периода с современным состоянием русской лексики, мы будем опираться именно на этот труд Ю. С. Сорокина.

В апреле коллегия НКПС рассмотрела изобретение, предложенное студентом 2-го курса МВТУ т. Ярмольчуком. Изобретение представляет собой новый вид транспорта, который коренным образом отличается от всех существующих способов передвижения и перевозки грузов. Новый способ передвижения позволяет довести скорость в перевозке пассажиров и грузов до 300 км в час («Раб. Москва», 21 апр. 1931).

В наше время появление такого рода сенсационного сообщения без описания хотя бы основных принципов устройства этого нового вида транспорта было бы невозможно. Ср. принятый в наши дни тип информации:

Новый двигатель обладает целым рядом существенных достоинств: спокойная коммутация, малый момент инерции (и потому высокое быстродействие), равномерность вращения, устойчивость при низких скоростях, хорошая работа в прерывистых режимах («Наука и жизнь», 1963, № 1); Недавно на заводе координатно-расточных станков введен в эксплуатацию сборочный корпус, оборудованный установкой для поддержания постоянной температуры воздуха. Сооружена юстировочная камера с виброизолировочным фундаментом и делительное отделение («Изв.»,13 ноября 1963).

Сейчас существует громадное количество жанров и типов речи, которые свободно оперируют любыми терминологическими сериями. Выработаны сложные и довольно тонкие приемы ввода терминов в разные газетно-публицистические жанры. В статьях и заметках, ориентированных на широкого читателя, малоизвестные термины обычно так или иначе разъясняются. Это разъяснение может быть кратким или развернутым, точным или приблизительным. Например:

Так называемое *аппретирование* (иначеговоря — пропитка)...; В состав полубиологического протеза входят и вещества, препятствующие свертыванию крови,— *антикоагулянты*; У ученых-физиков есть термин — *разгон реактора*. Иными словами, это выход ядерного реактора из-под контроля; При *трахеотомии* или, в переводе с греческого, горлосечении, чтобы больной мог дышать, обычно вставляется металлическая трубка (Из газет 60-х годов).

Широкое распространение получили в наше время в прессе и на радио такие статьи и передачи на промышленно-экономические, производственные и сельскохозяйственные темы, которые адресуются именно специалистам, работникам данной отрасли. В такого рода тексты специальные слова и выражения вводятся без ограничений и без каких-либо комментариев.

Многообразно используется научно-техническая терминология в таком популярнейшем сейчас жанре, как научная фантастика. Требования этого жанра приводят не только к актуализации громадного количества терминов, особенно из области физики, космо-

плавания, астрономии, ракетной техники, но и к созданию целых серий фантастических терминов, «сконструированных» как правило по «образу и подобию» существующих.

102. Особенного внимания заслуживает использование терминов науки и техники в художественной литературе. Современные повести и романы редко обходятся без специальной фразеологии. Термины употребляются в литературе как в авторской речи, так и в речи героев, во внутренних монологах и в публицистических отступлениях. Широкий ввод терминов в ткань художественного произведения характерен именно для литературы нашего столетия. Нельзя не отметить, что использование производственно-технических терминов в лучших произведениях последнего времени, безусловно, обогатило язык литературы новыми изобразительными средствами. В наше время коренным образом изменилось отношение общества к специальным знаниям, роль науки и техники чрезвычайно возросла, что не могло не отразиться и на отношении к специальной терминологии.

Роль терминов в художественном произведении многообразна, но «было бы неправильным полагать, однако, что их роль заключается при этом в сообщении каких-то точных технологических и т. п. данных. Это ясно хотя бы из того, что для большинства читателей специальные термины все равно, конечно, не раскрывают существа описываемых производственных процессов, да читатель обычно и не ищет в художественном произведении соответствующих справок. Назначение этих слов в другом. Присутствуя в произведении, они создают впечатление подлинной производственной атмосферы, помогают воспринять специальную работу как бы глазами производящих ее людей... Не всегда закономерно оценивать уместность специальных терминов в художественном произведении на основании их общепонятности. Часто выразительность терминологических обозначений зависит как раз от того, что их значение не является общеизвестным»[20]. В художественной литературе термин выполняет стилистические функции.

Первые подступы к использованию терминов при описании производственной атмосферы находим у писателей начала XX в.— А. Куприна, А. Серафимовича, Н. Гарина-Михайловского и некот. др. Так, в повести А. Куприна «Молох», главным героем которой является инженер металлургического завода, автор систематически прибегает к объяснениям использованных специальных слов (в тексте или в подстрочных примечаниях). Например:

У вас *задувка* скоро кончится? Примечание автора: «Задувкой доменной печи называется разогревание ее перед началом работы до температуры плавления руды, приблизительно до 160° С. Самое действие печи называется «кампанией». Задувка продолжается иногда несколько месяцев».

---

[20] Д. Н. Шмелев. Лексика.— В сб.: «Слово и образ». М., 1964, стр. 78—80.

Подробно разъяснены А. Куприным термины *известковая печь*, *кауперы*, *штамбы*. Такое словоупотребление напоминает ввод экзотизмов, редких иностранных слов и вообще фраз на чужом языке, которые требуют перевода. «Молох» — повесть об инженере, но описание завода и производственных процессов дается со стороны, глазами писателя, а не героя. Это один из возможных приемов подачи специальных слов в литературе.

Сейчас разработаны более сложные и многообразные способы ввода специальной терминологии в текст художественного произведения (термины исполняют характерологическую роль при передаче речи рассказчика, в скрытых диалогах, при всякой стилизации,— играют изобразительную роль в одноплановых текстах с преобладанием авторской интонации), но как правило «переводу» они не подлежат и вообще остаются именно стилистическим средством, особым знаком, элементом кода, неизвестного читателю, т. е. своего рода инкрустацией.

Ср., например, следующие отрывки из книг разных лет: Камень был уже поднят на перемычку и положен на *думпкар*. Трос опять был спущен в котлован, и такелажник в прозодежде, молодой парень, орал с площадки *беррика* и нагибался над пропастью. В прорывах между *ряжевыми устоями* непроглядно чернела тьма, и только мгновенный луч прожектора молнией вспыхивал на пегом бетоне *шандоров* и ослепительно брызгал капелью фильтрующей воды (Ф. Гладков, Энергия); Смена кончилась — он появился в конструкторском бюро, заглянул в кабинет, там шло совещание. Главный пригласил его зайти, он пробрался к столу и спросил, что представляет собой дуга, по которой движется *каретка*. Круг? Он обрадовался: тогда все логично, каретка должна ломаться, поскольку имеется *разрыв производной*. Гатенян навел тишину, заставил Крылова повторять сызнова. В *сопряжении дуги* с *направляющей* происходил удар, и, следовательно... Мастера, проектировщики недоверчиво поглядывали на клочок бумаги с нацарапанными значками без цифр и рисунков. Здесь привыкли иметь дело с *коэффициентами*, *чертежами*, *номограммами*,— отвлеченные уравнения их не убеждали (Д. Гранин, Иду на грозу);— А вдруг поэзия — это способ мышления будущего человечества? Или вы не верите в биологическую эволюцию? — спросил Памфилий. Ржановский повеселел.— Ну, что ж, это известным образом будоражит воображение. Люблю завиральные идеи... Если принять эту версию, то поэзия — это *способ глубинной раскачки организма для подготовки возможности мутационных изменений в его потомках* (М. Анчаров, Теория невероятности).

Термины, употребляющиеся в общелитературном языке с тем или иным стилистическим заданием, не имеют полноценных парадигматических связей с другими словами, им свойственна некоторая языковая изолированность, благодаря которой и осуществляется стилистический эффект. Термины, которые вводятся в определенные жанры и типы речи в связи со специальной темой сооб-

щения (статья на производственную тему, киноочерк о научном коллективе, научно-фантастический роман и т. п.), тоже «привязаны» к этим контекстам, локальны и имеют весьма ограниченные связи с общеупотребительной лексикой.

103. Другая большая область использования специальных терминов в общем языке не связана ни с определенными тематическими контекстами, ни со стилистическими сопоставлениями. Это область образного и переносного употребления слов, ведущего к семантическим сдвигам в структуре термина. Метафоризация как особый способ выражения (сокращенное, сгущенное сравнение) связана с общей тенденцией языка к экспрессивности. Метафорическое употребление слова всегда вызвано какими-то новыми ассоциациями, аналогиями, сопоставлениями и противостоит регулярному, штампованному, привычному. Целесообразно различать три разные ступени метафоризации: образное переосмысление (метафора), переносное употребление (частотная метафора) и переносное значение (связанное с детерминологизацией слова).

Исходной точкой для построения образа часто является не содержание специального термина, а «бытовое представление» о нем, включающее лишь часть дифференциальных признаков, составляющих его содержание. С точки зрения психологии мышления «подступом», как бы «нулевым циклом» в построении термина-метафоры является развернутое сравнение, сопоставление двух разных планов, параллелизм. Например:

Нельзя без этого тормоза идти по Ветлуге, русло которой — *как зигзаги кардиограммы*; Разработанный по инерции, *с бездумной исполнительностью реле*, такой показатель становится помехой для дела; Это... схема, где все расставлено строго, *как атомы в модели кристалла* (Из газет 60-х годов); Эта странная маленькая библиотека, *как геологическое напластование*, не случайно отлагалась десятки лет (О. Мандельштам, Шум времени); Мужчина начинает любить через день после того, как он сказал «люблю». Поэтому не нужно говорить этого слова. Любовь все растет, человек загорается, а тебе уже разонравилось. *В технике автомобиля это зовется опережением выпуска* (В. Шкловский, Zoo); В нас токи земли, как озноб, пробегают. | Но, *как изолятор*, нас с ней разделяют | | Асфальты, булыжники, автомобили... | Мы запах земли в городах позабыли (А. Вознесенский, Земля).

Как правило только окказиональное, единичное употребление делает слово образом [21]. Для новых аналогий, новых метафор язык нуждается в постоянных резервах. И специальная терминология является именно таким практически неисчерпаемым источником для новых осмыслений, сравнений, новых способов речевого выражения.

---

[21] В данном случае нет речи об оживлении стершейся внутренней формы слова и построении образа именно на неожиданности такого воскрешения («поэтическая этимология»). Это другой круг вопросов.

Необходимо подчеркнуть, что процесс вовлечения терминов в зону образно-метафорического осмысления носит ярко выраженный социальный характер. Факторы экстралингвистические играют при этом едва ли не ведущую роль.

104. Процесс метафоризации научной терминологии начался в русском языке в начале XIX в. и активизировался к середине прошлого столетия. Он был связан в 40—60-е годы XIX в. с глубоким интересом со стороны демократической интеллигенции к данным точных и естественных наук, с широкой популяризацией естественнонаучных знаний. Свободное оперирование научной терминологией, аналогии, построенные на сближении различных исторических и социальных факторов с фактами естественной истории, все это становится особенностью стиля ряда выдающихся публицистов и писателей XIX в. (А. Герцен, Д. Писарев, Н. Чернышевский и др.). Ю. С. Сорокин подчеркивает в своих исследованиях языка XIX в., что термины естественных наук в новом для них расширительном и переносном смысле в разговорной речи определенного круга интеллигенции, в публицистике и в языке художественной литературы становились излюбленными словами, несущими в себе особый смысл, словами-символами, характеризующим новый строй понятий и новое отношение к явлениям действительности. И поэтому они оказались как бы в центре идейной схватки 60-х годов прошлого века в качестве характерной приметы демократических стилей литературного языка, которым противостояло дворянско-аристократическое направление публицистики. Писатели из дворянского лагеря постоянно высмеивали в статьях и частной переписке материалистическую естественнонаучную терминологию «нигилистов» [22].

Это общественное размежевание и четко выраженное «классовое» пристрастие к фразеологии определенных наук было возможно именно потому, что использование терминологии в образно-расширительном и символическом значении еще не стало общей приметой публицистического стиля. Это был период освоения нового приема в русском литературном языке, когда из языка отдельных произведений он еще не перешел в общее употребление.

К началу XX в. использование терминов в качестве метафор, в расширительном и образно-переносном употреблении из особого стилистического приема, свойственного отдельным писателям или определенным группировкам в литературе, становится характерной особенностью публицистики вообще как функциональной разновидности речи. Образно-переносное осмысление научных терминов и вовлечение их в новые фразеологические серии связано с повышением роли науки в жизни общества и с плодотворным развитием самой научной мысли. Поэтому закономерно, что эти языковые процессы становятся особенно активными именно в русском языке послеоктябрьской эпохи.

В зависимости от общественной значимости, степени актуальности той или другой науки в разные исторические периоды в сферу метафорического переосмысления проникают термины разных наук. Характерно, что в период революции и борьбы с интервенцией научным терминам пришлось отступить и уступить место военной фразеологии, которая включалась в самые распространенные

[22] См. об этом в работах Б. М. Эйхенбаума и В. В. Виноградова о Л. Толстом.

газетно-публицистические клише [23]. Ср.: *бить тревогу, открыть огонь по бюрократизму, мобилизовать, боевая готовность партячеек, передовая линия, на подступах, застрельщик, стоять на посту, штурмовать, хозяйственный фронт, поход за грамоту, боеспособность комсомола, фронт труда, на путях перевооружения печати, в авангарде борьбы, развернуть наступление, начать атаку, батальоны труда, рабкоровская армия* и т. д.

Такое же явление наблюдаем и в период Великой Отечественной войны, в 40-е годы, когда главным резервом для пополнения фонда выразительных средств речи становится военная терминология.

Таким образом, в советское время было два периода активизации научно-технической терминологии в общелитературном языке: конец 20-х — 30-е годы и 50—60-е годы.

В годы индустриализации и электрификации страны в речевом употреблении активизируются термины электротехники, радиотехники, вообще техническая и производственная терминология (термины механики, строительства, автомобильные и др.). В эти годы типична такая фразеология:

Но не все работали напряженно. Не все горели на высоком большевистском *вольтаже*; Науке — большевистский *вольтаж! Высоковольтная электризация* рабочего читателя может иметь для авторов лишь одно оправдание: добросовестность их внимания к рабочей массе; Для решения этих вопросов требуется революционность самого *высокого напряжения*; Проложим надежные *кабели* между городом и селом! Поставляют все те же образцы старой, мещанской обстановки со всеми ее «*конденсаторами*» пыли и с обязательными атрибутами «уюта» — всеми этими полочками, тумбочками и т. д. (Из газет 30-х годов); Я вырвался из этих ограничительных *тиглей* и почувствовал себя свободным (В. Лидин, Об искусстве и о себе); Я должен сознаться, что постоянное *намагничивание* оказывает сильное влияние на рабочих (Ник. Никитин, Вредные мысли); Впопыхах и в пылу революционного торжества казалось, что вместо ухнувшего литературного возка из таинственного *депо* жизни вдруг выкатится поражающей красоты и мощи локомотив с чудо-машинистом (И. Касаткин, Литературные ухабы); Волевым порывом художник соединял эти предметы в единое тело, *цементируя* их живой влагой своих пристрастий, оживляя огнем своей личности (А. Толстой, Писатели о себе); Требовалось *глубокое бурение*. Так возникла и закрепилась мысль проточить древесину сегодняшнего Китая биографией, как жук-древоточец прогрызает балку (С. Третьяков, Дэн-Ши-Хуа); Можно ли назвать мыслями ту сверкающую душевную *вибрацию*, какая пе-

[23] См.: В. Ф. Алтайская. Расширение сферы терминологической лексики в первое десятилетие после Октябрьской революции. «Доповіді та повідомлення» Ужгородского державного ун-ту, 1959, № 4; Она же. Детерминологизация производственно-технической терминологии в первое десятилетие после Октябрьской революции.— Там же, № 5.

реполняет юное существо в серьезный момент жизни? (А. Грин, Блистающий мир).

105. Образное и расширительное употребление технических терминов шло в 20—30-е годы параллельно и на фоне переносно-расширительных значений производственной и профессиональной терминологии в широком смысле этого слова. Именно производственно-техническая лексика была в это время основным фондом, откуда шли в общее употребление наиболее распространенные фразеологизмы и клише. Эта терминология проникала в общелитературный язык через устную речь рабочих и специалистов разного профиля.

Наиболее частотными в новых лексико-фразеологических единицах стали такие слова, как *фундамент*, *цементировать*, *спайка*, *смычка*, *сплав*, *закалка*, *перековка*, *ковать*, *размагнититься*, *переключиться*, *шлифовка* и некот. др. В эти годы перешли в сферу общего употребления такие прежде локализованные определенной профессиональной средой словосочетания, как *заложить фундамент чего-н.*, *спустить на тормозах*, *на холостом ходу*, *открыть шлюзы чему-н.*, *ставить на новые рельсы*, *взять на буксир* и т. п. Например:

Конференция *заложила* новый *фундамент* перестройки всей партийной работы; Московские рабочие обязаны *взять на буксир* Подмосковный бассейн, окружить его своим вниманием; Завод *на буксире* совета (заглавие); Однако многие организации даже в настоящий горячий момент *идут* ко второму большевистскому севу *на тормозах*; Необходимо *сцементировать* союз пролетариата и крестьянства; Только на этой почве мыслимо создание той товарищеской *спайки* и взаимного понимания армейских верхов и низов, которые являются главнейшими залогами физической и духовной мощи Красной Армии (Из газет 30-х годов); Виктор Гюго не мог заниматься такой филигранной *шлифовкой* формы, как Бодлер (А. Луначарский, История западноевропейской литературы); Но не только это занимало Мирона. Горел он одним: как бы создать твердую систему труда, чтобы не *размагнитить* рабочих (Ф. Гладков, Энергия); Берлин, всхлипывания шарманки, площади, где нищие продают спички. *Сплав* отчаяния и деловитости (В. Шкловский, Zoo).

Большое число технических и профессиональных терминов получило в результате этого нового образно-расширительного употребления устойчивые переносные значения и детерминологизировалось (об этом см. II, § 109—112).

Собственно научные термины привлекались в 20—30-е годы в зону метафорического употребления значительно реже, чем техницизмы разного рода. Они редко включались в ходовые лозунги, газетные призывы, речи, доклады. Но традиция XIX в. прервана не была, так как в индивидуальном стиле некоторых авторов по-прежнему использовались термины разных наук в новом осмыслении. Ср., например:

Борис Синани умелой рукой снял с моих глаз *катарракту*,

скрывавшую, по его мнению, от меня аграрный вопрос (О. Мандельштам, Шум времени); Связующим *ферментом* такой прозы является мысль (М. Шагинян, Литературный дневник); Догматизация в науке, религии, социальной жизни, искусстве —*энтропия* мысли; догматизированное уже не зажигает (Е. Замятин, О литературе, революции, энтропии и прочем); Ефремовский завод — завод новый и жизнеспособный — должен быть выведен из состояния трехлетнего «*анабиоза*» («Пр.», 12 сент. 1928).

Единичные осмысления терминов, редкие метафоры представляют собой факты индивидуального стиля, индивидуальной манеры мышления и выражения. Но частотные, широко распространенные метафоры и символические употребления ряда слов являются уже элементами «стиля эпохи», они несут в себе вполне определенную социальную окраску как результат речевого отбора, как выражение языковых вкусов и привычек.

106 При всем многообразии новых образных переосмыслений производственно-технических терминов, при разной степени их частотности в речи и актуальности нельзя все же не заметить одной общей закономерности в таком словоупотреблении. Тогда, когда в обществе актуализируются те или иные идеи, они находят себе выражение в определенных устойчивых обозначениях, которые составляют «смысловой центр», притягивающий синонимические и аналогические наименования, складывающиеся в лексико-семантические поля. Такие поля составляются и из экспрессивных обозначений разного рода, которые группируются вокруг некоторых опорно-номинативных обозначений. В конце 20-х годов в нашем обществе особенно актуальной стала идея строительства (новых отношений, новой экономики, культуры и т. д.). И в речи появляются целые лексико-фразеологические серии, группирующиеся вокруг этого понятия. Ср.: *партийное строительство*, *культурная перестройка*, *фундамент социализма*, *здание коммунизма*, *цементирование народной инициативы* и т. п.

В 50—60-е годы происходит резкое возрастание в речи научных терминов, употребленных в расширенно-метафорическом смысле. Особенно актуальными и общественно важными науками становятся физика, математика, биология, химия, медицина. Термины этих наук чаще всего и вовлекаются в зону образного переосмысления. Примеры:

Коллектив — *реактор* человеческой энергии; *Силовое поле* его творчества ограничено аудиторией, которая воспринимает его именно как участника самодеятельности; Есть опасный вид идеологической *радиации* — пропаганда войны; Детективная литература и научная фантастика склонны к взаимообмену, к жанровой *диффузии*; Эта *парабола* выражает не просто деградацию, а гигантский скачок назад; Несхожесть поэтов — лишь та *аксиоматическая исходная*, за которой все же встает сакраментальное: зачем? — В результате четырехмесячной *селекции* судьи выведут на поле две команды; Материальные стимулы являются своеобразными *биото-*

ками торговли; Безответственность — *планктон* аферистов; Стихи были так себе, никудышные, заполненные рифмованной *протоплазмой*; Минерва ... бы не додумалась до столь странного *симбиоза* медицины и искусства; Главная задача президента — искусственная *инъекция* оптимизма; На маленьком экране пляшет голубоватый частокол всплесков. Это моя речь. Ее «*кардиограмма*»; От глаукомы слепнут. Болезнь, которой подвержен поэт и его приверженцы — политическая *глаукома*; Какова же сила притяжения этого молодежного клуба, его *валентность*? (Из газет и журналов 60-х годов).

Образно переосмысляются и метафоризуются также и технические термины. Вот типичные примеры из газет последних лет: *Коррозия* души; Необходима *компрессия* лекционного материала: его сжатие, новые формы изложения; Дело в том, что человек находит нравственный *пеленг*, который ведет его к жизни и возвращает ему море; Однако всегда художественное решение этих умозрительных, условных планов точно «*заземлено*» в характерах героев; В ней-то, в личности, и *спрессовано* время в тех или иных чертах; Какой-то непонятный «*перекос*» получился у нас в отношении к семейным темам; *Испытание на прочность* (заметки о прозе журнала «Юность»).

Использование терминов в метафорическом переосмыслении в языке публицистики связано с ассоциативным характером мышления и вызвано глубинными потребностями обмена информацией в обществе.

Разговорная речь современности также нередко прибегает к образно-расширительному употреблению терминов. Такое словоупотребление характеризует прежде всего речь людей, которые по роду своей деятельности связаны с техникой. Писательница И. Грекова отмечает, что определенная группа людей говорит на своеобразном языке, насквозь пронизанном технической терминологией, причем технические термины применяются часто именно не в буквальном, а в метафорическом значении, каждое из которых тянет за собой целую цепь ассоциаций, образов и суждений. Ходячими выражениями в среде этих людей стали такие термины, как «зациклиться», «пойти вразнос», «остаточная деформация», «сработало реле», «система без обратной связи» и др. [24]

Приведем записи устной речи, включающей расширительное использование некоторых терминов: — Этот мальчишка с детства в *стерильной* обстановке: мамушки, нянюшки, у него и товарищей даже нет; — Он такой близкий, дорогой человек... Главное близкий; Я все время с ним чувствую *изоморфизм* какой-то...;— У него сердце — будь здоров! Такой *генератор* отличный; — Что плохого? Я хочу влюбиться и как *производное* — жениться; — А на четвертый день приказ. Прогул! Умнее ничего не придумал. Это у него такой *инкубационный период* — три дня.

---

[24] См.: «Вопросы культуры речи», вып. 6, М., 1965, стр. 201.

Ср. наблюдение писателя М. Анчарова: — Меня эта *формула жизни* не устраивает,— гудел муж. «Формула жизни». Двадцатый век все-таки (рассказ «Корабли». 1966).

В других случаях термин «фиксируется» в новом образном применении, становится частотным, иногда превращается в ходячий фразеологизм, хотя переносное значение еще не стало в нем устойчивым и зависит от определенных сочетаний. Это особенно свойственно газетно-публицистическим жанрам с их тягой к разного рода клише и готовым «обоймам». Ср., например, современное употребление терминов *амортизация*, *вакуум*, *гибрид*, *инфляция*, *вирус* и под.:

Эти мужественные, мажорные аккорды как бы смягчены, *амортизированы* камерными полутонами, бытовыми деталями; Хирурги вступили в бой с *амортизацией* сердца (Из газет); Не сердитесь, но вы же талантливый и живой человек, а работаете только на сорок процентов, *амортизации* боитесь, что ли? (В. Кетлинская, Дни нашей жизни); Он начал замечать, как постепенно образуется вокруг него своего рода моральный *вакуум*; Эта молодежь всегда жила в идейном *вакууме* (Из газет); Бахирев торопился пересечь пустынную зону и в тоске мысленно говорил себе: «Торичеллиева пустота. Искусственно созданный *вакуум*» (Г. Николаева, Битва в пути); Бадминтон — это *гибрид* тенниса и волейбола; Украинская газета должна писать по-украински, русская — по-русски, а не на каком-то *гибриде* из двух языков; Архитектура этого города представляет собой странный *гибрид* классицизма и модерна (Из газет 60-х годов); Произошла вполне определенная *инфляция* обещаний президента (Из радиопередачи, 1965); Не имеем ли мы тут дело с элементарной *инфляцией* гола в чужие ворота и с паническим страхом перед голом в свои? И совершенно закономерно и неизбежно наступает тогда *инфляция*, обесценение тех положительных речей, которые произносят положительные герои (Из газет); Мне хочется показать, как происходит *инфляция* слов и как слова меняют значение (И. Эренбург, Люди, годы, жизнь); Чтобы успешно лечить болезнь, надо найти вызывающий ее вирус. Какие же *вирусы* вызывают хулиганство среди несовершеннолетних? А затем началась операция, которую условно можно назвать «*вирус* здоровья»; *Вирус* недоверия к людям проник в сердца и души обывателей (Из газет 60-х годов).

В частотной метафоре сохраняется еще ощущение процесса переноса. Свидетельством этому служат характерные ремарки, реплики типа «образно говоря», «образно выражаясь», а также и то, что такая метафора часто тянет за собой определенное ассоциативное поле (*вирус — болезнь*; *инфляция — знак* и т. п.).

107. Выбор термина-метафоры как правило связан со степенью общественной актуальности той области науки, откуда этот термин заимствуется. Это наглядно выражено в случаях метафоризации терминов космической техники и космоплавания. Совсем недавно пущенные в оборот, они сразу же завоевали себе одно из первых

мест в ряду излюбленной фразеологии. В сферу образного переосмысления привлекаются целые терминологические серии: *стартовая площадка*, *космодром*, *ракета*, *ракетоноситель*, *запуск*, *виток* и т. д. Примеры:

Химик, геолог, журналист, биолог — вот их профессии, предмет их гордости, их *стартовая площадка* для запуска в поэзию; Именно социалистическая система как раз и является той *стартовой площадкой*, откуда мы запускаем свои чудесные космические корабли; Проект — *стартовая площадка* стройки; Здесь *стартовая площадка* для запуска посетителей на орбиту штабквартиры ООН; Детективный сюжет в сценарии является лишь своеобразным «*ракетоносителем*», *выводящим на орбиту* больших размышлений об основных моральных принципах нашей жизни; Последние метры, последние секунды перед окончательным приземлением на *космодроме* Земли — Красной площади; Наша Родина — наш *космодром*, мы и в поэзии должны вырываться к новым орбитам, откуда видны весь земной шар, все человечество (Из газет 60-х годов); Вот зачем, мой Париж прощальный, | Не пожар твоих маляров,— | Славлю *стартовую площадку* | Узкой улочки Мари-Роз! (А. Вознесенский, Лонжюмо).

Термины и обороты речи, свойственные кибернетике, также чрезвычайно широко используются в разных жанрах литературного языка в контекстах, исключающих их строго научную интерпретацию. Необходимо отметить, что математико-кибернетическая терминология в расширительном значении функционирует в общем употреблении несколько иначе, чем другие термины. Чаще это не переносное употребление, не метафора, а такой сдвиг значения, когда содержание слова становится безгранично расплывчатым и неопределенным. Ср.:

Есть заболевания, настолько хорошо изученные, что по их симптомам врач сразу и почти безошибочно поставит диагноз. Все зависит от его знаний и памяти. Иногда, чтобы *включить* больший *объем памяти*, собирают консилиум специалистов; После двух лет работы на конзаводе у меня появилась мысль забраться в уютненькое хозяйство где-нибудь на Тамбовщине, завести свиней и овец интересных пород, заняться племенной работой; то-то сделать, то-то... Словом, начал уже заранее «*моделировать*». Но на деле мне *моделировать* не пришлось; Произведений тысячи — и совершенных, и художественных, — и большинство их любому отдельному читателю даже неизвестно. Каждое из них, подобно человеку, несет в себе корневое родство со всеми другими, изначальное знание, которым не обладает машина и которое «*запрограммировано*» всей саморазвивающейся природой; В целом «Пристань» соответствует тому, что *запрограммировано* Корниловым; В фильме нам предлагают *модель с запрограммированным действием*; К ним потянулась восприимчивая, чуткая к свежему слову молодежь. А они вместо поисков *алгоритма* времени, не считаясь с запросами, пичкали эту молодежь, чем могли, во имя процветания самих себя: Придет время, и научный анализ по строгим *алгоритмам* разло-

жит весь этот гигантский обман, называемый церковью; Сибирский *алгоритм*... Конечно, это всего лишь образ, эмоциональная окраска математики, которая раскинула свой лагерь на берегу Обского моря; *Алгоритм* здоровья (Из газет 60-х годов); *Алгоритм* успеха (название повести В. Савченко); Я доделаю дело! | Куда и откуда ни глянь,— | *Программирован* мир. Неприглядны для свежего глаза | Многовольтные заросли, | Проволочный гаолян, | Хлопья черного дыма | И выхлопы желтого газа (П. Антокольский, Две реплики в споре).

108. Публицистика и художественная проза разрабатывали приемы включения в текст метафорически переосмысленного термина уже в XIX в. Но совершенно новым процессом, не свойственным русской литературе предшествующего периода, является вовлечение терминологии науки и техники в образную ткань поэтических произведений. Это — новое выразительное средство, характеризующее именно поэзию XX в. Поэтический язык всегда особенно чутко отражает реальные языковые сдвиги и перемещения, поэтому освоение поэзией этой области лексики является симптоматичным.

Первые случаи расширительного и метафорического использования строгих научных терминов находим в стихах символистов и у «левых акмеистов». Особенно отчетливая ориентация на научную терминологию характерна для поэтической манеры В. Брюсова и М. Зенкевича:

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков.
Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там — все, что здесь в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.

(В. Брюсов, Мир электрона)

Сцепень белых параллелограммов
В черных черточках — в свое жерло
Тянет Аустерлицев и Ваграмов
Бури, вплоть до шторма Ватерло.

(В. Брюсов, Книга)

Повелев магниту — легким танцем
Всколыхнув покой первичных сил,
Это он в ответ протуберанцам
Лед бесплодный кровью оросил.

(М. Зенкевич, Дикая порфира)

И в зарослях хвощей из затхлой мглы
Возносятся гигантских сигиллярий
Упругие и рыхлые стволы.

(М. Зенкевич, Темное родство)

В таком употреблении назывная функция термина неважна, его предметная соотнесенность стерта, он становится предельно абстрактным и неопределенным.

В. Маяковский был одним из первых поэтов, которые широко вводили в стих техницизмы разного рода:

Мясом дымясь, сжимаю жжение.
Моментально молния телом забегала.
Стиснул миллион вольт напряжения.

(Про это)

Лучше всяких «Лефов»
на́смерть ранив
русского ленивый вкус,
Музыкой в миллион подъемных
кранов
Цокает, защелкивает Курск.

(Рабочим Курска...)

Приходит страшнейшая из амортизаций —
амортизация
сердца и души.

(Разговор с фининспектором о поэзии)

... Тот человек, в котором
Цистерной энергия — не стопкой,
Который сердце заменил мотором,
Который заменит и легкие
топкой.

(Протестую)

Слово-термин в стихах Маяковского внутренне полемично. Известно, как поэт издевался над эстетами, по мнению которых «соловей» в стихотворении употребить можно, а «форсунка» — нельзя. Для самого Маяковского любое слово становилось весомым, если его поставить в соответствующее окружение. Контрастные, резкие столкновения слов были его излюбленным приемом. И поэтому техницизмы играли видную роль в его поэтическом словаре.

Современные поэты продолжают разрабатывать различные приемы ввода терминов в поэтическую речь. Мы встречаем метафорически и символически переосмысленные термины у поэтов разных поколений и разных направлений. Конечно, в зависимости от вкусов и творческой манеры автора термины подвергаются разной стилистической обработке (так, иногда термин-метафора органично входит в образную систему стихотворения; в других случаях он оказывает деформирующее влияние,— происходит сдвиг, скачок в ассоциациях). Например:

Так
Велика
Гора черновиков,
Бумаги каменеющая масса,
Что кажется, за несколько веков
Мне разобраться в этом не удастся.
И не отточишь
Никаких лопат,
Чтоб все пласты поднять вот эти снова,
Где происходит атомный распад
Неуловимых элементов слова.

(Л. Мартынов, Гора)

Человек — такой перекресток,
То простое и непростое,
Где пароль, рожденный на звездах,
Отзовется немедля в протоне.

(Б. Слуцкий, Человек)

О вечная поэзия, свети!
Дыханием, пределом напряженья
Над сонными квартирами взлети —
Преодолей земное притяженье!

(Ю. Панкратов, Поэту)

Мои учителя устали.
Что ж, им досталось трудновато,
Они устали, как детали,
По всем законам сопромата.
По испытанию на прочность,
По испытанию на славу,
По испытанию на подлость
Они испытаны наславу.

(С. Куняев, Мои учителя устали...)

Человек оскорблен...
Разве это беда?
Просто нервы искрят,
Как в грозу провода...

(Ю. Друнина, Курит сутки подряд...)

Сметая каноны, прогнозы, параграфы,
Несутся искусство, любовь и история
По параболической траектории!

(А. Вознесенский, Параболическая баллада)

Ср. названия поэтических сборников последних лет: «Высокое напряжение» П. Антокольского, «Парабола» и «Антимиры» А. Вознесенского, «Пульс» В. Цыбина, «Формула» В. Вологдина и др.

109. Очень важным процессом среди языковых явлений, связанных с контактами общераспространенной и терминологической лексики, является процесс детерминологизации. Детерминологизация — это заимствование слова из терминологической системы и полное освоение его литературным языком.

Одним из путей к детерминологизации слова является путь от метафорического употребления к устойчивому переносному значению, при котором полностью стирается образный ореол слова. Например, слово *резонанс* (в науке — ‘явление сильного возрастания амплитуды колебаний в системе, совершающей их, под влиянием внешних сил, когда частота собственных колебаний системы совпадает с частотой колебаний внешней силы’) получает переносное значение ‘отзвук, отголосок’:

Если неосторожные, бестактные слухи проникают в печать, они могут вызвать в армии очень вредный *резонанс* (М. Горький, Жизнь Клима Самгина); Письмо Евгении Викторовны в газету имело большой *резонанс*, ее личность вдруг стала в центре общественного внимания (Макаренко, Книга для родителей); Академик Иоффе сделал доклад о научно-технической работе и массовом изобретательстве. Однако полного *резонанса* он еще не получил; Выступление ткачихи имело неожиданно громкий *резонанс* (Из газет 50-х годов).

Технический термин *контакт* приобрел устойчивое переносное значение ‘связь, взаимодействие’:

Еще раз Петр Евграфович попытался установить душевный *контакт* со спутником своим (Л. Леонов, Скутаревский); Театральный спектакль, как и всякое произведение искусства, начинает полноценно существовать лишь с момента *контакта* со зрителем (В. Пудовкин, Актер в фильме); Мне доводилось около бывать, |Но я чужда привычке современной| Налаживать *контакт* несоразмерный, | В знакомстве быть и имя называть (Б. Ахмадулина, Главы из поэмы); Вся его работа протекает в полном *контакте* с ячейкой и фабкомом; Эти строки пишутся не для того, чтобы как-то ограничить *контакты* с иностранцами; Растут дружеские *контакты* (Из газет).

110. Другой путь детерминологизации слов не связан с метафоричностью. Это — генерализация, обобщение специального значения в процессе употребления. При этом происходит и расширение сферы употребления слова, круг его применения уже не ограничивается рамками какого-то одного жанра. Так, медицинский термин *диагноз* (‘определение болезни на основании исследования больного’) получает обобщенное значение в общем употреблении: ‘определение чего-н. на основании каких-либо данных’. Например:

Не боясь безапелляционных критических *диагнозов*, можно сказать, что Горышин — писатель чуткий, тонкий, я бы сказал, стилистически нежный (Л. Аннинский, Ядро ореха); *Диагноз* — равнодушие; С налету не поставишь *диагноза*, чтобы понять человека, надо хотя бы раз увидеть его вне служебной обстановки (Из

газет 60-х годов); Не ставь только ты никаких *диагнозов*, надоели эти ярлыки, определенность (Из устной речи).

Термин *параметр* ('величина, характеризующая какое-н. устройство, его свойство или режим работы, принимаемая как основной показатель этого устройства') приобретает генерализованное значение 'некоторая величина, некий показатель'. Например:

Критики регистрируют особенности нового жанра, его главные *параметры*; Скоро все *параметры* будущего заранее рассчитает электронно-счетная машина; Такие *параметры*, как доброта и порядочность, явно ему неведомы (Из газет); — Какая хоть она, твоя Люся? — Да как тебе сказать... ростом метр шестьдесят пять, пожалуй... Ну, здесь вот так... и здесь в порядке. В общем, *параметры* подходящие (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

111. Третий путь детерминологизации слов связан с изменением сферы употребления данного термина без каких-либо заметных смещений в его содержании. Этот процесс характерен не столько для узких терминов разных наук, сколько для «общенаучной лексики» — слов, прикрепленных к научному стилю речи (например, *доминировать*, *миграция*, *синхронный*, *корреляция*, *рефлективный* и т. п.). Из научных жанров речи некоторые из этих слов переходят в публицистику, в устную речь, а затем закрепляются в общелитературном языке. Так, например, широкое распространение получили слова *аккумулировать*, *контур*, *концентрировать*, *необратимый*, *лимит*, *лимитировать*, *оптимальный*, *локальный* и некот. др., которые еще в СУ фигурируют с пометой «науч.» Ср.:

Множеством нитей, точно живых нервов, районный комитет партии связан с передовыми людьми. Благодаря этому он *аккумулирует* их опыт и использует его в своем руководстве сельским хозяйством; Время *аккумулировано* в окружающих нас предметах и явлениях; *Контуры* пятилетки даны четко и ясно; Я еще не видел четких *контуров* будущего фильма; Это потребует *концентрации* всех наших сил и возможностей; *Концентрируя* человеческие чувства, освещая их прожектором прекрасного, искусство особенно ценно тем, что будит в человеке творца; Достижение этой великой гуманистической цели не *лимитируется* ни состоянием науки и техники, ни ресурсами труда и средств; Но в то время, как жизнь в спектакле Г. Товстоногова течет в своих обычных формах, в недрах ее происходит *необратимый* процесс человеческого разъединения; Я не уверен, что молодые актеры этого театра поставлены в *оптимальные* условия; Нормы отчисления в этот фонд поставлены в прямую зависимость от *оптимального* планирования (Из газет 60-х годов).

112. Новое переносное значение и новое употребление слова всегда связано с изменением круга его лексической сочетаемости. Характерна судьба астрономического термина *орбита*. В XIX в. отмечено переносное употребление этого слова, восходящее к сравнениям. Ю. С. Сорокин указывает, что при видоизменении

смысла этого слова сохранялось и даже подчеркивалось явление «переноса», связь его с исходным значением [25]. Употреблялись преимущественно фразеологизмы *орбита влияния* и *в орбите (чего)*. В конце 50-х годов нашего века в связи с запуском искусственных спутников Земли и космических кораблей слово это получило новую жизнь. Изменилась его лексико-семантическая сочетаемость; появились и широко распространились фразеологизмы *вывести, выйти на орбиту, на орбите, по орбите, запустить на орбиту*. Очень частотны и переносные значения слова *орбита* в атрибутивных сочетаниях. Все это содействовало образованию и укреплению нового переносного значения термина «орбита». Ср.: *На* трудовой *орбите*; Путешествие *по орбите* спартакиады; *С орбиты* привычного; Рабочая *орбита* семилетки; *К* большим *орбитам! По орбите* коммерции; *На орбите* поиска (Из газет); Пусть несет меня им вопреки | *На* невычисленные *орбиты* | Неизвестная скорость строки (С. Куняев, Самоприлке не нужно ремонта...).

Причины распространения в речи тех или иных терминологических серий носят ярко выраженный социальный характер. Однако факты усвоения и ассимиляции термина общелитературным языком обусловлены причинами внутриязыковыми. Это обычно происходит тогда, когда термин покрывает дефицит в номинации тех или иных объектов или отношений, занимает пустующую ячейку в определенном семантическом поле. В этом смысле детерминологизация слов уподобляется процессу заимствования слов из других языков.

Детерминологизированные слова, заимствованные из научных сфер речи в нашем столетии, четко подразделяются на две группы: 1) слова, пришедшие в общелитературный язык через публицистические каналы, и 2) слова, проникающие в общее употребление из разговорной речи. Первую группу слов формируют как правило научные термины: *амплитуда, диапазон, коэффициент, масштабность, потенциал, резонанс, рефлекс, созвездие, тонус, цепная реакция, диагноз, иммунитет, противопоказанный, травма, параметр, траектория, аккумулировать, необратимый* и т. п.

Во вторую группу слов входят в основном технические термины: *накал, контакт, крен, спайка, задел, отдача, обтекаемый, завихрение, включиться, подключиться, пустить на самотек, фильтровка* и под.

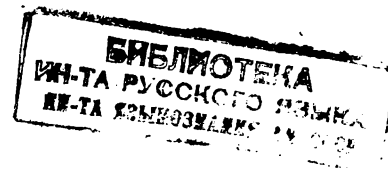
Эти группы слов различаются стилистически: «строгие» научные термины, пришедшие в общелитературный язык через публицистические каналы, носят ярко выраженный книжный характер; технические же термины имеют нейтральную или сниженную стилистическую окраску. Стилистическая окраска слова играет в данном случае диагностирующую роль и указывает на каналы, пути проникновения слова в общелитературное употребление.

[25] Ю. С. Сорокин. Указ. соч., стр. 386.

Таким образом, процесс взаимодействия общелитературной лексики со специальной лексикой идет в наше время и в ш и р ь (затрагивает все новые и новые области речи) и в г л у б ь (появляются новые способы и типы контактов специального и общераспространенного).

113. Воздействие терминологии на общелитературную речь, яркое и острое в послереволюционные годы, стимулировало многие лексические процессы, характерные для современного русского языка. Оно было связано с заимствованием слов из терминологических систем в общелитературный язык. Такое заимствование «внутренних ресурсов» особенно типично для русского языка советской эпохи. Оно было связано с переосмыслением слов, с метафоризацией (именно метафоризация была активным процессом семантического изменения слов в языке нашего времени; см. II, § 49). Оно вело к напряженным стилистическим взаимодействиям в литературных текстах, к пересмотру стилистических оценок в лексике. Яркий пример: использование терминов в поэзии — несомненный признак иной их стилистической оценки, чем в предшествующую эпоху. Но ведь именно стилистическая «переинтеграция» значительных пластов лексики — характернейший процесс в языке нового общества (как это показано в предыдущей, четвертой главе).

Терминология, вторгаясь в общелитературную речь, придает особенную активность, напряженность тем лексическим процессам, которые наиболее типичны для современного языка.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов 5

Список сокращений 13

Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи (§ 1—24) 16

Лексика современного русского литературного языка 50

Глава первая. Вступление (§ 1—7) 50

Глава вторая. Пополнение лексики словообразовательными неологизмами. Пополнение литературного языка заимствованиями (§ 8—39) 56

Глава третья. Внешние и внутренние факторы семантического развития. Основные типы семантических изменений в современном русском языке (§ 40—65) 92

Глава четвертая. Стилистические изменения в лексике (§ 66—86) 129

Глава пятая. Особенности номинации в области научно-технической терминологии. Функционирование терминов науки и техники в общелитературном языке XX века (§ 87—113) 151

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

Русский язык и советское общество
(социолого-лингвистическое исследование)

Лексика современного русского языка

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *О. Ф. Рожкова*
Художник *А. Г. Кобрин*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 21/XII 1967 г.
Подписано к печати 12/I 1968 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2 Т-01515
Тип. зак. 3580 Уч. изд. л. 12,6 Тираж 7500 экз.

Цена 94 коп.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
31	22 сн.	словообразвательные	словообразовательные
97	1 св.	реждений	учреждений
158	18 сн.	*брюхо, реторты*	*брюхо реторты*
167	23 св.	М. И. Сеченова	И. М. Сеченова

24 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»